СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

IV.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Сентября 20 дня 1834 года.

Цензоръ А. НИКИТЕНКО.

Придворная Типографія В. ГАСПЕРА, въ Карлсруэ.

GRAEFF sc

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

Изданіе пятое.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1821—1831.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1849.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1813—1817.

		Стр.
1813.	Адельстанъ. Баллада. (*Изъ Саути.*) . . .	1
	Тургеневу въ отвѣтъ на его письмо.	11
	Элизіумъ. Пѣсня. (*Изъ Маттиссона.*) . . .	19
	Пустынникъ. Баллада. (*Изъ Гольдсмита.*) . .	22
	Пѣсня.	29
	Сиротка.	31
	Добрая мать.	34
	Пловецъ.	36
	Пѣсня.	38
	Къ Воейкову. Посланіе.	41
	Теонъ и Эсхинъ.	55
	Путешественникъ. (*Изъ Шиллера.*) . . .	61
	Къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.	36
1814.	Варвикъ. Баллада. (*Изъ Саути.*)	69
	Къ Кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину.	77
	Алина и Альсимъ. Баллада. (*Изъ Монкрифа.*) .	85
	Аббадона. (*Изъ Клопштока.*)	95
	Библія. (*Изъ Фонтана.*)	111
	Къ Князю Вяземскому.	115
	Отрывокъ изъ Посланія къ Князю Вяземскому. .	119
	Эльвина и Эдвинъ. Баллада.	122
	Добрый совѣтъ въ альбомъ В. А. А.	127
	Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди. (*Иодр. Саути.*)	129
	Эолова арфа. Баллада.	138
	Въ альбомъ А. А. П.	150
	Ахиллъ. Баллада.	152
	Императору Александру.	161

Покаяніе. Баллада. 203
Судъ въ подземельѣ. Повѣсть. (Отрывокъ, *подражаніе Вальтеръ-Скотту.*) 213
У гроба Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ ночи наканунѣ Ея погребенія. . 239
Видѣніе. 245
1831. Сраженіе съ змѣемъ. Повѣсть. (*Подр. Шиллеру.*) 247
Судъ Божій. Повѣсть. (*Подр. Шиллеру.*) . . 256
Спящая Царевна. Сказка. 265
Война Мышей и Лягушекъ. Сказка. (Отрывокъ.) . 281
Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго, и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери. . . 299
Русская слава. 325
Примѣчаніе. 331

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

ПОВѢСТЬ.

Замокъ Шильонъ — въ которомъ съ 1530 по 1537 заключенъ былъ знаменитый Бонивaръ, Женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма — находится между Клараномъ и Вильневомъ у самыхъ восточныхъ береговъ озера (Лемана). Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина ведущая къ Сенъ-Морицу и Мартиньи, снѣжныя Валлизскія горы и высокіе утесы Мельери; а съ другой Монтре, Шателяръ, Кларанъ, Веве, множество деревень и замковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ какъ свѣтлыя точки сіяютъ Лозанна, Моржъ и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 Французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды, ибо совсѣмъ невидно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончится поверхность озера, тамъ начинаются крѣпкія стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бонивaръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ: своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу: на одной изъ коллонъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Не подалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, недалеко отъ Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана: онъ не примѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ замка.

I.

Взгляните на меня: я сѣдъ;
Но не отъ хилости и лѣтъ;
Не страхъ незапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой;
Но не труды, не хладъ, не зной —
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца.
Удѣлъ несчастнаго отца:
За вѣру смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей.
Насъ было шесть — пяти ужъ нѣтъ.
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,

Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два врата, падшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На днѣ тюремной глубины —
И двухъ сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ,
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонёкъ,
Во мракѣ вьющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо — ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;

Не будетъ ввѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ.
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душей остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной
И рядомъ съ мертвымъ я, живой
Терзался на полу тюрьмы.

III.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить,
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ.
Онъ намъ лице чужое далъ —
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснію войны —
Но скоро то же и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено;

Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта ль?.... но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ, какъ чужой.

IV.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душой.
Нашъ младшій братъ, любовь отца....
Увы! черты его лица,
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-веселъ самъ съ собой....

Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы какъ ручей.

V.

Другой былъ столь же чистъ душой;
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
И въ первый рядъ на смерть готовъ....
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ —
И гробъ тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI.

Шильонъ Леманомъ окруженъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;

Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день и ночь была слышна
Въ него біющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось — бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось — вихорь бушевалъ,
И содрогалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ;
Свободой былъ бы смертный часъ.

VII.

Середній братъ нашъ — я сказалъ —
Душой скорбѣлъ и увядалъ.
Унылъ, угрюмъ, ожесточёнъ,
Отъ пищи отказался онъ:
Ѣда тюремная жестка;
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко.'
Намъ козъ Альпійскихъ молоко
Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда —

Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы —
Слезами смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ.
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ: равно завялъ бы онъ,
Когда бъ и нѣгой окружёнъ
Безъ воли былъ.... зачѣмъ молчать?
Онъ умеръ.... я жъ ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ,
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ;
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ —
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ;
Я близко былъ и былъ далёкъ.
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы....
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На косѣ онъ невольникъ былъ.
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять;
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:

Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробѣ онъ.
„Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ
„Не тихъ“.... Но былъ отвѣтъ слезамъ
Холодный смѣхъ; и братъ мой тамъ
Въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ,
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
Убійцъ достойный мавзолей.

VIII.

Но онъ — нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ — образъ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ — для кого я жизнь щадилъ:
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть....
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яспымъ жребій свой;
Не я ему — онъ для меня
Подпорой былъ.... вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть,

Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка.... я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла:
Но *тамъ* былъ страхъ — *здѣсь* скорбь была,
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ, въ тиши,
Онъ гасъ, столь крокто-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ.... увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ;
Ни вздоха скорби на устахъ;
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
О упованьи.... но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.

Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ....
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ....
Молчаньемъ страшнымъ пробуждёнъ,
Я вслушиваюсь.... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный.... стѣна
Откликнулась.... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ.... къ брату.... брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ — какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ — предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ изчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ ней;
Я дико по тюрьмѣ бродилъ —
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой;
И взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О! сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаёмъ
Что милому уже не быть.

И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю — вѣра ль то была,
Иль хладность въ жизни жизнь спасла?

IX.

Но что потомъ сбылось со мной,
Не помню.... свѣтъ казался тмой,
Тма свѣтомъ; воздухъ изчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было тма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть — какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,

Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

X.

Вдругъ лучъ незапный посѣтилъ
Мой умъ.... то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ; онъ снова пѣлъ;
И мнилось съ неба онъ летѣлъ;
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживлёнъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго.... мысль моя
Стезей привычною пошла;
И я очнулся.... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тма;
Какъ прежде блѣдною струёй
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ....
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ;
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днёмъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной....
Какъ много было въ пѣсни той!
И все то было про меня!

Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу ль?.... Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ....
Но утѣшитель вдругъ изчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня....
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ.... меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлучёнъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Къ душѣ тюремныхъ сторожей
Какъ будто жалость путь нашла;
Дотолѣ ихъ душа была
Безчувственнѣй желѣзъ моихъ;
И что разжалобило ихъ,
Что милость вымолило мнѣ,
Не знаю.... но опять къ стѣнѣ
Уже прикованъ не былъ я;
Оборванная цѣпь моя
На шеѣ билася моей;
И по тюрьмѣ я вмѣстѣ съ ней
Вдоль стѣнъ, кругомъ столбомъ бродилъ,
Не смѣя братнихъ лишь могилъ
Дотронуться моей погой,
Чтобы послѣднія земной
Святыни тамъ не оскорбить.

XII.

И мнѣ оковами прорыть
Ступени удалось въ стѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли.... я былъ сирота,
Міръ сталъ чужой мнѣ, жизнь пуста,

Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою:
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Все, что знавалъ, все, что любилъ,
Невозвратимо схоронилъ,
И въ области веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня;
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я былъ бы лишній гость на пёмъ,
Какъ облако, при ясномъ днѣ
Потерянное въ вышинѣ,
И въ радостныхъ его лучахъ
Ненужное на небесахъ....
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ,
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На близкія къ нимъ небеса.

XIII.

Я ихъ увидѣлъ — и онѣ
Всѣ были тѣ жъ: на вышинѣ
Вѣковъ созданіе снѣга,
Подъ ними Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ,
И Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышанъ былъ мнѣ шумъ ручьёвъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;

И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ,
И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль береговъ....
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на нёмъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивался нѣжнѣй
Кругомъ родныхъ береговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у брега, отплывалъ
И, при свободномъ вѣтеркѣ
Летя, скрывался вдалекѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ — то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ — за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль

Мнѣ сжала грудь.... мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ —
Меня, казалось, обхватилъ
Холодный гробъ, казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытою землёй;
Но какъ ни тяжко ныла грудь —
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

XIV.

День приходилъ — день уходилъ —
Шли годы — я ихъ не считалъ;
Я, мнилось, память потерялъ
О перемѣнахъ на земли.
И люди наконецъ пришли
Мнѣ волю бѣдную отдать.
За что и какъ? О томъ узнать
И не помыслилъ я — давно
Считать привыкъ я заодно:
Безъ цѣпи ль я, въ цѣпи ль я былъ,
Я безнадежность полюбилъ;
И имъ я холодно внималъ,
И равнодушно цѣпь скидалъ,

И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей.... тамъ же другъ,
Все однодомецъ было мой:
Паукъ темничный надо мной
Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсматривать любилъ;
Я къ цѣпи руку пріучилъ;
И.... столь себѣ невѣрны мы!....
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ —
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

БАЛЛАДА.

До разсвѣта подпявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ;
И безъ отдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.

Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
На военное дѣло баронъ;
Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ;

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ;
Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрытъ онъ щитомъ; и топоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Черезъ три дни домой возвратился баронъ,
Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;
Черезъ силу и конь, опѣнённъ, запылённъ,
Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.

Анкрамморскія битвы баронъ не видалъ,
Гдѣ потоками кровь ихъ лилась,
Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
Гдѣ за родину бился Дугласъ:

Но желѣзный шеломъ былъ изсѣченъ на нёмъ,
Былъ изрубленъ и панцырь и щитъ,
Былъ недавнею кровью топоръ за сѣдломъ,
Но не Англійской кровью покрытъ.

Соскочивъ у часовни съ коня за стѣной,
Притаяся въ кустахъ, онъ стоялъ;
И три раза онъ свиснулъ — и пажъ молодой,
На условленный свистъ прибѣжалъ. —

Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой,
И присядь на колѣна мои;
Ты младенецъ, но ты откровененъ душой,
И слова непритворны твои.

Я въ отлукѣ былъ три дни, мой пажъ молодой;
Мнѣ теперь ты всю правду скажи:
Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожой?
И кто былъ у твоей госпожи?

„Госпожа по ночамъ къ отдáленнымъ скаламъ,
Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ:
(Вѣдь огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ
Не прокрасться во мракѣ ночномъ).

И на первую ночь непогода была,
И безъ умолку филинъ кричалъ;
И она въ непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скалъ.

Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ темнотѣ;
И сидѣла одна — я узрѣлъ;
Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
Одиноко маякъ пламенѣлъ.

На другую же ночь — я за ней по слѣдамъ
На вершину опять побѣжалъ —
О Творецъ, у огня одинокаго тамъ
Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ.

Подпершися мечёмъ, онъ стоялъ предъ огнёмъ,
И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
Но подъ шумнымъ дождёмъ, но при вѣтрѣ ночномъ,
Я разслушать не могъ ихъ рѣчей.

И послѣдняя ночь безненастна была,
И порывистый вѣтеръ молчалъ;
И къ маяку она на свиданье пошла;
У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

И сказала (я слышалъ): „въ полуночный часъ,
„Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днёмъ,
„Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ;
„Онъ теперь на свиданьи иномъ;

„Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
„Онъ въ сраженьи забылъ про меня —
„И тайкомъ отопру я для милаго дверь
„Накануне Иванова дня.“

— Я не властенъ придти, я не долженъ придти,
Я не смѣю придти (былъ отвѣтъ);
Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду.... мнѣ товарища нѣтъ. —

„О, сомнѣніе прочь! безмятежная ночь
„Передъ великимъ Ивановымъ днемъ
„И тиха и темна и свиданьемъ она
„Благосклонна въ молчаньи своемъ.

„Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
„Я крыльце пересыплю травой,
„И въ пріютѣ моемъ, предъ Ивановымъ днемъ,
„Безопасенъ ты будешь со мной.“

— Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой:
Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ по ночамъ;
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной. —

„Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
„Панихиду онъ позванъ служить:
„Кто-то былъ умерщвлёнъ; по душѣ его онъ
„Будетъ три дни поминки творить.“

Онъ нахмурясь глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
— Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
То, быть можетъ, поминки по мнѣ.

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
Я приду подъ защитою мглы. —
Онъ сказалъ.... и она.... я смотрю.... ужъ одна
У маяка пустынной скалы.“

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раздраженъ,
И кипѣлъ и горѣлъ и сверкалъ.
— Но скажи, наконецъ, кто почной сей пришлецъ?
Онъ, клянусь небесами, пропалъ! —

„Показалося мнѣ, при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ,
И палашъ боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ.“

— Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлецъ
Былъ не властенъ придти: онъ убитъ на пути;
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ. —

„Нѣтъ! не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ.“

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ и блѣднѣлъ и дрожалъ.
— Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землёй
Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подъемлется мрачный Эльдонъ,
Ужъ три ночи, какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингамъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвлёнъ.

Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
Оглушенъ былъ ты бурей ночной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой. —

Онъ идетъ въ ворота, онъ уже на крыльцѣ,
Онъ взошелъ по крутымъ ступенямъ
На площадку, и видитъ: съ печалью въ лицѣ
Одиноко-унылая тамъ

Молодая жена — и тиха и блѣдна,
И въ мечтаніи грустномъ глядитъ
На поля, небеса, на Мертонски лѣса,
На прозрачно бѣгущую Твидъ.

— Я съ тобою опять, молодая жена. —
„Въ добрый часъ, благородный баронъ.
„Что разскажешь ты мнѣ? Рѣшена ли война?
„Поразилъ ли Боклю, пль сражёнъ?

— Англичанинъ разбитъ; Англичанинъ бѣжитъ
Съ Анкрамморскихъ кровавыхъ полей;
И Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велитъ,
И беречься недобрыхъ гостей. —

При отвѣтѣ такомъ измѣнилась лицомъ,
И ни снова.... ни слова и онъ;
И пошла въ свой покой съ наклоненной главой,
И за нею суровый баронъ.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Онъ вздыхалъ, онъ съ собой говорилъ:
„Не пробудится онъ; не подымется онъ;
„Мертвецы не встаютъ изъ могилъ.“

Ужъ заря занялась; былъ таинственный часъ
Межъ разсвѣтомъ и утренней тмой;
И глубокимъ онъ сномъ предъ Ивановымъ днёмъ
Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей....
И бродящимъ, открытымъ очамъ,
При лампадномъ огнѣ, въ шишакѣ и бронѣ
Вдругъ явился Ричардъ Кольдингамъ.

— Воротись, удалися, она говоритъ. —
„Я къ свиданью тобой приглашёнъ;
„Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный, спитъ:
„Не страшись, не услышитъ насъ онъ.

„Я во мракѣ ночномъ потаеннымъ врагомъ
„На дорогѣ измѣной убитъ;
„Ужъ три ночи, три дня, какъ монахи меня
„Поминаютъ — и трупъ мой зарытъ.

„Онъ съ тобой, онъ съ тобой, сей убійца ночной!
„И ужасный теперь ему сонъ!
„И надолго во мглѣ на пустынной скалѣ,
„Гдѣ маякъ, я бродить осуждёнъ;

„Гдѣ видалися мы подъ защитою тмы,
„Тамъ скитаюсь теперь мертвецемъ:
„И сюда съ высоты не сошелъ бы.... но ты
„Заклинала Ивановымъ днемъ.“

Содрогнулась она, и, смятенья полна,
Вопросила: но что же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ — ты спасенъ ли иль нѣтъ?....
Онъ печально потрясъ головой.

„Выкупается кровью пролитая кровь —
„То убійцѣ скажи моему.
„Беззаконную небо караетъ любовь —
„Ты сама будь свидѣтель тому.“

Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожалъ —
И десница́ какъ острое пламя была,
И по членамъ огонь пробѣжалъ.

И печать роковая въ столѣ вожжена:
Отразилися пальцы на нёмъ;
На рукѣ жъ — но таинственно руку она
Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ.

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣнахъ:
И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:
И дичится людей и молчитъ.

Сей монахъ молчаливый и мрачный — кто онъ?
Та монахиня — кто же она?
То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ;
То его молодая жена.

ЦЕИКСЪ И ГАЛЬЦІОНА.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ОВИДІЕВЫХЪ ПРЕВРАЩЕНІЙ.

Цеикъ, тревожимый ужасомъ тайныхъ, чудесныхъ видѣній,
Былъ готовъ испытать прорицанье Кларійскаго бога —
Въ Дельфы же путь заграждали Форбасъ и дружины Флегіанъ.
Онъ приходитъ къ своей Гальціонѣ, вѣрной супругѣ,
Ей сказать о разлукѣ... сказалъ... ужаснулась и хладомъ
Грудь облилася, блѣдность лапиты покрыла, слезами
Очи затмились, трикраты отвѣтъ начинала — трикраты
Скованный горемъ языкъ измѣнялъ; наконецъ возопила,
Частымъ рыданіемъ томно-печальную рѣчь прерывая:
„Милый супругъ мой, какою виной отъ себя удалила
„Я твое сердце? Уже ли не стало въ немъ прежней любови?
„Ты равнодушно теперь покидаешь свою Гальціону;

„Путь выбираешь дальнѣйшій; я ужъ милѣй въ отдаленьи.
„Странствуй ты по землѣ — тогда бы сердце не знало
„Страха въ печали, была бы тоска безъ заботы.... но моря,
„Моря страшусь; ужасаетъ печальная мрачностъ пучины;
„Волны — я зрѣла вчера — корабельны обломки носили;
„Здѣсь не разъ на гробницахъ пустыхъ имена я читала.
„Другъ, не ввѣряйся надеждѣ безстрашнаго сердца; не льстися
„Дружбой родителя, бога Эола, могущаго силу
„Вѣтровъ смирять и море по волѣ мутить и покоить.
„Разъ овладѣвши волнами, раскованны вѣтры не знаютъ
„Буйству границъ; и земля и моря имъ покорны; сгопяютъ
„Тучи на небо и страшнымъ огнемъ зажигаютъ ихъ пѣдра.
„Ахъ! чѣмъ болѣ ихъ знаю (а знать ихъ должна; я младенцемъ
„Часто въ жилищѣ отца ихъ видала), тѣмъ болѣ страшусь ихъ.
„Если жъ ни просьбы, ни слезы мои надъ тобою не властны,
„Если ужъ въ море далекое должно, должно пускаться,
„Другъ, возьми съ собою меня: мы раздѣлимъ судьбину;
„Зная, чѣмъ стражду, менѣе буду страдать; что ни встрѣтимъ,

„Все заодно; безъ разлуки невѣрнымъ волнамъ предадимся.“
Тронутый жалобной рѣчью супруги, сынъ Люциферовъ
Долго безмолвствовалъ, въ сердцѣ тая глубокое горе.
Но постоянный въ желаньи, онъ ввѣрить своей Гальціоны
Вмѣстѣ съ собой произволу опаснаго моря не смѣетъ.
Хочетъ ее убѣдить ободрительнымъ словомъ .... напрасно!
Нѣтъ убѣжденья печальной душѣ. Наконецъ онъ сказалъ ей:
„Долго разлука и краткая длится; но я Люциферомъ
„Свѣтлымъ клянусь возвратиться, если допуститъ судьбина,
„Прежде, чѣмъ дважды луна въ небесахъ совершиться успѣетъ.“
Симъ обѣтомъ надежду на скорый возвратъ ожививши,
Онъ повелѣлъ спустить на волны ладью и не медля
Снасти устроить и все изготовить къ далекому бѣгу.
Видитъ ладью Гальціона и, вѣщей душей предузнавши
Будущій рокъ, содрогнулась, слезы ручьемъ полилися;
Нѣжно прижалась къ супругу лицемъ безнадежно печальнымъ;
Томно шепнула: прости! и пала безъ чувства на брегъ.
Медлитъ унылый супругъ; но пловцы ужъ рядами взмахнули
Весла, прижавъ ихъ къ могучимъ грудямъ, и согласнымъ ударомъ

Всплыли влагу. Тронулось судно. Она отворила
Влажныя очи, и видитъ его у кормы.... Удаляясь,
Знакомъ прощальнымъ руки онъ послѣдній привѣтъ
посылаетъ;
Тѣмъ же знакомъ она отвѣчала. Далѣ и далѣ
Берегъ уходитъ, и очи лица распознать ужъ не могутъ;
Долго, долго преслѣдуетъ взоромъ бѣгущее судно;
Но когда и оно въ отдаленьи пространства пропало,
Силится взоромъ поймать на мачтѣ играющій парусъ;
Скоро и парусъ пропалъ. И безмолвно въ чертогъ
опустѣлый
Тихо пошла Гальціона и пала на одръ одинокій.....
Ахъ! и чертогъ опустѣлый, и одръ, и все раздражало
Грустное сердце, твердя о далеко-плывущемъ супругѣ.
Судно бѣжитъ. Вдругъ вѣтеръ шатнулъ неподвижныя
верви;
Праздныя веслы къ бокамъ ладіи прислонивъ, ко-
рабельщикъ
Волю далъ парусамъ и пустилъ ихъ свободно по мачтѣ:
Полные вѣтромъ попутнымъ, шумя, паруса натянулись.
Море браздя, половину пути ужъ ладья совершила;
Берегъ повсюду равно отдаленъ, повсюду невидимъ.
Вдругъ, передъ ночью, надулися волны, море бѣлѣетъ;
Сильный порывистый вѣтеръ внезапно ударилъ отъ юга.
„Свить паруса!“ возопилъ ужаснувшійся кормщикъ....
напрасно!
Вѣтра могучій порывъ помѣшалъ повелѣнье исполнить;
Шумомъ ревущей волны заглушило невѣтное слово.

Сами гребцы на работу бѣгутъ; одинъ убираетъ
Весла, другой чинитъ расколовшійся бокъ, тотъ исторгнуть
Силится парусъ у вѣтра; а тотъ, изъ ладьи выливая
Въ трещины бьющую воду, волны волнамъ возвращаетъ.
Все въ безпорядкѣ, а буря грознѣй и грознѣй; отовсюду
Вѣтры, слетаяся, бьются, и море, вздымаяся, воетъ;
Кормщикъ бодрость утратилъ, и самъ, признавая опасность,
Гдѣ они, что имъ начать, отъ чего остеречься, не знаетъ.
Властвуетъ буря, ничтожны предъ нею искусство и опытъ;
Вихорь, вопли гребцовъ, скрыпѣнье снастей, непрерывный
Плескъ отшибаемыхъ волнъ и громъ отовсюду.... ужасно!
Воды буграми, и море то вдругъ до самаго неба
Рвется допрянуть и темныя тучи волнами обрызгать;
То, подымая желтый песокъ изъ глубокія бездны,
Мутно желтѣетъ; то вдругъ чернѣе Стигійскія влаги;
То, опадая и пѣной шипящей разбившись, бѣлѣетъ.
Мчится Трахинское легкое судно игралищемъ бури;
Вдругъ возлетитъ и какъ будто съ утесистой горной стремнины
Смотритъ въ глубокій долъ, въ глубокую мглу Ахерона;

Вдругъ съ волной упадетъ и, кругомъ взгроможденному морю,
Видитъ какъ будто изъ адскія бездны далекое небо.
Страшно гремитъ ладія, отшибая разящія волны:
Такъ раздаются удары въ стѣнѣ, тяжелымъ тараномъ
Глухо разимой иль брошеннымъ тяжкимъ обломкомъ утеса.
Словно какъ пламенный левъ свирѣпѣетъ, тѣснимый ловцами,
Бѣшенъ встаетъ на дыбы, и грудью кидается въ копья:
Такъ яримая вѣтромъ волна, бросаясь на мачты,
Судно грозится пожрать и реветъ, надъ нимъ подымаясь.
Киль разшатался; утративъ защиту смолы, раздался
Бренные сшивы досокъ, и вторглась губящая влага;
Вдругъ облака, разступившись, дождемъ зашумѣли; казалось,
Небо упало на море и море воздвиглося къ небу.
Взмокли всѣ паруса, смѣшались съ водами пучины
Воды небесъ, и казалось, что звѣзды утратило небо.
Темную ночь густила темная буря; но часто
Молніи быстрымъ, излучистымъ блескомъ, летая по тучамъ,
Ярко сверкали, и бездна морская въ громахъ загоралась.
Вдругъ поднялся, и бѣжитъ, раскачавшись, ударить на судно

Валъ огромный. Подобно бойцу великану, который
Дерзко не разъ набѣгалъ на раскатъ осажденнаго
града,
Сбитый, снова рвался, наконецъ, окрыляемый славой,
Силой взбѣжалъ на вершину стѣны, одинъ изъ дру-
жины:
Такъ, посреди стѣсненныхъ валовъ, осаждающихъ
судно,
Всъ перевыся главой, воздвигся страшный девятый;
Хлещетъ, бьетъ по скрыпучимъ бокамъ ладіи утo-
мленной,
Рвется, ворвался, и вдругъ овладѣлъ завоеваннымъ
судномъ.
Волны, частью толпятся на приступъ, частью вло-
мились;
Все трепещетъ, какъ будто во градѣ, когда ужъ въ
проломы
Бросился врагъ, и стѣна за стѣною, гремя, упадаетъ;
Тщетно искусство; мужество пало; мнится, что съ
каждой
Новой волною новая страшная смерть нападаетъ.
Нѣтъ спасенья! тотъ плачетъ; тотъ цѣпенѣетъ, тотъ
мертвымъ
Въ гробѣ завидуетъ; тотъ къ богамъ посылаетъ
обѣты;
Тотъ, напрасно руки подъемля къ незримому небу,
Молитъ пощады; тотъ скорбитъ объ отцѣ, тотъ о
братѣ,

Тотъ о супругѣ и чадахъ, каждый о томъ, что по-
кинулъ;
Цеиксъ о милой своей Гальціонѣ: одной Гальціоны
Имя твердитъ онъ, тоскуетъ по ней, по, тоскуя,
утѣшенъ
Тѣмъ, что она далеко; хотѣлъ бы въ домашнему брегу
Разъ огляпуться, разъ хотѣлъ бы лицемъ обратиться
Къ милому дому.... но гдѣ же они? разъяренная буря
Все помутила; сугубою мглою черныя тучи
Небо все обложили, и ночь безпредѣльная всюду.
Вихорь вдругъ налетѣлъ.... затрещавъ, подломилась
и пала
Мачта за край и руль пополамъ. И, вставъ на добычу,
Грозенъ, жаденъ, смотритъ изъ бездны валъ-побѣ-
дитель.
Тяжкій, словно Аѳосъ, могучей рукою съ подошвы
Сорванный, словно Пиндъ, обрушенный въ бездну
морскую,
Онъ повалился. Корабль, раздавленный падшей гро-
мадой,
Вдругъ потонулъ. Одни изъ пловцевъ, захлебнувшись
Въ вихрѣ пѣнныхъ валовъ, не всплыли и разомъ
погибли;
Часть за обломки ладьи ухватились. Цеиксъ руками,
Нѣкогда скипетръ носившими, стиснулъ отбитую
доску;
Въ помощь отца, въ помощь Эола, водою душимый,
Часто зоветъ онъ, но чаще зоветъ свою Гальціону;

Съ нею мысли и сердце; жаль ея, а не жизни;
Молитъ онъ волны: тѣло его до очей Гальціоны
Милыхъ донесть, чтобъ родная рука его схоронила;
Онъ утопаетъ, но только что волны дыханье отпустятъ,
Онъ Гальціону зоветъ, онъ шепчетъ водамъ: Гальціона!
Вдругъ горой набѣжала волна, закипѣла и, лопнувъ,
Пала къ нему на главу, и его задавила паденьемъ....
Мракомъ задернувшись, въ оную ночь былъ незримъ и незнаемъ
Свѣтлый Люциферъ: невластный покинуть вершины Олимпа,
Онъ въ высотѣ облаками закрылъ печальныя очи. —
Тою порою Эолова дочь, объ утратѣ не зная,
Ночи свои въ нетерпѣньи считаетъ, готовитъ супругу
Платья, уборы гововитъ себѣ, чтобъ и ей и ему нарядиться
Въ день возврата, ласкаясь уже невозможнымъ свиданьемъ.
Всѣхъ боговъ призывая, предъ всѣми она зажигаетъ
Жертвенный ладонъ, Юнону жъ богиню усерднѣе молитъ,
Молитъ, увы! о погибшемъ, навѣкъ невозвратномъ супругѣ;
Молитъ, чтобъ онъ былъ здоровъ, чтобъ къ ней возвратился, чтобъ вѣрный

Сердца не отдалъ другой.... изъ столькихъ напрасныхъ желаній
Только послѣднее слишкомъ, слишкомъ исполнено было.
Но мольбы Гальціоны о мертвомъ тревожатъ Юнону:
Жертву и храмъ оскверняетъ рука, посвященная тьми.
„Вѣстница воли боговъ (сказала Юнона Иридѣ),
„Знаешь, гдѣ Сонъ обитаетъ, безмолвный податель покоя.
„Къ этому богу лети отъ меня повелѣть, чтобъ не медля
„Въ образѣ мертваго Цеикса призракъ послалъ Гальціонѣ,
„Истину ей возвѣстить.“ Сказала.... Ирида въ одеждѣ,
Яркостью красокъ блестящей, дугой въ небесахъ отразившись,
Быстро порхнула къ обители бога, въ скалахъ сокровенной.
Есть въ сторонѣ Киммеріянъ пустая гора съ каменистой
Мрачной пещерой; издавна тамъ Сонъ обитаетъ лѣнивый.
Тамъ никогда, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ пору заката
Фебъ не сіяетъ; лишь тонкій туманъ, отъ земли подымаясь,
Влажною стелется мглой и сумракъ сомнительный свѣтитъ.

Тамъ никогда будитель пернатыхъ съ пурпуровымъ гребнемъ
Дня не привѣтствуетъ крикомъ, ни песъ-сторожитель молчанья
Лаемъ своимъ не смущаетъ, ни говоромъ гусь осторожный;
Тамъ ни птицы, ни звѣря, ни легкой вѣтки древесной
Шорохъ не слышенъ и слова языкъ человѣчій не молвитъ;
Тамъ живетъ безгласный Покой. Изъ-подъ камня сочася,
Медленной струйкой Летійскій ручей, по хрящу пробираясь,
Слабымъ, чуть слышнымъ журчаніемъ сладко наводитъ дремоту:
Входъ пещеры обсаженъ цвѣтами роскошнаго мака
Съ множествомъ травъ: изъ нихъ усыпительный сокъ выжимая,
Влажная Ночь благодатно кропитъ имъ усталую землю.
Въ цѣломъ жилищѣ нѣтъ ни одной скрыпучія двери,
Тяжко на петляхъ ходящей, нѣтъ на порогѣ и стража.
Одръ изъ гебена стоитъ по срединѣ чертога, задернутъ
Темной завѣсой; наполнены пухомъ упругимъ подушки.
Богъ, разметавшись на ложѣ, тамъ нѣжитъ разслабленны члены.
Ложе осыпавъ, Сны безтѣлесные, легкія Грезы
Тихо лежатъ въ безпорядкѣ, несчетны, какъ нивные класы,

Листья дубравъ иль песокъ, на брегъ набросанный моремъ.
Входитъ въ пещеру младая богиня, раздвинувъ рукою
Входъ заслонявшіе Сны. Сіянье небесной одежды
Быстро темный чертогъ облеснуло. Встревоженный блескомъ,
Богъ медлительно поднялъ очи и снова закрылъ ихъ;
Силится встать, но слабость голову сонную клонитъ;
Нехотя онъ приподнялся; шатаясь, оперся на руку;
Всталъ. — Зачѣмъ ты? спросилъ онъ богиню. — Ирида сказала:
„Сонъ, живущихъ покой! о Сонъ, божество благодати!
„Миръ души, усладитель заботъ, усталаго сердца
„Нѣжный по тяжкихъ трудахъ и печаляхъ дневныхъ оживитель,
„Сонъ! повели, чтобъ Мечта, подражатель обманчивый правдѣ,
„Въ городъ Иракловъ Трахины, подъ видомъ царя полетѣла
„Тамъ сновидѣньемъ погибель супруга явить Гальціонѣ.
„Такъ повелѣла Юнона.“ Окончивъ, Ирида младая
Бога покинуть спѣшитъ: невольно ее покоряла
Сонная сила, и тихо кралось въ нее усыпленье.
Снова лазурью по радугѣ свѣтлой она полетѣла.
Богъ изъ несмѣтнаго роя имъ порожденныхъ Видѣній
Быбралъ искусника, всѣхъ принимателя видовъ Морфея:

Выдумщикъ хитрый, по волѣ во всѣхъ онъ является лицахъ,
Все выражаетъ: и поступь и тѣлодвиженья и голосъ,
Даже всѣ виды одеждъ и каждому свойственны рѣчи;
Но способенъ онъ брать лишь одинъ человѣческій образъ.
Есть другой — тотъ является птицей, звѣремъ, шипящимъ
Змѣемъ, слываетъ на Олимпѣ Икелосъ, а въ людяхъ Фоветоръ.
Третій, мечтательный Фантазосъ, дивнымъ своимъ дарованьемъ
Въ камни, волны, пригорки, пни, во все, что бездушно,
Съ легкостью быстрой влетаетъ. Они царямъ и владыкамъ
Чудятся ночью; другіе жъ народъ и гражданъ посѣщаютъ.
Богъ, миновавъ ихъ, изъ легкаго сонмища вызвалъ Морфея
Волю Ириды свершить; потомъ, обезсиленъ дремотой,
Голову томно склонилъ и въ мягкій пухъ погрузился.
Тихо Морфей на воздушныхъ, безъ шороха вѣющихъ крыльяхъ
Мракомъ летитъ; онъ, скоро полетъ соверша, очутился
Въ градѣ Гемонскомъ, и крылья сложилъ, и Цеиксовъ образъ

Принялъ: блѣденъ, подобно бездушному, нагъ, безобразенъ,
Онъ подошелъ къ одру Гальціоны; струею лилася
Влага съ его бороды; съ волосъ бѣжали потоки.
Къ ложу тихо склонившись лицемъ, облитымъ слезами,
Онъ сказалъ: „я Цеиксъ; узнала ль меня, Гальціона?
„Смерть уже ль измѣнила меня? Всмотрися — узнаешь;
„Или хоть призракъ супруга вмѣсто супруга обнимешь.
„Тщетны были моленья твои, Гальціона: погибъ я.
„Въ морѣ Эгейскомъ, южный, порывистый вѣтеръ настигнулъ
„Нашу ладью, и долго бросалъ по волнамъ, и разрушилъ.
„Мнѣ въ уста, напрасно твое призывавшія имя,
„Влага морская влилась. Не гонецъ предъ тобой, Гальціона,
„Съ вѣстью невѣрной; не слуху невѣрному нынѣ ты внемлешь:
„Самъ я, въ морѣ погибшій, тебѣ повѣствую погибель.
„Встань же, вдова; дай слезъ мнѣ; одѣнься въ одежду печали.
„О! да не буду я въ Тартарѣ темномъ бродить неоплаканъ!“
Такъ говорилъ Морфей, и голосъ его былъ подобенъ
Голосу Цеикса; очи его непритворно слезами

Плакали; даже и руки свои простиралъ онъ, какъ Цеиксъ.
Тяжко во снѣ Гальціона рыдала; сквозь сонъ протянула
Руки; ловитъ его, но лишь воздухъ пустой обнимаетъ.
„Стой! она возопила — помедли, я за тобою.“
Собственный голосъ и призракъ ее пробудили; вскочила
Въ страхѣ; ищетъ, очами кругомъ озираясь, тутъ ли
Видѣнный другъ? .... На крикъ ея прибѣжавшій невольникъ
Подалъ свѣтильникъ — напрасно! нигдѣ его не находитъ.
Съ горя бьетъ себя по лицу, раздираетъ одежду,
Перси терзаетъ и рветъ на главѣ неразвитые кудри.
Что съ тобой, Гальціона? спросила кормилица въ страхѣ.
„Нѣтъ Гальціоны, она возопила, нѣтъ Гальціоны!
„Съ Цеиксомъ вмѣстѣ она умерла; оставь утѣшенье:
„Онъ погибъ: я видѣла образъ его и узнала.
„Руки простерла его удержать, напрасно — то было
„Тѣнь; но тѣнь знакомая, подлинный Цеиксовъ образъ.
„Правда, почудилось мнѣ, что въ миломъ лицѣ выражалось
„Что-то чужое, не прежнее: прелести не было прежней.
„Блѣденъ, нагъ, утомленъ, съ волосами, струящими влагу,
„Мнѣ привидѣлся Цеиксъ, и тамъ стоялъ онъ, печальный!

„Вотъ то мѣсто.... (и мутно глаза привидѣнья искали).
„Другъ! не того ли страшилося вѣщее сердце, когда я
„Такъ молила тебя остаться и вѣтрамъ не вѣрить?
„Къ смерти на встрѣчу спѣшилъ ты.... почто жъ Гальціону
„Здѣсь ты покинулъ? Вмѣстѣ намъ все бы спасеніемъ было.
„Ахъ! тогда ни минуты бы жизни розно съ тобою
„Я не утратила: смерть постигла бы насъ неразлучныхъ.
„Нынѣ жъ, въ отсутствіи, гибну твоею погибелью; море
„Все мое лучшее, всю мою жизнь въ тебѣ погубило.
„Буду безжалостнѣй самаго моря, если останусь,
„Тяжкую жизнь влачить, терпя нестерпимое горе.
„Нѣтъ! не хочу ни терпѣть, ни тебя отрекаться, о милый,
„Бѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ; пускай насъ въ могилѣ,
„Если не урна одна, то хоть надпись одна сочетаетъ;
„Розно прахомъ, будемъ хотя именами нерозно.“
Тутъ умолкла: печаль оковала языкъ и рыданье
Духъ занимало, и стоны рвалися изъ ноющей груди. —
Было утро; она повлеклася на тихое взморье
Къ мѣсту тому, откуда вслѣдъ за плывущимъ смотрѣла.
Тамъ стояла долго. „Отсюда ладья побѣжала;
„Здѣсь мы послѣднимъ лобзаньемъ простились.“ Такъ повторяя

Прошлое думою, взоръ помраченный она устремляла
Въ даль морскую. Вдали, на волнахъ колыхаясь, мелкаетъ
Что-то, какъ трупъ — но что? Для печальнаго взора не ясно.
Ближе и ближе, виднѣй и виднѣй; уже Гальціона
Можетъ вдали распознать плывущее мертвое тѣло.
Кто бы ни былъ погибшій, но бурей погибъ онъ; и горько
Плача объ немъ, какъ бы о чужомъ, она возопила:
„Горе, бѣдный, тебѣ! и горе женѣ овдовѣвшей!“
Тѣло плыветъ, а сердце въ ней болѣ и болѣ мутится.
Вотъ ужъ у брега; вотъ и черты различаетъ ужъ око.
Смотритъ.... Кто жъ? Цеиксъ. — Онъ! возопила, терзая
Перси, волосы, платье. Съ берега трепетны руки
Къ тѣлу простерла. „Такъ ли, мой милый, такъ ли несчастный,
„Ты возвратился ко мнѣ?“.... Въ томъ мѣстѣ плотина изъ камня
Брегъ заслоняла высокой стѣной отъ приливнаго моря;
Въ бурю же ярость и силу напорной волны утомляла.
Съ той высокой стѣны въ пучину стремглавъ Гальціона
Бросилась.... Что же? о чудо! она взвилась, и надъ моремъ,
Воздухъ свистящій внезапно-разцвѣтшимъ крыломъ разбивая,

Вдоль по зыбучимъ волнамъ полетѣла печальною птицей.
Жалобно въ грустномъ полетѣ, какъ будто кого прикликая,
Звонкимъ щелкая носомъ, она протяжно стенала;
Прямо на трупъ охладѣлый и блѣдный она опустилась;
Нѣжно безгласнаго юнымъ крыломъ обняла, и какъ будто
Силилась душу его пробудить безответнымъ лобзаньемъ.
Былъ ли чувствителенъ Цеикъ, волны ль ему, колыхаясь,
Подняли голову — что бы то ни было — онъ приподнялся.
Скоро, надъ ихъ одиночествомъ сжалясь, безсмертные боги
Въ птицъ обратили обоихъ; одна имъ судьба; и понынѣ
Вѣрны бывалой любви; и понынѣ ихъ бракъ не разорванъ.
Поздней зимней порою семь дней безбурныхъ и ясныхъ
Мирно, безъ слета сидитъ на пловучемъ гнѣздѣ Гальціона;
Море тогда безопасно; Эолъ, заботясь о внукахъ,
Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ и воды спокойны.

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ;*
Но съ благодарностію: *были.*

ПОБѢДИТЕЛЬ.

Сто красавицъ свѣтлоокихъ
Предсѣдали на турниръ.
Всѣ — цвѣточки полевые;
А моя одна какъ роза.
На нее глядѣлъ я смѣло,
Какъ орелъ глядитъ на солнце.
Какъ отъ щекъ моихъ горячихъ
Разгоралося забрало!
Какъ рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцырь!
Свѣтлыхъ взоровъ тихій пламень
Сталъ душѣ моей пожаромъ;
Сладкошепчущія рѣчи
Стали сердцу бурнымъ вихремъ;
И она — младое утро —
Стала мнѣ грозой могучей;
Я помчался, я ударилъ —
И ничто не устояло.

ТРИ ПУТНИКА.

Въ свой край возвратяся изъ дальней земли,
Три путника въ гости къ старушкѣ зашли.

„Прими, пріюти насъ на темную ночь;
„Но гдѣ же красавица? Гдѣ твоя дочь?“

— Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалась красавица дочка моя. —

Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ:
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробъ лежитъ.

И первый, поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотритъ съ унылой душой.

„Ахъ! если бъ на свѣтѣ еще ты жила,
„Ты мною бъ отнынѣ любима была!“

Другой покрывало опять наложилъ,
И горько заплакалъ и взоръ опустилъ.

„Ахъ, милая, милая, ты ль умерла?
„Ты мною такъ долго любима была.“

Но третій опять покрывало поднялъ,
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ.

„Тебя я любилъ; мнѣ тебя не забыть;
„Тебя я и въ вѣчности буду любить.“

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

и

ПОСЕЛЯНКА.

Путешественникъ.

Благослови Господь
Тебя, младая мать,
И тихаго младенца,
Приникшаго къ груди твоей;
Здѣсь подъ скалою,
Въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ,
Сложивши ношу, отдохну
Отъ зноя близъ тебя.

Поселянка.

Скажи мнѣ, странникъ,
Куда въ палящій зной
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городскіе
Разносишь по селеньямъ?
Ты улыбнулся, странникъ,
На мой вопросъ.

Путешественникъ.

Товаровъ нѣтъ со мной.
Но вечеръ холодѣетъ;
Скажи мнѣ, поселянка,
Гдѣ тотъ ручей,
Въ которомъ жажду утоляешь?

Поселянка.

Взойди на верхъ горы;
Въ кустарникѣ, тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
Въ которой я живу;
Тамъ близко и студеный ключъ,
Въ которомъ жажду утоляю.

Путешественникъ.

Слѣды создательной руки
Въ кустахъ передо мною;
Не ты сіи образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

Поселянка.

Иди впередъ.

Путешественникъ.

Покрытый мохомъ архитравъ,
Я узнаю тебя, творящій Геній;
Твоя печать на этихъ мшистыхъ камняхъ.

Поселянка.

Все далѣ, странникъ.

Путешественникъ.

И надпись подъ моей ногою;
Ее затерло время:
Ты удалилось,
Глубоко-врѣзанное слово,
Рукой творца нѣмому камню
Напрасно ввѣренный свидѣтель
Минувшаго богопочтенья.

Поселянка.

Дивишься, странникъ,
Ты этимъ камнямъ?
Подобныхъ много
Близъ хижины моей.

Путешественникъ.

Гдѣ? гдѣ?

Поселянка.

Тамъ, на вершинѣ,
Въ кустахъ.

Путешественникъ.

Что вижу? Музы и Хариты.

Поселянка.

То хижина моя.

Путешественникъ.

Обломки храма.

Поселянка.

Вблизи бѣжитъ
И ключъ студеный,
Въ которомъ воду мы беремъ.

Путешественникъ.

Не умирая, вѣешь
Ты надъ своей могилой,
О Геній; надъ тобою
Обрушилось во прахъ
Твое прекрасное созданье....
А ты безсмертенъ.

Поселянка.

Помедли, странникъ, я подамъ
Кувшинъ, напиться изъ ручья.

Путешественникъ.

И плющъ обвѣсилъ
Твой ликъ, божественно-прекрасный.
Какъ величаво
Надъ этой грудою обломковъ
Возносится чета столбовъ.
А здѣсь ихъ одинокій братъ.
О какъ они —

Въ печальный мохъ одѣвъ главы священны —
Скорбя величественно, смотрятъ
На раздробленныхъ
У ногъ ихъ братій;
Въ тѣни шиповниковъ зеленыхъ,
Подъ камями, подъ прахомъ
Лежатъ они и вѣтеръ
Травой надъ ними шевелитъ.
Какъ мало дорожишь, природа,
Ты лучшаго созданья своего
Прекраснѣйшимъ созданьемъ!
Сама святилище свое
Безчувственно ты раздробила,
И тернъ посѣяла на немъ.

ПОСЕЛЯНКА.

Какъ спитъ младенецъ мой.
Войдешь ли, странникъ,
Ты въ хижину мою,
Иль здѣсь на волѣ отдохнешь?
Прохладно. Подержи дитя;
А я кувшинъ водой наполню.
Спи, мой малютка, спи.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Прекрасенъ твой покой....
Какъ тихо дышитъ онъ,
Исполненный небеснаго здоровья.

Ты, на святыхъ останкахъ
Минувшаго рожденный,
О будь съ тобой его великій Геній;
Кого присвоитъ онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія
Земную жизнь вкушаетъ.
Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтъ прекрасный;
Когда же отцвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ,
И дай богатый плодъ.

Поселянка.

Услышь тебя Господь!.... А онъ все спитъ.
Вотъ, странникъ, чистая вода
И хлѣбъ, даръ скудный, но отъ сердца.

Путешественникъ.

Благодарю тебя.
Какъ все цвѣтетъ кругомъ
И живо зеленѣетъ.

Поселянка.

Мой мужъ придетъ
Черезъ минуту съ поля
Домой; останься, странникъ,
И ужинъ съ нами раздѣли.

Путешественникъ.

Жилище ваше здѣсь?

Поселянка.

Здѣсь, близко этихъ стѣнъ
Отецъ намъ хижину построилъ
Изъ кирпичей и каменныхъ обломковъ.
Мы въ ней и поселились.
Меня за пахаря онъ выдалъ,
И умеръ на рукахъ у насъ....
Проснулся ты, мое дитя?
Какъ веселъ онъ! какъ онъ играетъ!
О милый!

Путешественникъ.

О вѣчный съятель, Природа,
Даруешь всѣмъ ты сладостную жизнь;
Всѣхъ чадъ своихъ, любя, ты надѣлила
Наслѣдствомъ хижины пріютной.
Высоко на карнизѣ храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилаетъ,
Лѣпя свое гнѣздо.
Червякъ, заткавъ живую вѣтку,
Готовитъ зимнее жилище
Своей семьѣ.
А ты среди великихъ
Мивувшаго развалинъ
Для нуждъ своихъ житейскихъ
Шалашъ свой ставишь, человѣкъ,
И счастливъ надъ гробами.

Прости, младая поселянка.

Поселянка.

Уходишь, странникъ?

Путешественникъ.

Да Богъ благословитъ
Тебя и твоего младенца!

Поселянка.

Прости же, добрый путь.

Путешественникъ.

Скажи, куда ведетъ
Дорога этою горою?

Поселянка.

Дорога эта въ Кумы.

Путешественникъ.

Далекъ ли путь?

Поселянка.

Три добрыхъ мили.

Путешественникъ.

Прости.
О, будь моимъ вождемъ, Природа;
Направь мой страннический путь;

Здѣсь надъ гробами
Священной древности скитаюсь;
Дай мнѣ найти пріютъ,
Отъ хладовъ сѣвера закрытый;
Чтобъ зной полдневный
Тополевая роща
Веселой сѣнью отвѣвала.
Когда жъ въ вечерній часъ
Усталый возвращусь
Подъ кровъ домашній,
Лучемъ заката позлащенный:
Чтобъ на порогъ моихъ дверей
Ко мнѣ на встрѣчу вышла
Подобно милая подруга
Съ младенцемъ на рукахъ.

РАЗРУШЕНІЕ ТРОИ.

ИЗЪ ЭНЕИДЫ ВИРГИЛІЯ.

Всѣ молчатъ, обративъ на Энея внимательны лица.
Съ ложа высокаго такъ начинаетъ Эней-прародитель:
О Царица, велишь обновить несказанное горе:
Какъ погибла Троя, какъ Пріамово царство
Греки низринули, все, чему я плачевный свидѣтель,
Все, чего я былъ главная часть.... повѣствуя объ этомъ,
Кто — Мирмидонъ ли, Долопъ ли, свирѣпый ли ратникъ Улисса —
Слезъ не прольетъ! Но влажная ночь уже низлетѣла
Съ тихаго неба; ко сну приглашаютъ сходящія звѣзды.
Если жъ толь сильно желаніе слышать о нашихъ страданьяхъ,
Слышать о страшномъ послѣднемъ часѣ разрушенной Трои:
Столь ни тяжко душѣ вспоминать о бѣдахъ толь великихъ,

Я повинуюсь. Войной утомленны, отверженны рокомъ,
Столько напрасно утративши лѣтъ, полководцы Данаевъ
Хитрымъ искусствомъ небесной Паллады коня сотворили,
Дивно-огромнаго, плотныя ребра изъ крѣпкія сосны,
Въ жертву богамъ при отплытіи (такъ молва разгласила).
Тутъ избранныхъ мужей, назначенныхъ жребіемъ, тайно
Скрыли они въ пространныя нѣдра чудовища: полно
Сдѣлалось чрево громады одѣянныхъ бронею ратныхъ.
Близъ Иліона лежитъ Тенедосъ, знаменитый издревлѣ
Островъ, обильный, доколѣ стояло царство Пріама,
Нынѣ же бѣдный заливъ, кораблямъ ненадежная пристань.
Тамъ, удалясь, у пустыхъ береговъ притаились Данаи;
Мы же ихъ мнили уплывшими съ вѣтромъ попутнымъ въ Микины.
Тевкрія вся отъ тяжелой печали вдругъ отдохнула;
Градъ растворился; рвемся на волю, чтобъ лагерь Дорійскій,
Мѣсто пустое и берегъ, врагами оставленный, видѣть.
„Тамъ стояло ихъ войско; тутъ шатеръ былъ Ахилловъ;
„Здѣсь корабли ихъ; тамъ поле, гдѣ рати обычно сражались.“
Всѣ дивятся опасному дару безбрачной Паллады;

Всѣ дивятся великой громадѣ, и первый Тимотосъ —
Былъ ли онъ врагъ намъ, судьба ль ужъ паденье Пергама рѣшила —
Въ городъ вовлечь и въ замкѣ поставить коня предлагаетъ:
Но проницательный Каписъ и каждый, въ комъ ясенъ былъ разумъ,
Въ море совѣтуютъ козни Данаевъ съ ихъ даромъ невѣрнымъ
Бросить, или предать огню и пепломъ развѣять;
Или, чрево пронзивъ, сокровенное въ немъ обнаружить.
Такъ въ нерѣшимости мнѣній толпа волновалась. Но быстро,
Гнѣвенъ, стремится отъ замка, одинъ впереди, провожаемъ
Сонмомъ шумящимъ народа, Лаокоонъ; издалека
Онъ возопилъ: „о несчастные! что за безумство, граждане!
„Вѣрите ль бѣгству врага? Иль мните, что даръ нековарный
„Могутъ оставить Данаи? Такъ ли узнали Улисса?
„Или Ахеяне здѣсь, заключенные въ древѣ, таятся;
„Или громада сія создана, чтобъ, на гибель Пергаму,
„Въ домы наши глядѣть и градъ сторожить съ возвышенья;
„Или коварство иное.... коню не ввѣряйтеся, Тевкры!
„Что здѣсь ни будь.... я Данаевъ страшусь и дары приносящихъ.“

Такъ сказалъ, и копье тяжелое мощной десницей
Онъ въ огромный бокъ и въ согбенное чрево громады
Рипулъ; вонзившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье;
Внутренность звонъ издала; застенало въ нѣдрѣ глубокомъ.
Такъ: когда бы не боги, когда бъ не затменье разсудка,
Намъ бы тогда же открыло ихъ козни желѣзо.... и ты бы,
Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Пріама!
Вдругъ Дарданскіе горные пастыри съ крикомъ и плескомъ
Юношу, руки ему на хребетъ заковавши, къ Пріаму
Силой влекутъ; онъ самъ, невѣдомый имъ, замышляя
Хитрость и средство Ахеянъ впустить въ Иліонъ, произвольно
Предалъ себя, отважный, на все готовый заранѣ:
Козни ль свои совершить, иль вѣрною смертью погибнуть.
Жадно Троянскіе бросились юноши Грека увидѣть;
Стали кругомъ, и спорятъ другъ съ другомъ, чтобъ плѣннымъ ругаться....
Свѣдай же хитрость Ахеянъ; въ злодѣйствѣ единомъ
Всѣхъ ихъ узнай!
Стоя одинъ, посреди толпы, смятенъ, безоруженъ,
Робко водилъ онъ кругомъ недовѣрчивый взоръ; напослѣдокъ:
„О, какая земля, какое море — воскликнулъ —

„Примутъ меня, и что мнѣ теперь несчастливцу осталось!
„Мѣста межъ Греками нѣтъ, а здѣсь раздраженная Троя,
„Полная праведной мести, погибелью мнѣ угрожаетъ!“
Жалоба плѣнника тронула наши сердца; замолчало
Буйство толпы; вопрошаемъ: какой онъ породы? откуда?
Что намѣренъ начать; за что судьбу упрекаетъ?
Бремя страха сложивши, Пріаму отвѣтствовалъ плѣнникъ:
„Чтобъ ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во-первыхъ
„Родомъ я Грекъ — не таюсь; Синонъ быть можетъ несчастенъ,
„Воля судьбы; но коварнымъ лжецомъ никогда онъ не будетъ.
„Вѣрно молва донесла до тебя знаменитое имя,
„Вѣрно слыхалъ о дѣлахъ Паламеда, Вилова сына;
„Славный вождь, но безвинно по злымъ паущеньямъ Пелазговъ,
„Только за то, что войны не оправдывалъ, преданный смерти,
„Нынѣ же, свѣта лишенный, отъ нихъ же свирѣпыхъ оплаканъ.
„Сродникъ его, мой убогій отецъ, его попеченьямъ
„Въ юности ввѣрилъ меня, снарядивъ на войну; и доколѣ
„Былъ почтенъ Паламедъ, засѣдая съ вождями въ совѣтѣ,
„Былъ и я не безъ имени, было и мнѣ уваженье.

„Но съ тѣхъ поръ, какъ палъ онъ жертвой Улиссовой злобы,
„Тяжкую жизнь во мракѣ печальномъ влачилъ я, безплодно
„Въ сердцѣ своемъ негодуя на гибель невиннаго друга;
„О безразсудный! я не смолчалъ, но смѣло грозился
„Мстить за него, лишь только бъ въ Аргосъ возвратиться съ побѣдой
„Боги велѣли! Угрозы мои распалили ихъ злобу.
„Съ той минуты бѣды за бѣдами; Улиссъ неусыпно,
„Самъ виновный, меня обвинялъ въ замышленьяхъ, коварно
„Съялъ навѣты въ толпѣ и губилъ меня клеветами.
„Прежде не могъ успокоиться онъ, доколѣ Калхаса....
„Но почто продолжать безполезно-прискорбную повѣсть?
„Что прибавлю? Когда вамъ всѣ Греки равно ненавистны —
„Вѣдать довольно: я Грекъ; поражайте меня; вы Улиссу
„Тѣмъ угодите; и щедро за то наградятъ васъ Атриды.“

Чужды сомнѣнья, не зная всего вѣроломства Пелазговъ,
Мы, любопытствомъ горя, вопрошать продолжаемъ Синона.
Снова началъ онъ робкую рѣчь съ лицемѣрнымъ смиреньемъ:

„Долгой осадой наскучивъ, безплодной войной утомленны,
„Греки не разъ отъ упорныя Трои бѣжать замышляли.
„О! почто сего не свершилось? Но бури отъ моря
„Часто имъ путь заграждали, и южный вѣтеръ страшилъ ихъ.
„Съ той же поры, какъ построенъ былъ конь сей изъ брусьевъ сосновыхъ,
„Грозы съ небесъ не сходили и ливень шумѣлъ непрестанно.
Въ трепетѣ мы Эрифила узнать, что велитъ намъ оракулъ,
„Въ Дельфы послали — съ ужаснымъ отвѣтомъ онъ возвратился:
„*Греки, плывя къ Иліону, кровію дѣвы закланной*
„*Вѣчныхъ склонили боговъ даровать имъ вѣтеръ попутный:*
„*Крови Аргоскаго мужа и нынѣ за вѣтеръ возвратный*
„*Требуетъ небо.* Едва разнеслось прорицанье въ народѣ,
„Всѣ возмутились умы, сердца охладѣли и трепетъ
„Кости проникнулъ. Кому сей жребій? Кто Фебова жертва?
„Съ шумомъ тогда Улиссъ ухищренный Калхаса пророка
„Силой привлекъ предъ народъ, да откроетъ волю безсмертныхъ.
„Многіе тутъ же, зная Улисса, мнѣ предсказали
„Умыселъ злой на меня и ждали въ смятеньи, что будетъ;
„Десять дней прорицатель молчалъ и, таясь, отрекался

„Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
„Но наконецъ, приневоленъ докучнымъ Улиссовымъ воплемъ;
„Онъ произнесъ.... то было мое несчастное имя!
„Всѣ одобрили выборъ, и всякъ, за себя трепетавшій,
„Радъ былъ, что грозное всѣмъ одному обратилось въ погибель.
„День роковой наступалъ; меня ужъ готовили въ жертву;
„Были готовы и соль и священный пирогъ, и повязка
„Мнѣ ужъ чело украшала.... но я (не сокрою) разрушилъ
„Цѣпи, скрылся въ болото и тамъ, въ тростникѣ притаившись,
„Ночью ждалъ, чтобъ они, поднявъ паруса, удалились.....
„Нѣтъ теперь мнѣ надежды отчизну древнюю видѣть!
„Вѣчно милыхъ родныхъ и отца желаннаго вѣчно
„Я не увижу! быть можетъ и то, что ихъ же невинныхъ,
„Мнѣ въ замѣну, за бѣгство мое убійцы погубятъ.....
„О! всевышними, зрящими вѣчную правду богами,
„О! правотой неизмѣнною — если еще сохранилась
„Гдѣ на землѣ правота — молю: яви сожалѣнье
„Бѣдному мнѣ, и тронься на мой незаслуженный жребій!“
Мы, сострадая, скорбѣли надъ нимъ, проливающимъ слезы;
Самъ благодушный Пріамъ повелѣлъ тяготящія узы

Съ плѣнника снять и ему съ утѣшительной ласкою молвилъ:
Кто бы ты ни былъ, забудь о своихъ непріязненныхъ Грекахъ;
Нашъ ты теперь; ободрись, и друзьямъ откровенно повѣдай:
Что знаменуетъ громадный сей конь? На что онъ воздвигнутъ?
Кѣмъ? Приношеніе ль богу какому? Орудіе ль брани? —
Такъ Пріамъ вопрошалъ. И полный коварства Пелазговъ
Плѣнникъ, поднявши къ священному небу свободныя руки:
„Вы, свѣтила небесныя, вы, надзвѣздные боги,
„Васъ призываю (воскликнулъ), васъ, отъ которыхъ бѣжалъ я,
„Жертвенный ножъ, алтарь, роковая повязка! Отнынѣ
„Я навсегда разорвалъ ненавистныя съ Греками узы;
„Греки враги мнѣ; свободно открою Троянамъ ихъ тайны:
„Чуждый отчизнѣ, я чуждъ навсегда и законамъ отчизны.
„Ты же мнѣ данный обътъ сохрани, сохраненная Троя,
„Если тебѣ во спасенье великую истину молвлю.
„Всѣхъ упованій подпорой, надежной помощницей въ битвахъ
„Грекамъ Паллада была искони; но съ тѣхъ поръ, какъ преступный

„Сынъ Тидеевъ и съ нимъ Улиссъ, вымышлятель коварныхъ
„Козней, изъ храма Палладіумъ, стражей высокаго замка
„Смерти предавъ, унесли, и рукой, отъ убійства кровавой,
„Дѣвственно-чистыхъ богини одеждъ прикоснуться дерзнули —
„Кончилась наша довѣренность къ ней, охладѣла надежда,
„Сила упала, отъ насъ отклонилась богиня; и зрѣлись
„Явные знаки гнѣва Тритоны: лишь только во станъ
„Былъ утвержденъ похищенный идолъ, ожившія очи
„Вдругъ ослѣпительнымъ блескомъ зажглись, по членамъ солепый
„Потъ проступилъ и трикраты (о страшное чудо!) богиня,
„Прянувъ, воздвигнула щитъ и копьемъ потрясла, угрожая.
„Намъ устрашеннымъ Калхасъ не медля совѣтуетъ бѣгство.
„*Троя не пасть отъ Аргивскія силы;* — пророкъ онъ — *иль снова*
„*Греки должны вопросить оракула въ Аргосѣ, и моремъ*
„*Взятый въ отчизну Палладіумъ вновь привести къ Иліону.*
„Знайте жъ: теперь, переплывши въ Аргосъ съ благовѣющимъ вѣтромъ,

„Рать и сопутныхъ боговъ они собираютъ, чтобъ снова
„Вслѣдъ за Калхасомъ войной на Пергамъ неожиданной грянуть.
„Въ даръ же богамъ за Палладіумъ, въ честь оскорбленной Тритоны
„Ими воздвигнутъ сей идолъ, чтобъ ихъ святотатство загладить;
„Самъ Калхасъ повелѣлъ, чтобъ конь сей чудовищный создапъ
„Былъ изъ крѣпкихъ досокъ и высился ростомъ огромнымъ
„Къ небу, дабы не пройти до врата и не стать въ Иліонѣ
„Грозной защитой народу по древнимъ сказаніямъ предковъ.
„Вѣдай же, Троя: когда оскорбите святыню Минервы,
„Гибель великая — о! да обрушатъ ее на Калхаса
„Праведны боги! — постигнетъ Пріамовъ престолъ и Фригіянъ;
„Если же сами коня возведете во внутренность града,
„Нѣкогда Азія стѣны Пелопсовы сильной отступитъ
„Ратью, и нашихъ потомковъ постигнетъ мстящая гибель.“ —
Боги! боги! притворнымъ рѣчамъ вѣроломца Синона
Жадно повѣрили мы.... и тѣ, кого ни Тидеевъ
Сынъ, ни Ахиллъ Ѳессаліецъ, ни десять лѣтъ непрерывной
Брани, ни тысяча ихъ кораблей покорить не умѣли —

Тѣ единому слову, одной слезѣ покорились.

Тутъ явилось другое неслыханно-страшное чудо
Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный трепетъ.
Лаокоонъ, Нептуновъ избранный жрецъ, всенародно
Тучнаго богу вола приносилъ предъ храмомъ на жертву....
Вдругъ, четой, отъ страны Тенедоса, по тихому морю
(Вспомнивъ о томъ, трепещу!) два змѣя, возлегши на воды,
Рядомъ плывутъ и медленно тянутся къ нашему брегу:
Груди изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые гребни
Дыбомъ; глубокій, излучистый слѣдъ за собой покидая,
Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины.
Пѣняся, влага подъ ними шумитъ; всползаютъ на берегъ;
Ярко налитые кровью глаза и рдѣютъ и блещутъ;
Съ свистомъ проворными жалами лижутъ разинуты пасти.
Мы, поблѣднѣвъ, разбѣжались. Чудовища прянули дружно
Къ Лаокоону, и двухъ сыновъ его малолѣтныхъ
Разомъ настигнувъ, скрутили ихъ тѣло и, жадные втиснувъ
Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ; на помощь
Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ; но змѣи, напавши

Вдругъ на него и спутавшись крѣпкими кольцами дважды
Чрево и грудь и дважды вью ему окружили
Тѣломъ чешуйнымъ и грозно надъ нимъ поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягаетъ онъ слабыя руки —
Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ повязкамъ;
Тщетно, терзаемъ, пронзительный стонъ ко звѣздамъ онъ подъемлетъ;
Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею вонзенный,
Бѣсится волъ и реветъ, оторвавшись отъ жертвенной цѣпи.
Быстро вiясь, побѣжали ко храму высокому змѣи;
Тамъ, достигши святилища гнѣвной Тритоны, припали
Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ улеглися огромный.
Всѣмъ намъ тогда предвѣщательный ужасъ глубоко проникнулъ
Сердце; въ трепетѣ мыслимъ: достойно былъ дерзкій наказанъ
Лаокоонъ, оскорбитель святыни, копьемъ святотатнымъ
Нѣдра пронзившій коню, посвященному чистой Палладѣ.
„Ввесть коня въ Иліонъ! молить о пощадѣ Палладу!“
Весь народъ возопилъ....
Стѣны поспѣшно пронзаемъ; разломаны града твердыни;
Всѣ на работу бѣгутъ: подъ коня подкативши колеса,

Ставятъ громаду на нихъ и, шею канатомъ опутавъ,
Тянутъ.... шатнулось чудовище; воиновъ полное, въ
городъ
Медленно движется; юноши вкругъ и безбрачныя дѣвы
Гимны поютъ и тѣснятся, чтобы вервей коснуться ру-
ками.
Вдвинулся конь и идетъ, угрожающій, стогнами Трои....
О отчизна! о градъ боговъ Иліонъ! о во брани
Славныя стѣны Дарданскія! трижды въ воротахъ гро-
мада
Остановилась, трижды внутри зазвучало желѣзо....
Мы жъ, ослѣпленные, разумъ утративъ, не зримъ и не
слышимъ.
Въ замокъ Пергама введенъ наконецъ истуканъ бѣдо-
носный.
Тутъ Кассандра, безъ вѣры внимаема нами, напрасно
Вѣщій языкъ разрѣшила, чтобъ намъ предсказать о
грядущемъ;
Мы, слѣпцы, для которыхъ сей день былъ послѣдній,
цвѣтами
Храмы боговъ украшали, спокойно по стогнамъ ликуя....
Небо тѣмъ временемъ кругъ совершило, и ночь по-
летѣла
Съ моря, и землю и твердь и обманъ Мирмидонянъ
объемля
Тѣнью великой; по граду безпечно разсыпавшись Тевкры
Всѣ умолкнули: сонъ обнималъ утомленные члены.
Тою порой отъ береговъ Тенедоса фалангу Аргивянъ

Строемъ несли корабли въ благосклонномъ безлунія мракѣ
Прямо къ знакомымъ брегамъ; и лишь только надъ царской кормою
Вспыхнуло пламя — судьбою боговъ, намъ враждебныхъ хранимый,
Тихо сосновыя двери замкнутымъ въ громадѣ Данаямъ
Отперъ коварный Синонъ: растворившися, Грековъ на воздухъ
Конь возвратилъ; спѣшатъ изъ душнаго мрака темницы
Выдти вожди: Стенелъ и Тессандръ и Улиссъ кровожадный,
Смѣло по верви скользя, и за ними Ѳоасъ съ Ѳаманомъ,
Внукъ Пелеевъ Неоптолемъ, Магаонъ, напослѣдокъ
Самъ Менелай и съ нимъ громады создатель Эпеосъ.
Быстро напали на сонный, виномъ обезумленный городъ;
Стража зарѣзана; твердыя сбиты врата, и на встрѣчу
Ждущимъ у входа вождямъ Мирмидоняне хлынули въ Трою.
Было то время, когда на усталыхъ сходить начинаетъ
Первый сонъ, боговъ благодать, успокоитель сладкій.
Вдругъ.... мнѣ заснувшему видится, будто Гекторъ печальный
Сталъ предо мной, проливая обильно горькія слезы,
Тотъ же, какимъ онъ являлся, конями размыканный, черенъ

Пылью кровавой, истерты ремнями опухшія ноги.
Горе! такимъ ли видалъ я его? Какъ былъ онъ не-
сходенъ
Съ Гекторомъ прежнимъ, гордо бѣгущимъ въ Ахилло-
вой бронѣ,
Иль запалившимъ Фригійскій пожаръ въ корабляхъ со-
постата!
Всклочена густо брада; отъ крови склеилися кудри;
Тѣло истерзано ранами, нѣкогда вкругъ Иліонскихъ
Стѣнъ полученными. Самъ, заливаясь слезами, казалось,
Такъ во снѣ я привѣтствовалъ Гектора жалобной рѣ-
чью:
О свѣтило Дарданіи! вѣрная Трои надежда!
Гдѣ такъ долго ты мѣдлилъ? Гекторъ желанный, от-
куда
Нынѣ пришелъ ты? О! сколь же ты насъ, по утратѣ
толикихъ
Храбрыхъ друзей, по толикихъ бѣдствіяхъ гражданъ и
града,
Сердцемъ унылыхъ обрѣлъ! И что недостойное свѣ-
тлый
Образъ твой затемнило? Откуда толикія раны? —
Онъ ни слова; безплоднымъ вопросамъ онъ не далъ
вниманья;
Но, протяжный, тяжелый вздохъ исторгнувъ изъ груди,
Молвилъ: „бѣги, сынъ богини, спасайся; Пергамъ по-
гибаетъ;
„Врагъ во градѣ; падаетъ Троя; Пріаму, отчизнѣ

„Мы отслужили; когда бы отъ смертной руки для Пергама
„Было спасенье — Пергамъ бы спасенъ былъ этой рукою.
„Троя Пенатовъ своихъ тебѣ повѣряетъ; прими ихъ
„Въ спутники жизни; для нихъ завоюй обреченныя небомъ
„Стѣны державныя, ихъ же воздвигнешь, исплававши море.“
Кончилъ — и вынесъ изъ тайны святилища утварь, повязки,
Вѣчно-пылающій огнь и ликъ всемогущія Весты.
Тою порою по граду, шумя, разливалася гибель.
Болѣ и болѣ — хотя въ сторонѣ, одинокъ и непышенъ,
Домъ Анхиза-родителя сѣнью закрытъ былъ древесной —
Шумъ приближается; явственный слышно волненіе брани.
Я очнулся, и ложе покинулъ; на верхнюю кровлю
Дома взбѣжалъ, и стою, внимательнымъ слушая ухомъ.
Такъ — когда, раздуваемый бурей, свирѣпствуетъ пламень
Въ жатвѣ, иль ливнемъ потокъ наводненный, съ горы загремѣвши,
Губитъ поля и веселыя нивы и трудъ земледѣльца,
Съ корнями рветъ и уноситъ деревья — съ вершины утеса
Въ смутномъ невѣдѣньи силится къ шуму прислушаться пастырь.
Все мнѣ тогда, и видѣнія тайна, и козни Данаевъ

Вдругъ объяснилось. Ужъ домъ Деифобовъ горитъ и огромной
Грудой развалинъ, дымящійся, падаетъ; съ нимъ пламенѣетъ
Укалегоновъ и заревомъ блещутъ Сигейскія воды;
Слышны и крики людей и звонкой трубы дребезжанье.
Я, какъ безумный, за мечъ.... но куда съ мечемъ обратиться?
Рвусь нетерпѣньемъ дружину созвать, чтобъ броситься въ замокъ;
Ярость и бѣшенство душу стремительно мчатъ, и погибнуть
Смертью прекрасной въ бою съ тоскою мучительной жажду.
Вдругъ явился Панѳей, убѣжавшій отъ копій Ахейскихъ,
Старецъ Панѳей, Отріадъ и въ замкѣ жрецъ Аполлоновъ.
Утварь и лики боговъ побѣжденныхъ похитивъ, младаго
Внука онъ влекъ за собой и безпамятенъ мчался къ Анхизу.
„Есть ли надежда, Панѳей? Уцѣлѣли ль замка твердыни?“
Я вопросилъ; отчаяннымъ стономъ отвѣтствовалъ старецъ:
„День послѣдній насталъ, неизбѣжное время настало
„Царству; мы были Трояне, былъ Иліонъ, и великой
„Тевкріи слава была,... на Аргивянъ жестокій Юпитеръ

„Все перенесъ; господствуютъ Греки въ пылающемъ градѣ,
„Гибельно высясь надъ площадью замка, ратниковъ сонмы
„Конь извергаетъ; Синонъ, торжествуя, пожарное пламя
„Тщится усилить; тамъ непрестанно двумя воротами
„Войска безчисленны входятъ, какихъ не видали Микины;
„Здѣсь, захвативши тѣсные выходы, сильная стража
„Сдвинула копья, и грозно, вонзиться готовое, блещетъ
„Ихъ остріе; безнадежно, разстроенной, слабой дружиной
„Бьются привратные воины, силясь напрасно отбиться.“
Страшною вѣстью Панѳея и силой безсмертныхъ влекомый,
Я побѣжалъ, куда призывали Эриннисъ и шумный
Говоръ сраженья и пламень и стонъ, ко звѣздамъ восходящій.
Слѣдомъ со мною Рифей и зрѣлый мужествомъ Ифитъ;
Къ намъ пристали при блескѣ пожара Димантъ съ Гипанисомъ,
Къ намъ и Хоревъ Мигдонидъ, въ Иліонъ приведенный судьбою
За день предъ тѣмъ, горящій безумной къ Кассандрѣ любовью,
Съ вѣрною помощью къ тестю Пріаму и Троѣ.... несчастный!

Купно съ другими вѣщимъ рѣчамъ вдохновенной невѣсты
Онъ не повѣрилъ....
Я же, ихъ видя рѣшительныхъ, жаждущихъ боя, воскликнулъ:
„Юные други! сердца, толь напрасно безстрашныя нынѣ!
„Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы
„Силы послѣдней (что же Фортуна рѣшила, вы зрите:
„Наши святилища бросили, наши покинули храмы
„Боги, хранители Трои; святый Иліонъ изчезаетъ
„Дымомъ), на смерть побѣжимъ, ударимъ въ средину оружій;
„Други! спасенья не ждать — одно побѣжденнымъ спасенье.“
Вспыхнула бодрая младость. Подобно какъ въ темномъ туманѣ
Рыщуть, почуя добычу, гонимые бѣшенствомъ глада,
Хищные волки, и, пасти засохшія жадно разинувъ,
Ихъ волчата ждутъ въ логовищахъ: сквозь копья и сонмы
Такъ на погибель ударились мы, пролагая въ средину
Города путь, облетаемы ночи огромною тѣнью.
Ночь несказанная; гдѣ слова для ея разрушеній?
Кто и какими слезами такую погибель оплачетъ?
Падаетъ древній градъ, многолѣтный властитель народовъ;
Всюду разбросаны трупы; лежатъ неподвижно во прахѣ

Улицъ, на прагахъ домовъ, при дверяхъ, во святилищахъ храмовъ.
Но не одну безотпорную смерть принимаетъ Троянецъ,
Часто горитъ въ побѣжденномъ привычная бодрость, и гибнетъ
Грекъ-побѣдитель.... Вездѣ, отовсюду являются взору
Ужасъ и бой и кровавая смерть въ неизчисленныхъ видахъ.
Первый изъ Грековъ, дружиною встрѣченный нашей на стогнахъ,
Былъ Андрогей; въ обманчивомъ сумракѣ ночи пріемля
Насъ за Данаевъ союзныхъ, онъ такъ дружелюбно воскликнулъ:
„Братья, спѣшите; гдѣ же такъ долго васъ задержала
„Праздная лѣнь? Давно расхищаютъ горящую Трою
„Греки; а вы едва съ кораблями разстаться успѣли.“
Такъ онъ сказалъ; но, узрѣвъ безотвѣтную нашу суровость,
Вмигъ догадался, кто передъ нимъ, отскочилъ и умолкнулъ,
Скованный страхомъ. Какъ путникъ, змѣю разбудившій ногою,
Трепетенъ рвется назадъ, узрѣвъ, какъ она, развернувшись,
Гнѣвъ воздымаетъ и свищетъ, поднявъ чешуи голубыя:
Такъ, задрожавши, отъ насъ побѣжалъ Андрогей.... но напрасно!
Мы за нимъ; разорвали ихъ строй; и не вѣдая града,

Вдругъ осажденные страхомъ, незапностью, почью и нами,
Всѣ до единаго пали враги. Улыбнулась фортуна
Первому нашему бою. Хоревъ, воспаленный удачей,
„Други! воскликнулъ, отважимся ввѣриться первому счастью;
„Намъ благосклонно судьба указуетъ нашъ путь; облачимся
„Въ брони Данаевъ, щиты перемѣнимъ; обманомъ иль силой —
„Все равно для врага. И нынѣ оружіе сами
„Греки Троянамъ дадутъ.“ Сказалъ и надѣлъ Андрогеевъ
Гривистый шлемъ, завоеванный щитъ надвинулъ на шуйцу,
Греческій мечъ утвердилъ на бедрѣ. Ему подражая,
Бодро Димантъ и Рифей и вся молодая дружина
Свѣжей добычей оружій себя ополчили. Въ средину
Грековъ бѣжимъ.... но боги отчизны были не съ нами.
Подвиговъ много, врагами не узнанны, въ сумракѣ ночи
Мы совершили, много Данаевъ низринуто въ Оркусъ.
Въ страхѣ одни къ кораблямъ, къ безопасному берегу моря
Мчатся изъ града; иныхъ загоняетъ постыдная робость
Въ нѣдра коня и пріемлетъ ихъ снова знакомое чрево.
Но... богамъ отвратившимся, поздно ввѣряться надеждѣ!

Вдругъ изъ храма Паллады влекутъ за власы распущенны,
Вырвавъ ее изъ святилища, дочь Пріама Кассандру,
Къ темному небу напрасно подъемлющу пламенны очи —
Очи одни, окованы были невинныя руки;
Страшнаго вида сего не стерпѣло сердце Хорева;
Онъ, обезумленный, прямо въ средину толпы ихъ; и сдвинувъ
Груди и копья, мы дружно за нимъ; но плачевно-ужасный
Бой тогда закипѣлъ: Трояне, обмануты видомъ
Нашихъ Греческихъ латъ и сверканіемъ шлемовъ косматыхъ,
Съ кровли высокаго храма пустили въ насъ тучею стрѣлы;
Стонъ пораженныхъ намъ измѣнилъ; на Кассандрины вопли
Бросился врагъ; мы всѣ опрокинуты; съ бурнымъ Аяксомъ
Оба явились Атрида — за ними толпами Данаи.
Такъ, подымаясь крутящимся вихремъ, сшибаются вѣтры
Нотъ и Зефиръ и на легкихъ несомый коняхъ отъ востока
Эвръ, а бушуютъ лѣса, и Нерей опѣненнымъ трезубцемъ
Бьетъ по водамъ, и до самаго дна содрогается море.

Скоро и Греки, испуганны мракомъ ночнымъ и по граду
Нашей дружиной разсѣянны, вышли изъ тайныхъ у-
бѣжищъ,
Первые насъ по щитамъ и обманчивымъ бронямъ у-
знали,
Вслушались въ наши слова и чужіе замѣтили звуки.
Множество насъ задавило: первый мечемъ Пенелея
Палъ Хоревъ предъ святымъ алтаремъ броненосной
Паллады;
Палъ и Рифей, изъ Троянъ непорочнѣйшій, правды блю-
ститель
(Иначе боги судили о немъ); Димантъ съ Гипанисомъ
Пали отъ копій Троянскихъ; ни Фебова риза, ни свя-
тость
Чистыя жизни тебя не спасли, о Панфей благодушный.
Прахъ Иліона, всѣ блага мои поглотившее пламя,
Васъ призываю! вы зрѣли, что я не чуждался ни копій
Вражьихъ, ни силы врага; и когда бы назначилъ мнѣ
жребій
Пасть — я паденье свое заслужилъ. Но изъ битвы (за
мною
Ифитъ одинъ съ Пеліасомъ, Ифитъ, уже отягченный
Дряхлостью лѣтъ, Пеліасъ, умирающій, раненъ Улиссомъ)
Я устремился на стонъ, огласившій чертоги Пріама.
Тамъ всѣ ужасы брани стеклися: какъ будто во градѣ
Не было битвы иной и нигдѣ никого не разили —
Такъ свирѣпствовалъ Марсъ, такъ бѣшено Греки рва-
лися

Въ замокъ и, сдвинувъ щиты черепахой, на входъ напирали.
Множествомъ лѣстницъ унизаны стѣны; вверхъ по ступенямъ
Лѣзутъ Данаи, шуйцей щиты надъ главами подъ копья
Наши подставивъ, десной за вершину ограды хватаясь;
Тевкры, готовя опоръ, разоряютъ и башни и домы,
Вмѣсто оружій сбираютъ обломки съ намѣреньемъ грознымъ
Въ битвѣ отчаянной ими врага раздавить, погибая;
Съ шумомъ державнаго дома царей позлащенны убранства
Падаютъ; мечъ обнаживши, другіе, у вратъ осажденныхъ
Тѣсной дружиной столпясь, ограждаютъ святилище прага.
Взорванный гнѣвомъ, стремлюсь на защиту Пріамова дома,
Ратныхъ усилить и бодраго духа придать побѣжденнымъ.
Были сокрытыя двери въ стѣнѣ высокаго замка,
Ходъ потаенный изъ внѣшняго града въ царево жилище;
Часто, во дни благоденствія Трои, ко свекру Пріаму
Онымъ путемъ Андромаха несчастная тайно ходила:
Взоръ престарѣлаго дѣда порадовать внукомъ цвѣтущимъ.
Онымъ путемъ пробираюсь къ тому возвышенью, откуда

Тщетно послѣднія стрѣлы на Грековъ бросали Трояне.
Тамъ воздымалась стремнистая башня, весь градъ перевыся;
Съ кровли ея неприступной видимы были вся Троя,
Всѣ корабли Мирмидонянъ, весь Греческій станъ отдаленный.
Тамъ, гдѣ она со стѣны висѣла громадою всею
Грозно надъ градомъ, какъ туча, мы острымъ желѣзомъ подрыли
Сплочены камни и двинули башню.... гремя и дымяся
Вдругъ она повалилась и страшной развалиной пала
Вся на Грековъ; погибшихъ смѣнили другіе, и градомъ
Стрѣлы, копья и камни опять полетѣли.
Всѣхъ опредя, напиралъ на преддверіе Пирръ бѣдоносный,
Грозенъ, какъ пламенный, мѣдной броней и стрѣлами сіяя.
Такъ на солнцѣ змѣя, напитавшися ядомъ растеній,
Долго лежавъ неподвижно подъ тягостнымъ холодомъ снѣга,
Вдругъ, чешуи обновивъ, расправляетъ красы молодыя,
Скользкій волнуетъ хребетъ, золотистую грудь надуваетъ,
Вьется въ лучахъ и жаломъ тройнымъ, разыгравшися, блещетъ.
Съ нимъ великанъ Перифрасъ и правитель Ахилловыхъ коней
Оруженосецъ Автомедонъ и дружина Скиріянъ

Шумно къ чертогамъ тѣснятся и пламень бросаютъ на кровли.
Самъ же, у всѣхъ впереди, онъ огромной, двуострой сѣкирой
Рушитъ затворы, съ притолокъ тяжкихъ, окованныхъ мѣдью,
Петли сбиваетъ, брусья дробитъ и плотныя доски
Вдругъ прорубилъ — широкою щелью разинулись двери.
Видимы стали и внутренній дворъ и ряды переходовъ,
Видима древняя храмина прежнихъ царей и Пріама,
Видимы въ сѣняхъ и стражи, хранители царскаго прага.
Въ самомъ же домѣ и жалобный крикъ, и шумъ, и волненье;
Звонкіе своды чертоговъ наполнивъ пронзительнымъ стономъ,
Жены рыдаютъ; къ звѣздамъ подымаетъ отчаянье голосъ.
Блѣдныя матери, бѣгая въ мутномъ безуміи страха,
Праги объемлютъ дверей и къ нимъ прилипаютъ устами.
Вдругъ вторгается Пирръ, какъ отецъ, неизбѣжно-ужасный.
Тщетны заграды; низринута стража; таранъ стѣнобойный
Сшибъ ворота; расколовшись, огромные рухнули створы;
Силѣ прочистился путь, и въ проломъ, опрокинувъ переднихъ,
Ринулся Грекъ, и врагами обители всѣ закипѣли.

Менѣе грозенъ, плотину прорвавъ и разрушивши стѣну,
Съ ревомъ и съ пѣной стремится потокъ изъ береговъ и равнину
Шумнымъ разливомъ окрестъ потопивъ, стада и заграды
Мчитъ по полямъ. Я видѣлъ убійствомъ яримаго Пирра;
Видѣлъ обоихъ Атридовъ, дымящихся кровью въ обители царской;
Видѣлъ Гекубу и сто невѣстокъ ея и Пріама,
Кровью своею воздвигнутый ими алтарь обагрившихъ.
Вдругъ пятьдесятъ сыновнихъ брачныхъ чертоговъ, надежда
Столькихъ внуковъ, и стѣны, добычъ многочисленныхъ златомъ
Гордыя, пали — пожаромъ забытое схвачено Грекомъ.
Знать пожелаешь, быть можетъ, Царица, что было съ Пріамомъ.
Видя паденіе града, видя пылающій замокъ,
Видя врага, захватившаго внутренность царскаго дома,
Старецъ давно-позабытую броню на хилыя плечи,
Сгорбленный тягостью лѣтъ, чрезъ силу надѣлъ, безполезный
Мечъ опоясалъ и въ сонмы враговъ пошелъ на погибель.
Въ самой срединѣ царскихъ чертоговъ, подъ небомъ открытымъ
Былъ великій алтарь; надъ нимъ многолѣтнаго лавра
Сѣнь наклонялась и лики домашнихъ боговъ обнимала.

Тамъ съ дочерями сидѣла Гекуба. Напрасно. — Укрывшись
Робко подъ жертвенникъ, словно какъ стая пугливая горлицъ
Въ грозу подъ вѣтви — кумиры безсмертныхъ онѣ обнимали.
Вдругъ царица одѣтаго бронею младости бранной
Видитъ Пріама. „Куда ты, бѣдный супругъ (возгласила)?
„Что ополчило тебя? Къ чему безразсудная бодрость?
„Нынѣ такая ли помощь, такой ли защитникъ Пергаму
„Нужны? Пергама не спасъ бы теперь и великій мой Гекторъ.
„Съ нами останься, Пріамъ; алтарь защититъ насъ,
„Или умремъ неразлучны.“ Сказала и, руку супругу
Давши, старца съ собой посадила на мѣстѣ священномъ.
Вдругъ изъ убійственныхъ Пирровыхъ рукъ убѣжавшій Политосъ,
Сынъ послѣдній Пріама, сквозь копья, сквозь сонмища вражьи,
Вдоль переходовъ, пустыми чертогами раненый мчится;
Быстро за нимъ сверкающій Пирръ съ неизбѣжнымъ убійствомъ
Гонится.... близко; нагналъ, достигнулъ желѣзомъ; пронзенный
Къ лону родителей кинулся юноша въ страхѣ, предъ ними

Палъ, содрогнулся.... и жизнь пролилася потоками крови.
Тутъ закипѣло Пріамово сердце. Самъ погибая,
Онъ не стерпѣлъ толь великаго горя и гнѣвно воскликнулъ:
„О чудовище! Боги тебѣ, святотатный убійца,
„Боги — если живетъ въ небесахъ правосудная жалость —
„Мзду ниспошлютъ; по заслугѣ получишь награду, губитель,
„Ты, предо мной моего растерзавшій послѣдняго сына!
„То ли Ахиллъ, отъ тебя назвавшемъ отца поносимый,
„Сдѣлалъ съ Пріамомъ врагомъ? Онъ, краснѣя, почтилъ униженье
„Старца молящаго; далъ схоронить мнѣ бездушное тѣло
„Гектора сына и въ Трою меня отпустилъ безобидно.“
Такъ онъ сказалъ и копье безсильное слабой рукою
Бросилъ; оно, ударяся въ мѣдь, зазвенѣвшую глухо,
Тронуло выгибъ щита и на немъ безъ движенья повисло.
Яростно Пирръ возопилъ: иди же съ поносной отсюда
„Вѣстью къ Пелиду отцу; не забудь о безславныхъ дѣяньяхъ
„Пирра повѣдать ему; теперь же умри.“ Безпощадно
Онъ передъ жертвенникъ дрогнувшій старца повлекъ; сѣдинами
Шуйцу, облитую кровью сыновней, опуталъ, десницей
Мечъ замахнулъ и въ ребра до самой вонзилъ рукояти.
Такъ совершилася участь Пріама; такъ онъ покинулъ
Землю, зрѣвши добычей пожара Пергамъ и паденье

Троя, нѣкогда сильный властитель народовъ, державный
Азіи царь.... и великое тѣло на брегѣ пустынномъ
Нынѣ безъ чести лежитъ, обезглавлено, трупъ безъимянный.

Тутъ впервые мнѣ ужасъ предчувствія душу проникнулъ:
Я обомлѣлъ; я о миломъ старцѣ родителѣ вспомнилъ,
Видя, какъ дряхлый ровесникъ его подъ рукой безпощадной
Царь издыхалъ; я вспомнилъ о сирой Креузѣ, о домѣ,
Преданномъ Греку во власть, о судьбинѣ младенца Іула.
Взоръ обращаю: нѣтъ ли со мною сподвижниковъ ратныхъ?
Всѣ изчезли; одни, утомленные битвою, съ башни
Прянули въ городъ; другіе отчаянно кинулись въ пламень;
Я одинъ уцѣлѣлъ. И вдругъ въ преддверіи храма
Весты, робкобезмолвную, скрытую въ темномъ притворѣ,
Вижу Тиндарову дочь: при заревѣ яркомъ пожара
Свѣтлымъ путемъ я бѣжалъ, все оку являлося яснымъ.
Тамъ, опасаясь Троянъ, раздраженныхъ паденьемъ Пергама,
Злобы Данаевъ и мести супруга, отчизну и Трою
Купно губящая Фурія, жертвенникъ Весты объемля,
Въ храмѣ, богамъ ненавистная, тайно сидѣла Елена.

Вспыхнуло сердце во мнѣ; отомстить за погибель отчизны
Рвется мой гнѣвъ; истребить истребленья виновницу жажду.
„Ей непаказанной Спарту узрѣть! въ родныя Микины
Гордой царицей вступить, торжествуя! увидѣть супруга,
Домъ родительскій, чадъ, окруженной прискорбной толпою
Дѣвъ Иліонскихъ и плѣнныхъ Троянъ!.... А Пріамъ ужъ зарѣзанъ,
Троя горитъ и Дарданія цѣлая кровью дымится!
Нѣтъ! того не стерплю! пускай не великая слава
Женоубійцѣ, пускай для него безпохвальна побѣда —
Свѣтъ отъ чудовища должно очистить; кровавою местью
Сердце свое утолю и пепелъ моихъ успокою.“
Такъ я, себя раздражая, злобой кипящій, стремился.
Вдругъ передъ очи мои, откровенная, мракъ осіявши
Яркимъ блистаньемъ, великой богиней, какою лишь небо
Знаетъ ее, предстала мать и, меня удержавши,
Молвила такъ мнѣ устами, живыми какъ юная роза:
„Сынъ, для чего необузданной скорбію гнѣвъ пробуждаешь?
„Что за безумство? Уже ли оставилъ о насъ попеченье?
„Прежде помысли о томъ, гдѣ покинутъ тобою родитель,
„Дряхлый Анхизъ, не погибли ль супруга Креуза и юный

„Сынъ твой Асканій? Кругомъ ихъ обители бѣшено рыщетъ
„Грекъ, и давно бы, когда бъ не моя берегла ихъ защита,
„Ихъ истребило желѣзо и пламень враждебный похитилъ!....
„Нѣтъ! не Паридъ, похититель преступный, не образъ Спартанки,
„Низкой Тиндаровой дочери — боги, разгнѣванны боги
„Вашъ опрокинули градъ и сразили величіе Трои.
„Зри — я всякое облако, нынѣ темнящее слабый
„Смертнаго взоръ и облекшее все предъ тобою туманнымъ
„Мракомъ, подъемлю — но только моимъ повелѣніямъ смѣло,
„Сынъ, покорись и безспорно мои поученья исполни.
„Тамъ, гдѣ видишь разбросанны груды, утесъ на утесѣ,
„Гдѣ подымается черное облако праха и дыма,
„Тамъ Посидонъ великимъ его потрясенны трезубцемъ
„Стѣны дробитъ, и, подрывъ основанья, весь городъ въ обломки
„Рушитъ; здѣсь безпощадная Ира, на Скейскихъ воротахъ
„Грозно воздвигшись, союзную рать съ кораблей къ Иліону,
„Броней звучащая, кличетъ....
„Тамъ — оглянися — на замкѣ, надъ градомъ Тритона-Паллада

„Сѣла, гремящею тучей и страшной Горгоной блистая.
„Самъ Вседержитель и бодрость и бранную силу низводитъ
„Свыше на Грековъ и самъ на Дарданъ подымаетъ все небо.
„Нѣтъ упованія, сынъ; бѣги, не упорствуй сражаться;
„Буду съ тобой; невредимо достигнешь родительской сѣни.“
Такъ сказала и скрылась въ глубокую бездну почную.
Грозные лики тогда мнѣ предстали, разящія Трою
Силы великихъ боговъ я увидѣлъ....
Тутъ открылось, какъ, страшно разрушенъ, въ огнѣ распадался
Весь Иліонъ и въ обломки валилась Нептунова Троя.
Такъ на густой прародительскій ясень, горы украшенье,
Корни кругомъ подрубивъ, дровосѣки, столпясь, нанадаютъ;
Споря проворствомъ, разятъ топоры; благородное древо
Зыблется, сѣнью шумитъ, волосистой главою трепещетъ,
Мало по малу подъ ранами клонится.... вдругъ, изнемогши,
Стопетъ и падаетъ, всю заваливъ разрушеніемъ гору...
Я удаляюсь, хранимъ божествомъ; иду черезъ пламень,
Мимо враговъ: раздвигаются копья, огонь уступаетъ.

Къ древней обители, къ прагу священной родительской сѣни
Скоро достигъ я, и первой заботой въ защитное мѣсто,
На гору старца отца перенесть. Приближаюсь къ Анхизу —
Трою свою пережить и себя осудить на изгнанье
Старецъ отрекся. „Вы, сохранившіе бодрую младость,
„Вы, нелишенные мужеской силы годами, спѣшите
„Бѣгствомъ спасаться, сказалъ онъ.
„Если бъ державные боги конецъ мой отсрочить хотѣли —
„Мнѣ бы они сохранили мой домъ. Но слишкомъ довольно
„Зрѣть и однажды погибель своихъ и сожженіе града.
„Съ миромъ идите, почтивши мое полумертвое тѣло
„Словомъ прощальнымъ; смерть я самъ обрѣту, иль, жалѣя,
„Врагъ умертвитъ старика. Не страшна погребенья утрата;
„Слишкомъ долго, противный богамъ, на землѣ я промедлилъ,
„Чуждый землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ безсмертныхъ и смертныхъ владыка
„Вѣяньемъ молній своихъ и громомъ ко мнѣ прикоснулся.“
Такъ говорилъ мой родитель, въ жестокомъ намѣреньи твердый.
Мы же въ слезахъ — и я, и Креуза, и юный Асканій

Сынъ мой, и съ нами домашніе — молимъ, чтобъ вмѣстѣ съ собою
Онъ, отецъ, семьи не губилъ и въ бѣду не ввергался....
Тщетны моленья; покинуть свой домъ непреклонный отрекся.
Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущій смерти.
Что иное мнѣ оставалось? Какая надежда?
„Какъ, родитель, чтобъ я убѣжалъ, объ отцѣ позабывши,
„Требовалъ ты! изъ родительскихъ устъ толь обидное слово!
„Если назначили боги, чтобъ не было Трои великой,
„Если тобой рѣшено истребить съ истребляемымъ градомъ
„Насъ и себя — для погибели нашей двери отверзты:
„Скоро Пріамовой кровью дымящійся Пирръ, умертвивши
„Сына предъ взоромъ отца и отца предъ святыней Пенатовъ,
„Явится здѣсь! Для того ли сквозь бой и пожаръ, о богиня,
„Я проведенъ, чтобъ, врага допустивъ во святилище дома,
„Видѣть, какъ сынъ мой Асканій, и дряхлый отецъ, и Креуза,
„Кровью другъ друга обливъ, предо мною истерзаны будутъ?
„Дайте оружія, воины; время пришло роковое;

„Грекамъ меня возвратите; отвѣдаемъ силы послѣдней;
„Въ бой, друзья! мы не всѣ неотмщенные нынѣ погибнемъ."
Мечъ опоясавъ и щитъ свой надвинувъ на шуйцу, изъ дома
Выдти спѣшу; но Креуза, упавъ со слезами на прагъ,
Ноги мои обняла, и, сына младенца подъемля
Къ лону отца, возопила: „если себя на погибель
„Ты осудилъ — да погибнемъ съ тобою и мы неразлучно!
„Если жъ осталось тебѣ упованье на мечъ и на силу —
„Прежде свой домъ защити; здѣсь младенецъ Іулъ; здѣсь отецъ твой;
„Здѣсь Креуза.... ее называлъ ты донынѣ своею."
Такъ вопіяла супруга, стенаньемъ весь домъ оглашая.
Тутъ несказанное въ нашихъ очахъ совершилося чудо:
Сына Іула съ печалью родительской мы обнимали —
Вдругъ надъ его головою сверкнуло эѳирное пламя,
Въ кудри власовъ, не палящее, вѣяньемъ тихимъ влетѣло,
Пыхнуло ярко, и вкругъ головы обвилося блистаньемъ.
Въ трепетъ страха мы отряхаемъ горящіе кудри;
Силимся влагой студеной огонь затушить чудотворный.
Чуда свидѣтель, Анхизъ оживленныя радостью очи
Къ небу возвелъ и, дрожащія длани подъемля, воскликнулъ:
„О Вседержитель Зевесъ! когда ты молитвамъ доступенъ,

„Призри на насъ, о единомъ молящихъ: если достойны,
„Будь намъ защитой, отецъ, и знаменью дай подтвержденье."
Только промолвилъ Анхизъ — помутилося небо, и страшно
Грянуло влѣвѣ; и быстро упадшая съ темныя тверди,
Мракъ лучезарной разсѣкши браздой, звѣзда побѣжала....
Видѣли мы, какъ она, разразившись надъ нашею кровлей,
Свѣтлая, вдаль покатилась и, путь нашъ означивъ блистаньемъ,
Пала за Идою въ рощу.... долго, протянутъ вдоль неба,
Слѣдъ пламенѣлъ и запахомъ сѣрнымъ дымилась окрестность.
Тутъ побѣжденный старецъ родитель подъемлется съ ложа,
Молитъ боговъ и творитъ поклоненье звѣздѣ путеводной.
„Все рѣшено! — возгласилъ онъ — Боги отчизны, ведите;
„Съ вѣрой иду; сохраните и домъ мой и внука; то ваше
„Знаменье было и въ вашемъ могуществѣ есть еще Троя;
„Вамъ покоряюсь; мой сынъ, предводи; за тобою отецъ твой."
Такъ онъ сказалъ.... и уже приближался къ обители нашей

Съ трескомъ пожаръ и шумящаго пламени зной опалялъ насъ.
„Время, родитель; на плечи сыновнія сядь (возгласилъ я),
„Дай мнѣ мои подклонить рамена подъ священное бремя.
„Что бы ни встрѣтило насъ на пути — одно намъ спасенье,
„Гибель одна; перестанемъ же медлить; младенецъ Асканій
„Рядомъ со мною пойдетъ; въ отдаленьи за нами Креуза.
„Вы же, служители дома, замѣтьте, что вамъ повелю я:
„Есть при исходѣ изъ града холмъ и на холмѣ Церерынъ
„Древле покинутый храмъ; передъ нимъ кипарисъ престарѣлый,
„Съ давнихъ временъ сохраненный почтеніемъ набожныхъ предковъ.
„Тамъ во единое мѣсто изъ разныхъ сторонъ соберитесь.
„Лики Пенатовъ и утварь тебѣ повѣряю, родитель;
„Я же, пришедшій изъ битвы, рукою кровавой не смѣю
„Къ нимъ прикоснуться, доколь не очищу себя орошеньемъ
„Свѣжія влаги....“
Съ сими словами, широкія плечи склоня, и на выю
Сверхъ одѣянья накинувъ косматую львиную кожу,

Старца подъемлю; идемъ; Асканій, мою обхвативши
Крѣпко десницу, бѣжитъ, торопяся шагами неровными
съ боку;
Слѣдомъ Креуза; идемъ, пробираяся мглою по стог-
намъ:
Я же, дотолѣ безстрашнымъ окомъ смотрѣвшій на
тучи
Стрѣлъ и отважно встрѣчавшій дружины враждебныя
Грековъ,
Тутъ при малѣйшемъ звукѣ блѣднѣлъ, при шорохѣ
каждомъ
Медлилъ, робѣя за спутника, въ страхѣ за милую ношу.
И уже достигалъ я воротъ, и мнилъ, что опасный
Путь совершился.... вдругъ невдали голоса раздалися,
Что-то мелькнуло, послышался топотъ. Пристально въ
сумракъ
Смотритъ Анхизъ: мой сынъ! мой сынъ, бѣги! возо-
пилъ онъ.
Идутъ! сверкаютъ щиты! оружіе мѣдное блещетъ!....
Кто изъяснитъ? Божество ли какое враждебною силой
Умъ мой смутило.... но, въ сторону бросясь, чтобъ
мнимой
Встрѣчи избѣгнутъ, далекимъ обходомъ я вышелъ изъ
града;
Богп! Креуза изчезла; во тмѣ ль, ослѣпленная рокомъ,
Сбилась съ дороги, иль, гдѣ отдохнуть, утомленная, сѣла —
Я не знаю; съ тѣхъ поръ мы нигдѣ ужъ ея не встрѣ-
чали.

Только тогда я утрату, опомнясь, замѣтилъ, когда мы
Холма святаго и древняго храма Цереры достигли.
Тамъ собрались мы, убогій остатокъ Троянъ — а Креузы
Не было, къ горю сопутниковъ, сына, отца и супруга.
О! кого изъ людей и боговъ я не клялъ, изступленный!
Было ли что для меня и въ паденьи Пергама ужаснѣй?
Сына Іула съ Анхизомъ отцомъ и съ Пенатами Трои
Спутникамъ ввѣривъ, въ излучинѣ дола велю имъ укрыться;
Самъ же, блестящей одѣтый броней, возвращаюся въ Трою.
Вновь рѣшено боевые труды испытать, по горящимъ
Стогнамъ Пергама промчаться и грудь подъ удары подставить.
Къ темному прагу воротъ, чрезъ который мы вышли изъ града,
Прежде спѣшу, чтобы снова по свѣжему нашему слѣду
Трою пройдя, замѣчательнымъ окомъ всмотрѣться въ приметы:
Всюду ужасъ! даже молчаніе въ трепетъ приводитъ!
Къ дому Анхиза — не тамъ ли она, не туда ли ей случай
Путь указалъ — я бѣгу: но Данаи ужъ грабили домъ нашъ;
Все испровергнуто; съ воплями врагъ по обители рыскалъ;
Пламень пожара уже прошибалъ изъ-подъ верхнія кровли;

Вихремъ взвивалися искры и въ воздухѣ страшно гремѣло.
Я обратился къ Пріамову дому, къ высокому замку:
Боги! боги! въ притворѣ пустаго Юнонина храма
Звѣрскій Улиссъ и Фениксъ у добычи стояли на стражѣ:
Тамъ сокровища Трои, богатства сожженыхъ святилищъ,
Чаши златыя, престолы боговъ и убранства и ризы
Въ грудахъ лежали; младенцы и блѣдныя матери длинымъ
Строемъ стояли вблизи.
Презря меня окружавшую гибель, дерзнулъ я во мракѣ
Голосъ возвысить; печальный мой кликъ раздавался по стогнамъ.
Гдѣ ты, Креуза? взывалъ я, взывалъ.... но было напрасно.
Въ яростномъ горѣ по грудамъ разрушенныхъ зданій я бѣгалъ.
Вдругъ передъ очи мои появилася призракомъ, легкой
Тѣнью она.... и казалась возвышеннѣй прежняго станомъ.
Я ужаснулся, волосы дыбомъ, голосъ мой замеръ.
Тихо съ улыбкой, смиряющей душу, сказала Креуза:
„Тщетной заботѣ почто предаешься, безумно печалясь?
„О Эней, о сладостный другъ, не безъ воли безсмертныхъ
„Было оно: мнѣ не должно итти за тобой изъ Пергама;
„То запрещаетъ владыка небесъ громодержецъ Юпитеръ.

„Долго изгнанникомъ будешь браздить безпредѣльное море;
„Тамъ въ Гесперіи, гдѣ волны Лидійскаго Тибра по тучнымъ,
„Люднымъ равнинамъ обильно-медлительнымъ токомъ лѣются,
„Свѣтлое счастье и царскій вѣнецъ, и невѣсту царевну
„Ты обрѣтешь. Не томи жъ по Креузѣ утраченной сердца;
„Нѣтъ! ни дверей Мирмидона, ни пышныхъ чертоговъ Долопа
„Я не увижу; не буду рабынею матери Грека,
„Дочь Дарданіи, вѣчной Венеры невѣстка.....
„Быть при себѣ мнѣ судила великая матерь безсмертныхъ,
„Ты же прости; поминай о супругѣ любовію въ сыну.“
Смолкла и тихо со мной, проливающимъ слезы, разсталась;
Много хотѣлъ я сказать, но она улетѣла; трикраты
Я за летящею тѣнію руки простеръ и трикраты
Легкая тѣнь изъ напрасно-объемлющихъ рукъ ускользнула,
Словно какъ вѣющій воздухъ, словно какъ сонъ мимолетный.
Такъ миновалася ночь; возвращаюсь къ товарищамъ бѣгства;
Много толпою притекшихъ изъ Трои сопутниковъ новыхъ

Тамъ нахожу, изумленный: матери, мужи, младенцы,
Жалкій народъ бѣглецовъ, невозвратно утративъ отчизну,
Съ бѣднымъ остаткомъ сокровищъ, тѣснился тамъ, приготовясь
Вмѣстѣ со мной за морями искать обреченнаго брега.
И уже восходилъ надъ горой свѣтоносный Люциферъ,
Юнаго дня благовѣстникъ, и всѣ ворота Иліона
Заперты были врагомъ.... упованье изчезло! судьбинѣ
Я уступилъ и Анхиза понесъ на высокую Иду.

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТЪ

О ЛУНѢ.

ПОСЛАНІЕ

КЪ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Хотя и много я стихами
Писалъ про свѣтлую луну:
Но я лишь тѣнь ея одну
Моими блѣдными чертами
Невѣрно могъ изобразить.
Здѣсь, Государыня, предъ вами
Осмѣлюсь вкратцѣ повторить
Все то, что вѣтреный мой геній,
Летучій невидимка, мнѣ
Въ минуты свѣтлыхъ вдохновеній
Шепталъ случайно о лунѣ.

Когда съ усопшимъ на конѣ
Скакала робкая *Людмила:*
Тогда въ стихахъ моихъ луна
Невѣрнымъ ей лучемъ свѣтила;
По темнымъ облакамъ она
Украдкою перебѣгала;
То вся была межъ нихъ видна,

То пряталась, то зажигала
Края волнующихся тучъ;
И изрѣдка бродящій лучъ
Ужаснымъ блескомъ отражался
На хладной бѣлизнѣ лица
И въ тускломъ взорѣ мертвеца.
Когда жъ въ саняхъ съ *Свѣтланой* мчался
Другой извѣстный намъ мертвецъ;
Тогда кругомъ луны вѣнецъ
Сквозь завѣсъ снѣжнаго тумана
Сіялъ на мутныхъ небесахъ;
И съ вѣщей робостью Свѣтлана
Въ недвижныхъ спутника очахъ
Искала взора и привѣта....
Но, взоръ на мѣсяцъ устремивъ,
Былъ непривѣтно-молчаливъ
Пришелецъ изъ другаго свѣта. —
Я помню: рыцарь *Адельстанъ*,
Свершитель страшнаго обѣта,
Сквозь хладный вечера туманъ
По Рейну съ сыномъ и женою
Плылъ, озаряемый луною;
И очарованный челнокъ
По влагѣ волнъ, подъ небомъ яснымъ
Влекомъ былъ лебедемъ прекраснымъ;
Тогда роскошный вѣтерокъ,
Струи лаская, тихо вѣялъ
И парусъ пурпурный лелѣялъ;

И въ небѣ плавая одна,
Сквозь сумракъ тонкаго вѣтрила
Сіяньемъ трепетнымъ луна
Пловцамъ задумчивымъ свѣтила,
И челнока игривый слѣдъ,
И пышный лебедя хребетъ,
И цѣпь волшебную златила. —
Но есть еще челнокъ у насъ;
Подъ бурею, въ полночный часъ
Пловецъ невѣдомый съ *Варвикомъ*
По грозновоющей рѣкѣ
Однажды плылъ въ томъ челнокѣ;
Сквозь ревъ воды, протяжнымъ крикомъ
Младенецъ ихъ на помощь звалъ;
Ужасно вихорь тучи гналъ,
И великанскими главами
Валы вставали надъ валами,
И все гремѣло въ темнотѣ;
Тогда *рогъ мѣсяца блестящій*
Прорѣзалъ тучи въ высотѣ,
И, ставъ надъ бездною кипящей,
Весь ужасъ бури освѣтилъ:
Засеребрилися вершины
Встающихъ, падающихъ волнъ.....
И на скалу помчался чёлнъ;
Среди сіяющей пучины
На той скалѣ Варвика ждалъ
Младенецъ-неизбѣжный мститель,

И руку самъ невольно далъ
Своей погибели губитель;
Младенца нѣтъ; Варвикъ изчезъ....
Вмигъ ужасъ бури миновался;
И ясенъ посреди небесъ,
Вдругъ успокоенныхъ, остался
Надъ усмиренною рѣкой,
Какъ радость, мѣсяцъ молодой. —
Когда жъ невидимая сила
Безъ кормщика и безъ вѣтрила,
Вадима въ третьемъ челнокѣ
Стремила по Днѣпру-рѣкѣ:
Надъ нимъ безоблачно сіяло
Въ звѣздахъ величіе небесъ;
Рѣка, надводный темный лѣсъ,
Высокій берегъ — все дремало;
И ярко полная луна
Отъ горизонта подымалась,
И одичалая страна
Очамъ Вадимовымъ являлась.....
Ему луна сквозь темный боръ
Лампадой таинственной свѣтитъ;
И все, что изумленный взоръ
Младаго путника ни встрѣтитъ,
Съ его душею говоритъ
О чемъ-то горестно-ужасномъ,
О чемъ-то близкомъ и прекрасномъ.....
Съ невольной робостью онъ зритъ

Пригорокъ, храмъ, могильный камень;
Надъ повалившимся крестомъ
Какой-то легкій вѣтъ пламень,
И сумраченъ сидитъ на нёмъ
Недвижный воронъ, сторожъ ночи,
Туманныя уставивъ очи
Неотвратимо на луну;
Онъ слышитъ: что-то тишину
Смутило; древній крестъ шатнулся,
И сонный воронъ встрепенулся;
И кто-то блѣдной тѣнью всталъ,
Пошелъ ко храму, помолился.....
Но храмъ предъ нимъ не отворился,
И въ отдаленьи онъ пропалъ,
Сліясь, какъ дымъ, съ ночнымъ туманомъ.
И далѣ трепетный Вадимъ;
И вдругъ является предъ нимъ
На холмѣ свѣтлымъ великаномъ
Пустынный замокъ; блескъ луны
На стѣны сыплется зубчаты;
Въ кудрявый мохъ облечены
Ихъ неприступные раскаты;
Ворота заперты скалой;
И вотъ уже надъ головой
Луна, достигнувъ полуночи;
И видятъ путниковы очи
Двухъ дѣвъ: одна идетъ стѣной,
Другая къ ней идетъ на стѣну,

Другъ другу руку подаютъ,
Прощаются и врозь идутъ,
Свершивъ задумчивую смѣну....
Но то, какъ дѣвы спасены,
Ужъ не касается луны. —
Еще была воспѣта мною
Одна прекрасная луна:
Когда пылала предъ Москвою
Святая Русская война —
Въ рядахъ отечественной рати,
Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
Стоялъ я съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій.
Я помню ночь: какъ бранный щитъ,
Луна въ небесномъ рдѣла мракѣ;
Нашъ станъ молчаньемъ былъ покрытъ,
И ратникъ въ лиственномъ бивакѣ
Вооруженный мирно спалъ;
Лишь стражу стража окликалъ;
Костры дымились, пламенѣя,
И кое-гдѣ передъ огнемъ,
На яркомъ пламени чернѣя,
Стоялъ Казакъ съ своимъ конемъ,
Окутанъ буркою косматой;
Тамъ острыхъ копій рядъ крылатой
Въ сіяньи мѣсяца сверкалъ;
Вблизи Улановъ рядъ лежалъ;
Надъ ними ихъ дремали копи;

Тамъ грозныя сверкали брони;
Тамъ пушекъ заряженныхъ строй
Стоялъ съ готовыми громами;
Стрѣлки, припавъ къ нимъ головами,
Дремали, и подъ ихъ рукой
Фитиль курился роковой;
И въ отдаленьи полосами,
Сліянны съ дымомъ облаковъ,
Биваки дымные враговъ
На краѣ горизонта рдѣли;
Да кое-гдѣ вблизи, вдали,
Тѣла, забытыя въ пыли,
Въ ужасномъ образѣ чернѣли
На яркихъ мѣсяца лучахъ....
И между тѣмъ на небесахъ,
Надъ грознымъ полемъ истребленья,
Ночныя мирныя видѣнья
Свершались мирно, какъ всегда:
Младая вечера звѣзда
Привычной прелестью плѣняла;
Неизмѣняема сіяла
Луна землѣ съ небесъ родныхъ,
Не зная ужасовъ земныхъ;
И было тихо все въ природѣ,
Какъ тамъ на отдаленномъ сводѣ:
Спокойно лѣсъ благоухалъ,
И воды къ берегамъ ласкались,
И берега въ нихъ отражались,

И вѣтерокъ равно порхалъ
Надъ блоговонными цвѣтами,
Надъ лономъ трепетныхъ зыбей,
Надъ бронями, надъ знаменами
И надъ безмолвными рядами
Объятыхъ сномъ богатырей....
Творенье Божіе не знало
О человѣческихъ бѣдахъ,
И беззаботно ожидало,
Что ночь пройдетъ и въ небесахъ
Опять засвѣтится денница.
А Рокъ межъ тѣмъ не засыпалъ;
Надъ ратью, молча, онъ стоялъ;
Держала жребій десница;
И взоръ неизбѣжимый лица
Имъ обреченныхъ замѣчалъ. —
Еще я много описалъ
Картинъ луны: то надъ гробами
Кладбища сельскаго она
Катится по̀ небу одна,
Сіяніемъ невѣрнымъ бродитъ
По дерну свѣжему холмовъ,
И тѣни шаткія деревъ
На зелень блѣдную наводитъ,
Мелькаетъ быстро по крестамъ,
Въ оконницахъ часовни блещетъ,
И, внутрь ея закравшись, тамъ
На золотѣ иконъ трепещетъ;

То вдругъ, какъ въ дымѣ, безъ лучей,
Когда встаютъ съ холмовъ туманы,
Задумчиво на дубъ *Минваны*
Глядитъ, и въя передъ ней,
Четой сліянною двѣ тѣни
Спускаются къ любимой сѣни,
И шорохъ слышится въ листахъ,
И пробуждается въ струнахъ,
Перстамъ невидимымъ послушныхъ,
Знакомый гласъ друзей воздушныхъ;
То вдругъ на *взморьѣ* — гдѣ волна
Плеская прыщетъ на каменья,
И гдѣ въ тиши уединенья,
Воспоминанью предана,
Привыкла вслушиваться Дума
Въ гармонію ночнаго шума —
Она, *въ величественный часъ*
Всемірнаго успокоенья,
Творитъ волшебныя для глазъ
На влагѣ дремлющей видѣнья;
Иль, тихо зыблясь, въ ней горитъ,
Иль, раздробившись, закипитъ
Съ волнами дрогнувшей пучины,
Иль вдругъ огромныя морщины
По влагѣ ярко проведетъ,
Иль огненной змѣей мелькнетъ,
Или подъ шлюпкою летящей
Забрызжетъ пѣною блестящей....

Довольно; все пересчитать
Мнѣ трудно съ Музою лѣнивой;
Къ тому жъ ей долгъ велитъ правдивой
Вамъ, Государыня, сказать,
Что сколько разъ она со мною,
Скитаясь въ сумракѣ ночей,
Ни замѣчала за луною:
Но все до сей поры мы съ ней
Луны такой не подглядѣли,
Какою на небѣ ночномъ,
Въ концѣ прошедшія недѣли,
Надъ чистымъ Павловскимъ прудомъ
На колонадѣ любовались;
Давно, давно не наслаждались
Мы тихимъ вечеромъ такимъ;
Казалось все преображеннымъ;
По небесамъ уединеннымъ,
Полупотухшимъ и пустымъ,
Ни облачка не пролетало;
Ни колыханія въ листахъ;
Ни легкой струйки на водахъ;
Все пѣжилось, все померкало;
Лишь ярко звѣздочка одна,
Лампадою гостепріимной
На краѣ неба зажжена,
Мелькала намъ сквозь западъ дымной,
И свѣтлымъ лебедемъ луна
По блѣдной синевѣ востока

Плыла, тиха и одинока;
Подъ усыпительнымъ лучемъ
Все предавалось усыпленью —
Лишь изрѣдка пустымъ путёмъ,
Своей сопутствуемый тѣнью,
Шелъ запоздалый пѣшеходъ,
Да сонной пташки содроганье,
Да легкій шумъ плеснувшихъ водъ
Смущали вечера молчанье.
Въ зерцало ровнаго пруда
Глядѣлось мирное свѣтило,
И въ лонѣ чистыхъ водъ тогда
Другое небо видно было
Съ такой же ясною луной,
Съ такой же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящій
Крыломъ неслышнымъ вѣтерокъ
Дотронувшись до влаги спящей,
Слегка наморщивалъ потокъ:
Луна звѣздами разсыпалась;
И смутною во глубинѣ
Тогда краса небесъ являлась,
Толь мирная на вышинѣ....
Понятное знаменованье
Души въ ея земномъ изгнаньѣ:
Она небеснаго полна,
А все земнымъ возмущена.
Но какъ назвать очарованье,

Которымъ душу всю луна
Объемлетъ такъ непостижимо?
Ты скажешь: Ангелъ невидимо
Въ ея лучахъ слетаетъ къ намъ.....
Съ какою вѣстью? Мы не знаемъ;
Но вѣстника мы понимаемъ;
Мы вѣримъ сладостнымъ словамъ,
Невыражаемымъ, но внятнымъ;
Летимъ неволею за нимъ
Къ тѣмъ благамъ сердца невозвратнымъ,
Къ тѣмъ упованіямъ святымъ,
Которыми когда-то жили,
Когда съ привѣтною Мечтой,
Еще не встрѣтившись съ Судьбой,
У ясной Младости гостили.
Какъ часто вдругъ возвращено
Какимъ-то быстрымъ мановеньемъ
Все улетѣвшее давно!
И видимъ мы воображеньемъ
Тотъ свѣжій лугъ, гдѣ мы цвѣли;
Даруемъ жизнь друзьямъ отжившимъ;
Былое кажется небывшимъ
И насъ манящимъ издали;
И то, что *нашимъ* было прежде,
Съ чѣмъ мы простились навсегда,
Намъ мнится *нашимъ*, какъ тогда,
И ввѣреннымъ еще надеждѣ....
Кто жъ изъяснитъ намъ, что она,

Сія волшебная луна,
Другъ нашей ночи неизмѣнный?
Не островъ ли она блаженный,
И не гостиница ль земли,
Гдѣ, навсегда простясь съ землёю,
Душа слетается съ душою,
Чтобъ повидаться издали
Съ покинутой, но все любимой
Ихъ прежней жизни стороной?
Какъ съ прага хижины родимой
Надъ брошенной своей клюкой
Съ утѣхой странникъ отдохнувшій,
Глядитъ на путь, уже минувшій,
И думаетъ: „тамъ я страдалъ,
„Тамъ былъ унылъ, тамъ ободрялся,
„Тамъ утомленный отдыхалъ
„И съ новой силою сбирался.“
Такъ наши, можетъ быть, друзья
(Въ обѣтованное селенье
Переведенная семья)
Воспоминаній утѣшенье
Вкушаютъ, глядя изъ луны
Въ предѣлы здѣшней стороны.
Здѣсь и для нихъ была когда-то
Прелестна жизнь какъ и для насъ;
И ихъ манилъ надежды гласъ,
И ихъ испытывала тратой
Тогда имъ тайная рука

Разгаданнаго Провидѣнья.
Здѣсь всѣ ихъ прежнія волненья,
Чѣмъ жизнь прискорбна, чѣмъ сладка,
Любви счастливой упоенья,
Любви отверженной тоска,
Надежды смѣлость, трепетъ страха,
Высокихъ замысловъ мечта,
Великость, слава, красота.....
Все стало бѣдной горстью праха;
И прежнихъ темныхъ, ясныхъ лѣтъ
Одинъ для нихъ примѣтный слѣдъ:
Тотъ угококъ, въ которомъ гдѣ-то
Подъ легкимъ дерномъ гробовымъ
Спитъ сердце, нѣкогда земнымъ,
Смятеннымъ пламенемъ согрѣто;
Да можетъ быть въ краю иномъ
Еще любовью незабытой
Ихъ бытіе и нынѣ слито,
Какъ прежде, съ нашимъ бытіёмъ;
И нынѣ съ милыми родными
Они бесѣдуютъ душой;
И, знавшись съ тратами земными,
Дѣля ихъ, не смущаясь ими,
Подъ часъ утѣхой неземной
На сердце наше налетаютъ,
И сердцу тихо возвращаютъ
Надежду, вѣру и покой.

ПРИВИДѢНІЕ.

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ сіяньѣ
Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованье,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней —
Явилася она передо мною
Въ одеждѣ бѣлой, какъ туманъ;
Воздушною лазурной пеленою
Былъ окруженъ воздушный станъ;
Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой;
То, снявъ ее, открытая стояла
Съ темно-кудрявой головой;
То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,
Какъ призракъ изчезала въ ней;
То, перстъ къ устамъ и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила.
Вдругъ.... покрывало подняла....

Трикраты имъ куда-то поманила.....
И скрылася.... какъ не была!
Вотще продлить хотѣлось упоенье....
Не возвратилася она;
Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ
Душа осталася полна.

ТАИНСТВЕННЫЙ
ПОСѢТИТЕЛЬ.

Кто ты, призракъ, гость прекрасной?
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безотвѣтно и безгласно,
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
Что съ тобой? Куда изчезъ?
И зачѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесъ?

Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
Радость милую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не Любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?....
Дни любви, когда одною
Міръ для насъ прекрасенъ былъ,
Ахъ! тогда сквозь покрывало
Неземнымъ казался онъ....
Снятъ покровъ; любви не стало;
Жизнь пуста и счастье сонъ.

Не волшебница ли Дума
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума,
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь Поэзія была?....
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
Два покрова принесла:
Для небесъ лазурно-ясный,
Чистый, бѣлый для земли:
Съ ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.

Иль Предчувствіе сходило
Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Подымаетъ покрывало,
И въ далекое манитъ.

МОРЕ.

ЭЛЕГІЯ.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?....
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.

Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу....
И мгла изчезаетъ и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

МОТЫЛЕКЪ И ЦВѢТЫ.

Поляны мирной украшеніе,
Благоухапные цвѣты,
Минутное изображеніе
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно разцвѣтаете,
Глядяся въ воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны съ востока яснаго,
Младой денницей пробуждёнъ,
Въ предѣлы бытія прекраснаго
Отъ высоты спустился онъ.
Исполненный воспоминаніемъ
Небесной, чистой красоты,
Онъ вашимъ радостнымъ сіяніемъ
Плѣнился, милые цвѣты.

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободные
И крылья и душа даны:
Но вы къ землѣ цвѣты прикованы;
Вамъ на землѣ и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вамъ не разогрѣть.

Не рождены вы для вниманія;
Вамъ непонятенъ чувства гласъ;
Стремишься къ вамъ безъ упованія;
Безъ горя забываешь васъ.
Пускай же къ вамъ рѣзвясь ласкается
Какъ вы минутный ветерокъ;
Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ мотылёкъ.

Но есть межъ вами два избранные,
Два ненадменные цвѣтка:
Ихъ имена, имъ сердцемъ данныя,
Къ нимъ привлекаютъ мотылька.
Они безъ пышнаго сіянія;
Едва примѣтны красотой:
Одинъ есть цвѣтъ воспоминанія,
Сердечной думы цвѣтъ другой.

О милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца — упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

КЪ ИВ. ИВ. ДМИТРІЕВУ.

Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчноюный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,
И звуки насъ плѣнили тѣ жъ.

Нѣтъ, никогда ничтожный прахъ забвенья
Твоимъ струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо, ихъ Геній вдохновенья,
Всегда крылатый, стережетъ.

Державина струнамъ родныя, пѣли
Онѣ дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ,
Когда вездѣ мы битвами гремѣли,
И битвамъ тѣмъ дивился свѣтъ.

Ты намъ воспѣлъ: „какъ буйные Титаны,
„Смутившіе Астреи нашей дни,
„Ея орломъ низринуты, попранны;
„Въ прахъ! въ прахъ! рекла.... и гдѣ они?“

И нынѣ то жъ, пѣвецъ двухъ поколѣній,
Подъ сѣдиной ты третьему поешь,
И намъ, твоихъ питомцамъ вдохновеній,
Въ часъ славы, руку подаешь.

Я помню дни — магически мечтою
Былъ для меня тогда разубранъ свѣтъ —
Тогда, явясь, сорвалъ передо мною
Покровъ съ поэзіи поэтъ.

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умиленьемъ
Твой голосъ я подслушивалъ тогда,
И вопрошалъ судьбу мою съ волненьемъ:
„Наступитъ ли и мнѣ чреда?“

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
Былъ съ нами *онъ*, теперь ужъ не земной,
Онъ, для меня живое Провидѣнье,
Онъ, съ юности товарищъ твой.

О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный Ангелъ обиталъ.....

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

А ты, цвѣти, пѣвецъ, нашъ вдохновитель,
Младый душей подъ снѣгомъ старыхъ дней;
И долго будь намъ въ старости учитель,
Какъ былъ во младости своей.

ПѢСНЯ.

Отымаетъ наши радости
Безъ замѣны хладный свѣтъ;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснетъ съ чувствомъ жертвой лѣтъ;
Не одно ланитъ пыланіе
Тратимъ съ юностью живой —
Видимъ сердца увяданіе
Прежде юности самой.

Наше счастіе разбитое
Видимъ мы игрушкой волнъ;
И въ далекій мракъ сердитое
Море мчитъ нашъ бѣдный челнъ;
Стрѣлки нѣтъ путеводительной,
Иль вотще ея магнитъ
Въ бурю къ пристани спасительной
Челнъ безпарусный манитъ?

Хладъ, какъ будто ускоренная
Смерть, заходитъ въ душу къ намъ;
Къ наслажденью охлажденая,
Охладѣвъ къ самимъ бѣдамъ,
Безъ стремленья, безъ желанія,
Въ насъ душа заглушена,
И навѣкъ очарованія
Слезъ отрадныхъ лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый ликъ нашъ оживетъ,
Или *прежнее* ошибкою
Въ сердце сонное зайдетъ —
То обманъ; то плющъ играющій
По развалинамъ сѣдымъ;
Сверху листъ благоухающій —
Прахъ и тлѣніе подъ нимъ.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старинѣ;
Иль оплакивать *бывалое*
Слезъ *бывалыхъ* дайте мнѣ.
Сладко, сладко появленіе
Ручейка въ пустой глуши;
Такъ и слезы — освѣженіе
Запустѣвшія души.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

БАЛЛАДА.

Палъ Пріамовъ градъ священный;
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллены — тризну
Въ честь минувшаго свершить,
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной:
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать;
Будемъ въ рабствѣ увядать....
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ!

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила Судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло....
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали....
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ.

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтарёмъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей,
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны —
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ....
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблёкла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!....
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.

Смертный, царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Поставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ....
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами —
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ не вѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ — честь побѣды!
Охранявшему — любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіялъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ нёмъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Опъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ....

Смертный, Силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій.

АЛОНЗО.

БАЛЛАДА.

Изъ далекой Палестины
Возвратясь, пѣвецъ Алонзо
Къ за́мку Бальби приближался,
Полонъ пѣсней вдохновенныхъ:

Тамъ красавица младая,
Струны звонкія подслушавъ,
Обомлѣетъ, затрепещетъ,
И съ альтана взоръ наклонитъ.

Онъ приходитъ въ за́мокъ Бальби,
И подъ окнами поетъ онъ
Все, что сердце молодое
Въ тайнѣ выдумать умѣло.

И цвѣты съ высокихъ оконъ,
Видитъ онъ, къ нему склонились;
Но царицы сладкихъ пѣсней
Межъ цвѣтами онъ не видитъ.

И ему тогда прохожій
Прошепталъ съ лицемъ печальнымъ:
„Не тревожь покоя мертвыхъ;
„Спитъ во гробѣ Изолина.“

И на то пѣвецъ Алонзо
Не отвѣтствовалъ ни слова:
Но глаза его потухли
И не бьется болѣ сердце.

Какъ незапнымъ дуновеньемъ
Вѣтерокъ лампаду гаситъ,
Такъ угасъ въ одно мгновенье
Молодой пѣвецъ отъ слова.

Но въ старинной церкви за́мка,
Гдѣ пылали ярко свѣчи,
Гдѣ во гробѣ Изолина,
Подъ душистыми цвѣтами,

Блѣдноликая лежала,
Всѣхъ проникъ незапный трепетъ:
Оживленная изъ гроба,
Изолина поднялася.....

Отъ безчувствія могилы
Возвратясь незапно въ жизни,
Въ гробовой она одеждѣ,
Какъ въ уборѣ брачномъ, встала;

И, не зная, что съ ней было,
Какъ объятая видѣньемъ,
Изумленная спросила:
Не пропѣлъ ли здѣсь Алонзо?....

Такъ, пропѣлъ онъ, твой Алонзо!
Но ему не пѣть ужъ болѣ:
Пробудивъ тебя изъ гроба,
Самъ заснулъ онъ и навѣки.

Тамъ, въ странѣ преображенныхъ
Ищетъ онъ свою земную,
До него съ земли на небо
Улетѣвшую подругу.....

Небеса кругомъ сіяютъ,
Безмятежны и прекрасны....
И надеждой обольщенный,
Ихъ блаженства пролетая,

Кличетъ тамъ онъ: Изолина!
И спокойно раздается:
Изолина! Изолина!
Тамъ въ блаженствахъ безотвѣтныхъ.

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

БАЛЛАДА.

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самосъ богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ:
„Сколь щедро взысканъ я богами!
„Сколь счастливъ я между царями!“
Царю Египта онъ сказалъ.

— Тебѣ благопріятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышетъ.... побѣдитель,
Недовѣряй своей судьбѣ. —

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
„Побѣдой ты украшенъ новой;
Да обовьетъ опять лавровой
Главу властителя вѣнецъ;

Твой врагъ постигнутъ строгой местью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ.“
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшись! Судьба очарованьемъ
Тебя къ погибели влечётъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ. —

Еще слова его звучали....
А клики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣетъ.
— Тебѣ Фортуна благодѣетъ....
Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковъ,
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ. —

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:
Побѣда, царь! Судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ Критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала.

Испуганъ гость нежданой вѣстью....
— Ты счастливъ; но Судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И иногда намъ безъ печали
Не доставались онѣ.

И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Непзмѣняемо казалось,
Я Силой вышней былъ хранимъ;
Всѣ блага прочилъ я для сына.....
Его, его взяла Судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя Власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

Когда жъ въ несчастьи Рокъ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ.—

Онъ гостью внемлетъ съ содорганьемъ:
„Моимъ избраннымъ достояньемъ
„Донынѣ этотъ перстень былъ;
„Но я готовъ Властямъ незримымъ
„Добромъ пожертвовать любимымъ“....
И перстень въ море онъ пустилъ.

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!

Царь изъявилъ благоволенье....
Вдругъ царскій поваръ въ изступленьѣ
Съ нежданой вѣстію бѣжитъ:
Найденъ твой перстень драгоцѣнный,
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножемъ моимъ открытъ.

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ Судьбою:
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою....
Сказалъ и разлучился съ нимъ.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

БАЛЛАДА.

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Всё цвѣтетъ — лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ.....
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.

Кто жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ....
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ — гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ — свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Всё однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Всё на вѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать неволенъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Анда
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ!

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?...
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,
И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна щедрой
Съмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струёй.

Ими таинственно слита
Область тмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О! привѣтствую васъ, чада
Разцвѣтающихъ полей;
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Авроринымъ сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

ДОНИКА.

БАЛЛАДА.

Есть озеро передъ скалой огромной;
На той скалѣ давно стоялъ
Высокій за́мокъ и громадой тёмной
Прибрежны воды омрачалъ.

На озерѣ ладья не попадалась;
Рыбакъ страшился удить въ нёмъ;
И ласточка, летя надъ нимъ, боялась
Къ нему дотронуться крыломъ.

Хотя бъ стада отъ жажды умирали,
Хотя бъ палилъ ихъ лѣтній зной:
Отъ береговъ его они бѣжали
Смятенно-робкою толпой.

Случалося, что вѣтеръ и осокой
У озера не шевелилъ:
А волны въ немъ вздымалися высоко,
И въ нихъ ужасный шепотъ былъ.

Случалося, что, бурею разима,
Дрожала твердая скала:
А мертвыхъ водъ поверхность недвижима
Была спокойнѣе стекла.

И каждый разъ — въ то время, какъ могилой
Кто въ за́мкѣ угрожаемъ былъ —
Пророчески, гармоніей унылой
Изъ бездны голосъ исходилъ.

И въ за́мкѣ томъ, могуществомъ великій,
Жилъ Ромуальдъ; имѣлъ онъ дочь;
Плѣнялось все красой его Доники:
Лице — какъ день, глаза — какъ ночь.

И рыцарей толпа предъ ней тѣснилась:
Всѣ душу приносили въ даръ;
Однимъ изъ нихъ красавица плѣнилась:
Счастливецъ этотъ былъ Эвраръ.

И радъ отецъ; и скоро ужъ наступитъ
Желанный, сладкій часъ, когда
Во храмѣ ихъ священникъ совокупитъ
Святымъ союзомъ навсегда. —

Былъ вечеръ тихъ и небеса алѣли;
Съ невѣстой шелъ рука съ рукой
Женихъ; они на озеро глядѣли
И услаждались тишиной.

Ни трепета въ листахъ деревъ, ни знака
Малѣйшей зыби на водахъ....
Лишь лаяньемъ Доникина собака
Пугала пташекъ на кустахъ.

Любовь въ груди невѣсты пламенѣла
И въ темныхъ таяла очахъ;
На жениха съ тоской она глядѣла:
Ей въ душу вкрадывался страхъ.

Все было вкругъ какой-то полно тайной;
Безмолвно гасъ лазурный сводъ;
Какой-то сонъ лежалъ необычайной
Надъ тихою равниной водъ.

Вдругъ бездна ихъ унылый и глубокой
И тихій голосъ издала:
Гармонія въ лали небесъ высокой
Отозвалась и умерла....

При звукѣ семъ Доника побѣднѣла
И стала сумрачно-тиха;
И вдругъ.... она трепещетъ, охладѣла,
И пала въ руки жениха.

Оцѣпенѣвъ, въ безумствѣ изступленья,
Отчаянный онъ поднялъ крикъ....
Въ Доникѣ нѣтъ ни чувства, ни движенья:
Сомкнуты очи, мертвый ликъ.

Онъ рвется...: плачетъ.... вдругъ пошевелились
Ея уста.... потрясена
Дыханьемъ легкимъ грудь.... глаза открылись....
И встала медленно она.

И мутными глядитъ кругомъ очами,
И къ другу на руку легла,
И слабая, невѣрными шагами
Обратно въ замокъ съ нимъ пошла.

И были съ той поры ея ланиты,
Не свѣжей розы красотой,
Но блѣдностью могильною покрыты;
Уста пугали синевой.

Въ ея глазахъ, столь сладостно сіявшихъ,
Какой-то острый лучъ сверкалъ,
И съ блѣдностью ланитъ, глубоко впавшихъ,
Онъ что-то страшное сливалъ.

Ласкаться къ ней собака ужъ не смѣла;
Ея прикликать не могли;
На госпожу, дичась, она глядѣла
И выла жалобно вдали.

Но нѣжная любовь не измѣнила:
Съ глубокой нѣжностью Эвраръ
Скорбѣлъ объ ней, и тайной скорби сила
Любви усиливала жаръ.

И милая, дѣля его страданья,
Къ его склонилася мольбамъ:
Назначенъ день для бракосочетанья;
Женихъ повелъ невѣсту въ храмъ.

Но лишь туда вошли они, чтобъ вѣрный
Предъ алтаремъ обѣтъ изречь:
Иконы всѣ померкли вдругъ, и сѣрный
Дымъ побѣжалъ отъ брачныхъ свѣчъ.

И вотъ женихъ горячею рукою
Невѣсту за руку беретъ....
Но ужасъ овладѣлъ его душою:
Рука та холодна, какъ ледъ.

И вдругъ онъ вскрикнулъ.... окруженъ лучами,
Предъ нимъ безплотный духъ стоялъ
Съ ея лицемъ, улыбкою, очами....
И въ немъ Донику онъ узналъ.

Сама жъ она съ нимъ не стояла рядомъ:
Онъ блѣдный трупъ одинъ узрѣлъ....
А мрачный бѣсъ, въ нее вселенный адомъ,
Ужасно взвылъ и улетѣлъ.

ЛЕНОРА.

БАЛЛАДА.

Ленорѣ снился страшный сонъ,
Проснулася въ испугѣ.
„Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
„И вѣренъ ли подругѣ?“
Пошелъ въ чужую онъ страну
За Фридерикомъ на войну;
Никто объ немъ не слышитъ;
А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ Императрицею Король
За что-то раздружились;
И кровь лилась, лилась.... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончивъ бой,
Съ музыкой, пѣснями, пальбой,
Съ торжественностью ратной
Пустились въ путь обратной.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй;
Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближніе толпой
Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ обнялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
Вмѣстѣ радость.... а Ленорѣ
Отчаянное горе.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;
Но вѣсти нѣтъ ей никакой:
Никто объ немъ не знаетъ.
Когда же мимо рать прошла —
Она свѣтъ Божій прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
„Что такъ тебя волнуетъ?
„Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?“
И дочь свою цѣлуетъ,
— О другъ мой, другъ мой, все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ....
О горе мнѣ! о горе! —

„Прости ее, небесный Царь!
„Родная, помолися;
„Онъ благъ, Его руки мы тварь:
„Предъ нимъ душой смирися.“
— О другъ мой, другъ мой, все какъ сонъ....
Немилостивъ со мною Онъ;
Предъ Нимъ мой крикъ былъ тщетенъ....
Онъ глухъ и безотвѣтенъ. —

„Дитя, отъ жалобъ удержись;
„Смири души тревогу;
„Пречистыхъ Таинъ причастись,
„Пожертвуй сердцемъ Богу.“
— О другъ мой, что во мнѣ кипитъ,
Того и Богъ не усмиритъ:
Ни Тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвой. —

„Но что, когда онъ самъ забылъ
„Любви святое слово,
„И прежней клятвѣ измѣнилъ.
„И связанъ клятвой новой?
„И ты, и ты объ немъ забудь;
„Не рви тоской напрасной грудь;
„Не стоитъ слезъ предатель;
„Ему судья Создатель.“

— О другъ мой, другъ мой, все прошло ;
Пропавшее пропало;
Жизнь безотрадную на зло
Мнѣ Провидѣнье дало....
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ....
О горе мнѣ! о горе! —

„Небесный Царь, да ей проститъ
„Твое долготерпѣнье!
„Она не знаетъ, что творитъ:
„Ея душа въ забвеньѣ.
„Дитя, земную скорбь забудь:
„Ведетъ ко благу Божій путь;
„Смиреннымъ рай награда.
„Страшись мученій ада.“ —

— О другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ, все небесный рай;
Съ нимъ розно, все мученье;
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь и тамъ для рая. —

Тамъ дерзко, полная тоской,
Душа въ ней бунтовала....
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вотъ.... какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался:
Несется по полю ѣздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо....
Въ ней жилки задрожали.....
Сквозь дверь ей прошептали:

„Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
„Ты ждешь ли друга, спишь ли?
„Меня забыла ты, иль нѣтъ?
„Смѣешься ли, грустишь ли?“
— Ахъ! милый.... Богъ тебя принесъ!
А я.... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ затмился....
Ты какъ здѣсь очутился? —

„Сѣдлаемъ въ полночь мы коней....
„Я ѣду издалёка.
„Не медли, другъ; сойди скорѣй;
„Путь дологъ, мало срока.“
— На что спѣшить, мой милый, намъ?
И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
И тма ночная въ полѣ;
Побудь со мной на волѣ. —

„Что нужды намъ до тмы ночной!
„Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ.
„Часы бѣгутъ; конь борзый мой
„Копытомъ землю роетъ;
„Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ;
„Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
„Не въ пору сонъ и нѣга:
„Сто миль намъ до почлега.“

— Но какъ же конь твой пролетитъ
Сто миль до утра, милой?
Ты слышышь, колоколъ гудитъ:
Одиннадцать пробило. —
„Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ....
„Гладка дорога мертвецамъ;
„Мы скачемъ, не боимся;
„До свѣта мы домчимся.“

— Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
Гдѣ нашъ пріютъ укромный? —
„Далеко онъ.... пять, шесть достокъ....
„Прохладный, тихій, тёмный.“
— Есть мѣсто мнѣ? — „Обоимъ намъ.
„Поѣдемъ; все готово тамъ;
„Ждутъ гости въ нашей кельѣ;
„Пора на новоселье!“

Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нѣжно обняла,
И вся къ нему прильнула.
Помчались.... конь бѣжитъ, летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ холмы, кусты,
Поля, лѣса летѣли;
Подъ конскимъ топотомъ мосты
Тряслися и гремѣли.
„Не страшно ль? — Мѣсяцъ свѣтитъ намъ! —
Гладка дорога мертвецамъ!
„Да что же такъ дрожишь ты?“
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты? —

„Но кто тамъ стопетъ? Что за звонъ?
„Что ворона взбудило?
„По мертвомъ звонъ; надгробный стонъ;
„Голосятъ надъ могилой.“
И видѣнъ ходъ: идутъ, поютъ,
На дрогахъ тяжкій гробъ везутъ,
И голосъ погребальной,
Какъ вой совы печальной.

„Заройте гробъ въ полночный часъ:
„Слезамъ теперь не мѣсто;
„За мной! къ себѣ на свадьбу васъ
„Зову съ моей невѣстой.
„За мной, пѣвцы; за мной, пасторъ;
„Пропой намъ многолѣтье, хоръ;
„Намъ дай на обрученье,
„Пасторъ, благословенье.“

И звонъ утихъ.... и гробъ пропалъ....
Столпился хоръ проворно,
И по дорогѣ побѣжалъ
За ними тѣнью чёрной.
И далѣ, далѣ!.... конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ
Окрестность вся летѣла:
Поля, холмы, ряды кустовъ,
Заборы, домы, села.
„Не страшно ль?“ — Мѣсяцъ свѣтитъ намъ. —
„Гладка дорога мертвецамъ!
„Да что же такъ дрожишь ты?“
— О мертвыхъ все твердишь ты! —

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
Воздушныхъ рой, свiясь кольцомъ,
Кружится, пляшетъ, вѣетъ.
„Ко мнѣ, за мной, вы плясуны!
„Вы всѣ на пиръ приглашены!
„Скачу, лечу жениться....
„Ко мнѣ! повеселиться!“

И летомъ, летомъ легкiй рой
Пустился вслѣдъ за ними,
Шумя, какъ вѣтеръ полевой
Межъ листьями сухими.
И далѣ, далѣ!.... конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ,
Все мимо ихъ бѣжало;
И все какъ тѣнь, и все какъ сонъ
Мгновенно пропадало.
„Не страшно ль?“—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.—
„Гладка дорога мертвецамъ!
„Да что же такъ дрожишь ты?“
— Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

„Мой конь, мой конь, песокъ бѣжитъ;
„Я чую, ночь свѣжѣе;
„Мой конь, мой конь, пѣтухъ кричитъ;
„Мой конь, несись быстрѣе.....
„Окончѣнъ путь; исполненъ срокъ;
„Нашъ близко, близко уголокъ;
„Въ минуту мы у мѣста....
„Пріѣхали, невѣста!“

Къ воротамъ конь во весь опоръ
Примчавшись, сталъ и топнулъ;
Ѣздокъ бичемъ стегнулъ затворъ—
Затворъ со стукомъ лопнулъ;
Они кладбище видятъ тамъ....
Конь быстро мчится по гробамъ;
Лучи луны сіяютъ,
Кругомъ кресты мелькаютъ.

И что жъ, Ленора, что потомъ?
О страхъ!.... въ одно мгновенье
Кусокъ одежды за кускомъ
Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
Безглазый черепъ на плечахъ;
Нѣтъ каски, нѣтъ колета;
Она въ рукахъ скелета.

Конь прянулъ.... пламя изъ ноздрей
Волною побѣжало;
И вдругъ.... все пылью передъ ней
Разшиблось и пропадо.
И вой и стонъ на вышинѣ;
И крикъ въ подземной глубинѣ;
Лежитъ Ленора въ страхѣ
Полмертвая на прахѣ.

И въ блескѣ мѣсячныхъ лучей,
Рука съ рукой летаетъ,
Вiясь надъ ней, толпа тѣней
И такъ ей припѣваетъ:
„Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь;
„Творцу въ бѣдахъ покорна будь;
„Твой трупъ сойди въ могилу!
„А душу Богъ помилуй!“

СУДЪ БОЖІЙ
НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

БАЛЛАДА.

Были и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.

Но у Епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ Епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій
Въ двери Епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ Епископъ Гаттонъ:
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ Епископъ Гаттонъ.

„Дожили мы до нежданаго чуда:
„Вынулъ Епископъ добро изъ-подъ спуда;
„Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ.“
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собрался званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа до кости;
Старый, огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угоститъ ихъ Епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ Епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя Епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей.

Въ замокъ Епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ....
Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ, что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ...
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
„Наша округа мышами полна,
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна.“

Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
„Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой замокъ, Епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ.“

Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземной;
Въ страхѣ Епископъ дорогою темной
Къ берегу вытти изъ замка спѣшитъ:
Въ Рейнской башнѣ спасусь (говоритъ).

Башня изъ Рейнскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку Епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится
Вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казалися слиты,
Были рѣшетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится.....
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ онъ.... кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ;
Мечется кошка; невесело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.

Палъ на колѣни Епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ.... а мыши плывутъ....
Ближе и ближе.... доплыли.... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты....
Что тутъ, Епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили,
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ....
Такъ былъ наказанъ Епископъ Гаттопъ.

КУБОКЪ.

БАЛЛАДА.

„Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой
„Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
„Бросаю мой кубокъ туда золотой:
„Кто сыщетъ во тмѣ глубины
„Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
„Тому онъ и будетъ наградой побѣдной.“

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
„Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?“

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ;
Молчанье — на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
„Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасной?“

И всѣ безотвѣтны.... вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ....
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину....
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнёмъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ....
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застопала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ —
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло.... въ ней глухо шумитъ....
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
„Красавецъ отважный, прости!“
Все тише и тише на днѣ ея воетъ....
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

„Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
„Сказавъ: *кто вѣнецъ возвратитъ,*
„Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
„Меня твой престолъ не прельститъ.
„Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
„Ни чья здѣсь душа не разскажетъ живая.

„Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
„Глотала ея глубина:
„Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
„Съ ея неприступнаго дна“....
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалёкой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнёмъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ....
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ.... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной....
Мелькнула рука и плечо изъ волны....
И борется, споритъ съ волной....
И видятъ — весь берегъ потряся отъ клича —
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ....
И каждый съ весельемъ, онъ живъ! повторялъ:
„Чудеснѣе подвига нѣтъ!
„Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
„Спасъ душу живую красавецъ отважной.“

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ:
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
И въ сладость была для него та награда.

„Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ....
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

„Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда....
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлёкъ
Меня въ глубину съ непонятною силой....
И страшно меня тамъ кружило и било.

„Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

„И смутно все было въ низу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

„Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваясь клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

„И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцевъ подземелья нѣмова.

„И я содрогался.... вдругъ слышу: ползётъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ....
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!....
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ.“

Чудесенъ разсказъ показался царю:
„Мой кубокъ возьми золотой;
„Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
„Въ которомъ алмазъ дорогой,
„Когда ты на подвигъ отважишься снова
„И тайны всѣ дна перескажешь морскова."

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова.

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
„И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
„Когда съ нимъ воротишься, ты;
„И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
„Заступница, будетъ твоею женою."

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ *она*;
Онъ видитъ: въ *ней* жалость и страхъ....
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны....

Утихнула бездна.... и снова шумитъ....
И пѣною снова полна....
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ....
И бьетъ за волною волна....
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

ПЕРЧАТКА.

ПОВѢСТЬ.

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ Принцемъ,
Король Францискъ сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая;
За Королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

Король далъ знакъ рукою —
Со стукомъ растворилась дверь:
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходитъ;
Кругомъ глаза угрюмо водитъ;

И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ. Король опять рукой махнулъ —
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ;
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ Король махнулъ рукой —
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжекъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ.....
Они смирились,
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждутъ, чтобъ битва началася.
Вдругъ женская съ балкона сорвалася
Перчатка.... всѣ глядятъ за ней.....
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ

Его красавица и говоритъ:
„Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
„Ты любишь такъ, какъ говоришь,
„Ты мнѣ перчатку возвратишь.“

Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ беретъ,
И возвращается къ собранью снова.

У рыцарей и дамъ при дерзости такой
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицыны взгляды.....
Но, холодно припявъ привѣтъ ея очей,
Въ лице перчатку ей
Онъ бросилъ, и сказалъ: не требую награды.

КОРОЛЕВА УРАКА

и

ПЯТЬ МУЧЕНИКОВЪ.

БАЛЛАДА.

Пять чернецовъ въ далекій путь идутъ;
Но имъ назадъ уже не возвратиться;
Въ отечествѣ имъ болѣ не молиться:
Они конецъ межъ нехристей найдутъ.

И съ набожной Уракой Королевой,
Собравшись въ путь, прощаются они:
Ты насъ въ своихъ молитвахъ помяни,
А надъ тобой Христосъ съ Пречистой Дѣвой!

Послушай, три пророчества тебѣ
Мы, отходя, на память оставляемъ;
То судъ небесный, онъ неизмѣняемъ;
Смирись, своей покорствуя судьбѣ.

Въ Марокке мы за вѣру нашей кровью
Омоемъ землю; тамъ въ послѣдній часъ
Прославимъ мы Того, кто самъ за насъ
Мученіе пріялъ съ такой любовью.

Въ Коимбру наши грѣшныя тѣла
Перенесутъ: на то святая воля,
Дабы смиренныхъ Мучениковъ доля
Для Христіанъ спасеніемъ была.

И тотъ, кто первый наши гробы встрѣтитъ
Изъ васъ двоихъ, Король иль ты, умрётъ
Въ ту ночь: на утро новый день взойдетъ,
Его жъ очей онъ болѣ не освѣтитъ.

Прости же, Королева, Богъ съ тобой!
Вседневно за тебя молиться станемъ,
Пока мы живы; и тебя помянемъ
Въ ту ночь, когда конецъ настанетъ твой.

Пять чернецовъ, одинъ послѣ другова
Благословивъ ее, въ свой путь пошли,
И въ Африку смиренно понесли
Небесный даръ ученія Христова.

„Король Альфонзо, знаетъ ли что свѣтъ
„О чернецахъ? Какая ихъ судьбина?
„Пріялъ ли умъ царя Мирамолина
„Ученье ихъ? Или уже ихъ нѣтъ?“

— Свершилося великое ихъ дѣло:
Въ небесную они вступили дверь;
Предъ Господомъ стоятъ они теперь
Въ вѣнцѣ, въ одеждѣ Мучениковъ бѣлой.

А ихъ тѣла, подъ зноемъ, подъ дождемъ,
Лежатъ въ пыли, истерзаны мученьемъ;
И вѣрные почтить ихъ погребеньемъ
Не смѣютъ, трепеща передъ Царемъ. —

„Король Альфонзо, изъ земли далёкой
„Какая намъ о Мученикахъ вѣсть?
„Оказана ль имъ погребенья честь?
„Смягчился ли Мирамолинъ жестокой?“

— Свирѣпый Мавръ хотѣлъ, чтобъ ихъ тѣла
Безъ погребенья честнаго истлѣли,
Чтобъ расклевалъ ихъ вранъ иль псы ихъ съѣли,
Чтобъ ихъ костей земля не приняла.

Но Божіи тамъ молніи пылали;
Но Божій громъ всечасно падалъ тамъ;
Къ почіющимъ въ нетлѣніи тѣламъ
Ни песъ, ни вранъ коснуться не дерзали.

Мирамолинъ, симъ чудомъ поражёнъ,
Подумалъ: намъ такіе страшны гости.
И Педро, братъ мой, взялъ святыя кости;
Ужъ на пути къ Коимбрѣ съ ними онъ. —

Всѣ алтари Коимбрскіе цвѣтами
И тканями богатыми блестятъ;
Всѣ улицы Коимбрскія кипятъ
Шумящими, веселыми толпами.

Звонятъ въ колокола, кадятъ, поютъ;
Священники и рыцари въ собраньѣ;
Готово всё начать торжествованье,
Лишь Короля и Королеву ждутъ.

— Пойдемъ, жена моя Урака, время!
Насъ ждутъ; собрался весь духовный чинъ. —
„Поди, Король Альфонзо, ты одинъ,
„Я чувствую болѣзни тяжкой бремя.“

— Но мощи Мучениковъ изцѣлятъ
Твою болѣзнь въ единое мгновенье:
За прежнее твое благоволенье
Они теперь тебя вознаградятъ.

Пойдемъ же имъ во срѣтеніе съ ходомъ;
Не замедляй процессіи святой;
То будетъ грѣхъ и стыдъ для насъ съ тобой,
Когда мощей не встрѣтимъ мы съ народомъ. —

На бѣлаго коня тогда она
Садится; съ ней Король; они за ходомъ
Тихонько ѣдутъ; все кипитъ народомъ;
Дорога вся какъ цѣнь людей одна.

„Король Альфонзо, назади со мною
„Не оставайся ты; спѣши впередъ,
„Чтобъ первому, предупредя народъ,
„Почтить святыхъ Угодниковъ мольбою.

„Меня всѣхъ силъ лишаетъ мой недугъ,
„И нуженъ мнѣ хоть мигъ отдохновенья;
„Послѣдую тебѣ безъ замедленья....
„Спѣши жъ впередъ со свитою, мой другъ.“

Немедленно Король коню далъ шпоры
И поскакалъ со свитою впередъ;
Ужъ назади остался весь народъ,
Ужъ вдалекѣ ихъ потеряли взоры.

Вдругъ дикій вепрь имъ путь перебѣжалъ.
Лови! лови! (къ своимъ нетерпѣливый
Кричитъ Король) и конь его ретивый
Черезъ поля за вепремъ поскакалъ.

И вепря онъ гоняетъ. Той порою
Медлительно во срѣтенье мощей
Идетъ Урака съ свитою своей,
И весь народъ валитъ за ней толпою.

И вдалекѣ представился имъ ходъ:
Идутъ, поютъ, несутъ святыя Раки;
Уже онѣ предъ взорами Ураки,
И съ нею въ прахъ простерся весь народъ.

Но гдѣ жъ Король?.... Увы! Урака плачетъ:
Исполниться пророчеству надъ ней!
И вотъ, глядитъ.... со свитою своей,
Окончa ловъ, Король Альфонзо скачетъ.

„Угодники Святые, за меня
„Вступитеся! (она гласитъ, рыдая)
„Мнѣ помоги, о Дѣва Пресвятая,
„Въ послѣдній часъ рѣшительнаго дня.“

И въ этотъ день въ Коимбрѣ все ликуетъ;
Народъ поетъ; всѣ улицы шумятъ;
Не радостенъ лишь Королевинъ взглядъ;
На праздникѣ одна она тоскуетъ.

Проходитъ день, и праздникъ замолчалъ;
На западѣ давно ужъ потемнѣло;
На улицахъ Коимбры опустѣло;
И тихо часъ полночный наступалъ.

И въ этотъ часъ во храмѣ томъ, гдѣ Раки
Угодниковъ стояли, былъ монахъ:
Святымъ Мощамъ молился онъ въ слезахъ;
То былъ смиренный духовникъ Ураки.

Онъ молится.... вдругъ часъ полночный бьетъ;
И пораженъ чудеснымъ онъ видѣньемъ;
Онъ видитъ: въ храмъ съ молитвой, съ тихимъ пѣньемъ
Толпа гостей таинственныхъ идетъ.

Въ суровыя одѣты власяницы,
Веревкою обвязаны простой;
Но блескъ отъ нихъ исходитъ не земной,
И свѣтятся преображенны лицы.

И въ сонмѣ томъ блистательнѣй другихъ
Являлися пять иноковъ, какъ братья;
Казалось, кровь ихъ покрывала платья,
И вѣтви палмъ въ рукахъ сіяли ихъ.

И тотъ, кто велъ пришельцевъ незнакомыхъ,
Казалось, былъ еще земли жилецъ;
Но и надъ нимъ горѣлъ лучей вѣнецъ,
Какъ надъ святой главою имъ ведомыхъ.

Предъ алтаремъ они, устроясь въ рядъ,
Запѣли гимнъ торжественно-печальный:
Казалося, свершали погребальный
За упокой души они обрядъ.

Скажите, кто вы? (чудомъ изумленной,
Спросилъ святыхъ пришельцевъ духовникъ)
О комъ поетъ вашъ погребальный ликъ?
О чьей душѣ вы молитесь блаженной?

„Угодниковъ Святыхъ ты слышишь гласъ;
„Мы братья ихъ, пять чернецовъ смиренныхъ:
„Сопричтены за муки въ ликъ Блаженныхъ;
„Отецъ Францискъ живой предводитъ насъ.

„Исполнили мы Королевѣ данный
„Обѣтъ: ее теперь возьметъ земля;
„Поди отсель, увѣдомь Короля
„О томъ, чему ты зритель былъ избранный.

И скрылось всё.... Оставилъ храмъ, чернецъ
Спѣшитъ къ Альфонзу съ вѣстію печальной....
Вдругъ тяжко звонъ раздался погребальной:
Онъ Королевинъ возвѣстилъ конецъ.

ПОКАЯНІЕ.

БАЛЛАДА.

Былъ Папа готовъ литургію свершать,
Сіяя въ святомъ облаченьи,
Съ могуществомъ, даннымъ ему, отпускать
Всѣмъ грѣшникамъ ихъ прегрѣшеньи.

И Папа обрядъ очищенья свершалъ;
Во прахъ народъ простирался;
И кто съ покаяніемъ прахъ лобызалъ,
Отъ всѣхъ тотъ грѣховъ очищался.

Органа торжественный громъ восходилъ
Горѣ во святомъ ѳиміамъ,
И страхъ соприсутствія Божія былъ
Разлитъ благодатно во храмѣ.

Святѣйшее слово онъ хочетъ сказать —
Устамъ не покорствуютъ звуки;
Сосудъ живоносный онъ хочетъ поднять —
Дрожащія падаютъ руки.

„Есть грѣшникъ великій во храмѣ святомъ!
„И бремя на немъ святотатства!
„Нѣтъ части ему въ разрѣшеньи моёмъ:
„Онъ здѣсь не отъ нашего братства.

„Нѣтъ слова, чтобъ миръ водворило оно
„Въ душѣ, погубленной отнынѣ;
„И онъ обрѣтетъ осужденье одно
„Въ чистѣйшей небесной святынѣ.

„Бѣги жъ, осужденный; отвергнись отъ насъ;
„Не жди моего заклинанья;
„Бѣги: да свершу невозбранно въ сей часъ
„Великій обрядъ покаянья.“

Съ толпой на колѣняхъ стоялъ пилигримъ,
Въ простую одѣтъ власяницу;
Впервые узрѣлъ онъ сіяющій Римъ,
Великую вѣры столицу.

Молчанье храня, онъ пришелъ изъ своей
Далекой отчизны, какъ нищій;
И цѣлые сорокъ онъ дней и ночей
Почти не касался до пищи;

И въ храмѣ, въ святой покаянія часъ,
Усерднѣй никто не молился....
Но грянулъ надъ нимъ заклинательный гласъ —
Онъ блѣденъ поднялся и скрылся.

Спѣшитъ запрещенный покинуть онъ Римъ;
Преслѣдуемъ словомъ ужаснымъ,
Къ Шотландскимъ идетъ онъ горамъ голубымъ,
Къ озерамъ отечества яснымъ.

Когда жъ возвратился въ отечество онъ,
Въ старинную дѣдовъ обитель:
Вассалы къ нему собрались на поклонъ,
И ждали, что скажетъ властитель.

Но прежній властитель, дотолѣ вождемъ
Ихъ бывшій ко славѣ побѣдной,
Ихъ принялъ съ унылымъ, суровымъ лицемъ,
Съ потухшими взорами, блѣдной.

Сложилъ онъ съ вассаловъ подданства обѣтъ,
И съ ними безмолвно простился;
Покинулъ онъ замокъ, покинулъ онъ свѣтъ,
И въ келью отшельникомъ скрылся.

Себя онъ обрекъ на молчанье и трудъ;
Безъ сна проводилъ онъ всѣ ночи;
Какъ блѣдный убійца, вѣдомый на судъ,
Бродилъ онъ, потупивши очи.

Не зналъ онъ покрова ни въ холодъ, ни въ дождь;
Въ раздранной ходилъ власяницѣ;
И въ кельѣ, бывалый властитель и вождь,
Гнѣздился, какъ мертвый въ гробницѣ.

Въ святой монастырь Богоматери далъ
Онъ часть своего достоянья:
Чтобъ тамъ о *погибшихъ* соборъ совершалъ
Вседневно обрядъ поминанья.

Когда жъ поминанье соборъ совершалъ,
Моляся въ усердіи тепломъ:
Онъ въ храмъ не входилъ; передъ дверью лежалъ
Онъ въ прахѣ, осыпанный пепломъ.

Окрестъ сторона та прекрасна была:
Рѣка, наравнѣ съ берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень поила струями;

Живыя дороги вились по полямъ;
Межъ нивами села блистали;
Пестрѣли стада; отвѣчая рогамъ,
Долины и холмы звучали;

Святой монастырь на пригоркѣ стоялъ
За темною кленовъ оградой:
Межъ ними — въ то время, какъ вечеръ сіялъ —
Багряной горѣлъ онъ громадой.

Но грѣшнымъ очамъ неприметна краса
Веселой, окрестной природы;
Безъ блеска для мертвой души небеса,
Безъ голоса рощи и воды.

Есть мѣсто — туда, какъ могильная тѣнь,
Одною дорогой онъ ходитъ;
Тамъ часто задумчивъ сидитъ онъ весь день,
Тамъ часто и ночи проводитъ.

Въ лѣсномъ захолустьѣ, гдѣ сонный ворчитъ
Источникъ, влачася лѣниво,
На дикой полянѣ часовня стоитъ
Въ обломкахъ, заглохшихъ крапивой;

И черны обломки: пожаръ тамъ прошелъ;
Золою, стопившейся въ камень,
И падшею кровлей задавленный полъ,
Рѣшетки, стерпѣвшія пламень,

И полосы дыма на голыхъ стѣнахъ,
И древній алтарь безъ святыни,
Все сердцу твердитъ, пробуждая въ немъ страхъ,
О тайнѣ сей мрачной пустыни.

Ужасное дѣло свершилося тамъ:
Въ часовнѣ пустыннаго мѣста,
Въ часъ ночи, обѣтъ принося небесамъ,
Стояли женихъ и невѣста.

Къ красавицѣ бурною страстью пылалъ
Округи могучій властитель;
Но нравился болѣ ей скромный вассалъ,
Чѣмъ гордый его повелитель.

Соперника ревность была имъ страшна:
И втайнѣ ихъ бракъ совершился.
Ужъ клятва любви небесамъ предана,
И пастырь надъ ними молился.....

Вдругъ топотъ и клики и пламя кругомъ!
Ихъ тайна открыта; въ кипѣньѣ
Обиды, любви, обезумленъ виномъ,
Дерзнулъ онъ на страшное мщенье:

Захлопнуты двери; часовня горитъ;
Стенаньямъ смѣется губитель;
Все пышетъ, валится, трещитъ и гремитъ,
И въ пеплѣ святыни обитель. —

Былъ вечеръ прекрасенъ и тихъ и душистъ;
На горныхъ вершинахъ сіяло;
Сводъ неба глубокій былъ темень и чистъ;
Торжественно все утихало.

Въ обители иноковъ слышался звонъ:
Тамъ было вечернее бдѣнье;
И иноки пѣли хвалебный канонъ,
И было ихъ сладостно пѣнье.

По-прежнему грустенъ, по-прежнему дикъ,
(Ужъ годы прошли въ покаяньѣ)
На мѣсто, гдѣ сердце онъ мучить привыкъ,
Онъ шелъ, погруженный въ молчанье.

Но вечеръ невольно бесѣдовалъ съ нимъ
Своей миротворной красою,
И тихой земли усыпленьемъ святымъ,
И звѣздныхъ небесъ тишиною.

И воздухъ его обнималъ теплотой,
И пилъ ароматъ онъ цѣлебный,
И вслухъ долеталъ издалека порой
Отшельниковъ голосъ хвалебный.

И съ чувствомъ, давно позабытымъ, поднялъ
На небо онъ взоръ свой угрюмой,
И долго смотрѣлъ и недвижимъ стоялъ,
Окованный тайною думой.....

Но вдругъ содрогнулся — какъ будто о чемъ
Ужасномъ онъ вспомнилъ — глубоко
Вздохнулъ, сталъ блѣднѣй, и обычнымъ путемъ
Пошелъ, какъ мертвецъ, одиноко.

Главу опустя, безнадежно унылъ,
Отчаянно стиснувши руки,
Приходитъ туда онъ, куда приходилъ
Ужъ годы всенощно для муки.

И видитъ.... у входа часовни сидитъ
Чернецъ въ размышленьи глубокомъ,
Онъ чуденъ лицемъ; на него онъ глядитъ
Пронзающимъ внутренность окомъ.

И тихо сказалъ наконецъ онъ: Христосъ
Тебя сохрани и помилуй!
И грѣшнику душу привѣтъ сей потрёсъ,
Какъ лучъ воскресенья могилу.

— Отвѣтствуй мнѣ, кто ты? (чернецъ вопросилъ)
Свою мнѣ повѣдай судьбину;
По виду ты странникъ; быть можетъ, ходилъ,
Свершая обѣтъ, въ Палестину?

Или ко гробамъ Чудотворцевъ Святыхъ
Свое приносилъ поклоненье?
Съ собою мощей не принесъ ли какихъ,
Дарующихъ грѣшнымъ спасенье?

„Мощей не принесъ я; къ гробамъ не ходилъ,
„Спасающимъ насъ благодатью;
„Не зрѣлъ Палестины.... но въ Римѣ я былъ,
„И преданъ навѣки проклятью.“

— Проклятія вѣчнаго нѣтъ для живыхъ:
Есть вѣрный за падшихъ Заступникъ.
Приди, исповѣдайся въ тайныхъ своихъ
Грѣхахъ предо мною, преступникъ. —

„Что сдѣлать невластенъ Святѣйшій Отецъ,
„Владыка и Божій намѣстникъ,
„Тебѣ ли то сдѣлать? И кто ты, чернецъ?
„Кѣмъ посланъ ты, милости вѣстникъ?“

— Я здѣсь издалека: былъ въ той сторонѣ,
Гдѣ вѣдома участь земнаго;
Здѣсь память загладить позволено мнѣ
Ужаснаго дѣла ночнаго. —

При словѣ семъ грѣшникъ на землю упалъ....
Всѣ члены его трепетали.....
Онъ исповѣдь началъ.... но что онъ сказалъ,
Того на землѣ не узнали.

Лишь мѣсяцъ ихъ тайнымъ свидѣтелемъ былъ,
Смотря сквозь древесныя сѣни;
И, мнилось, въ то время, когда онъ свѣтилъ,
Двѣ легкія вѣяли тѣни;

Двумя облачками казались онѣ;
Все выше, все выше взлетали;
И всѣ неразлучны; и вдругъ въ вышинѣ
Съ лазурью слились и пропали.

И онъ на землѣ не встрѣчался съ тѣхъ поръ.
Одно сохранилось въ преданьѣ:
Съ обычнымъ обрядомъ священный соборъ
Во храмѣ свершалъ поминанье;

И пѣньемъ торжественнымъ полонъ былъ храмъ,
И тихо дымились кадилы,
И вмѣстѣ съ земными невидимо тамъ
Служили небесныя Силы.

И въ храмъ онъ вошелъ, къ алтарю приступилъ,
Пречистыхъ Даровъ причастился,
На небо сіяющій взоръ устремилъ,
Сжалъ набожно руки.... и скрылся.

СУДЪ ВЪ ПОДЗЕМЕЛЬѢ.

ПОВѢСТЬ.

(ОТРЫВОКЪ.)

I.

Ужъ день прохладно вечерѣлъ,
И сводъ лазоревый алѣлъ;
На немъ сверкали облака;
Дыханьемъ свѣжимъ вѣтерка
Былъ воздухъ сладко растворёнъ;
Играя, вѣя, морщилъ онъ
Пурпурно-блещущій заливъ;
И, бѣлый парусъ распустивъ,
Заливомъ тѣмъ ладья плыла;
Изъ Витби инокинь несла,
По легкимъ прыгая зыбямъ,
Она къ Кутбертовымъ брегамъ.
Летитъ веселая ладья;
Покрыта палуба ея
Большимъ узорчатымъ ковромъ;

Рѣзной, высокій стулъ на нёмъ
Съ подушкой бархатной стоитъ;
И мать игуменья сидитъ
На стулѣ въ помыслахъ святыхъ;
Съ ней пять монахинь молодыхъ.

II.

Впервой покинувъ душный плѣнъ
Печальныхъ монастырскихъ стѣнъ,
Какъ птички въ вольной вышинѣ,
По гладкой палубѣ онѣ
Играютъ, рѣзвятся, шалятъ.....
Все веселитъ ихъ, какъ ребятъ:
Той шаткій парусъ страшенъ былъ,
Когда имъ вѣтеръ шевелилъ,
И онъ, надувшися, гремѣлъ;
Крестилась та, когда бѣлѣлъ,
Катясь къ ладьѣ, кипучій валъ,
Ее ловилъ и подымалъ
На свой изгибистый хребетъ;
Ту веселилъ зеленый цвѣтъ
Морской чудесной глубины;
Когда жъ изъ пѣнистой волны,
Какъ черная незапно тѣнь,
Предъ ней выскакивалъ тюлень,
Бросалась съ крикомъ прочь она,
И долго, трепетна, блѣдна,

Читала шепотомъ псаломъ;
У той былъ рѣзвымъ вѣтеркомъ
Покровъ развѣянъ головной,
Густою, шелковой струёй
Лились на плечи волоса,
И груди тайная краса
Мелькала ярко межъ власовъ,
И дѣвственный поймать покровъ
Ея заботилась рука,
А взоръ стерегъ исподтишка,
Не любовался ль кто за ней
Завѣтной прелестью грудей.

III.

Игуменья порою той
Вкушала съ важностью покой,
Въ подушкахъ нѣжась пуховыхъ,
И на монахинь молодыхъ
Смотрѣла съ ласковымъ лицомъ.
Она вступила въ Божій домъ
Во цвѣтѣ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Не огляпулася на свѣтъ,
И, жизнь навѣки затворя
Въ безмолвіи монастыря,
По слуху знала издали
О треволненіяхъ земли,
О томъ, что радость, что любовь

Смущаютъ умъ, волнуютъ кровь,
И съ непроснувшейся душой,
Достигла старости святой,
Сердечныхъ смутъ не испытавъ;
Тяжелый иноκинь уставъ
Смиренно, строго сохранять,
Души спасенія искать
Блаженной Гильды по слѣдамъ,
Служить ея честнымъ мощамъ,
И день и ночь въ молитвѣ быть,
И день и ночь огонь хранить
Лампадъ, горящихъ у иконъ:
Въ такихъ заботахъ проведёнъ
Былъ вѣкъ ея. Богатый вкладъ
На обновленіе оградъ
Монастыря дала она;
Часовня Гильды убрана
Была на славу отъ нее:
Сіяло пышное шитье
Тамъ на покровѣ гробовомъ,
И обложенный жемчугомъ
Былъ вылитъ гробъ изъ серебра;
И много дѣлала добра
Она убогимъ и больнымъ,
И возвращался пилигримъ
Отъ стѣнъ ея монастыря,
Хваля небеснаго Царя.
Имѣла важный видъ она,

Была худа, была блѣдна;
Былъ величавъ высокій ростъ;
Лице являло строгій постъ,
И покаянье тмило взоръ.
Хотя въ ней съ самыхъ давнихъ поръ
Была лишь къ иночеству страсть,
Хоть строго данную ей власть
Въ монастырѣ она блюла,
Но для смиренныхъ сестръ была
Она лишь ласковая мать:
Свободно было имъ дышать
Въ своей келейной тишинѣ,
И мать Игуменью онѣ
Любили дѣтски всей душой.
Куда жъ той позднею порой
Черезъ заливъ плыла она?
Была въ Линдфарнъ приглашена
Она съ Игуменьей другой;
И тамъ ихъ ждалъ Аббатъ святой
Кутбертова монастыря,
Чтобы, соборомъ сотворя
Кровавый судъ, проклятье дать
Отступницѣ, дерзнувшей спять
Съ себя монашества обѣтъ,
И, Сатанѣ продавъ за свѣтъ
Всѣ блага кельи и креста,
Забыть Спасителя Христа.

IV.

Ладья вдоль берега летитъ,
И берегъ весь назадъ бѣжитъ;
Мелькаютъ мимо ихъ очей
Въ сіяньи западныхъ лучей:
Тамъ замокъ на скалѣ крутой
И бездна пѣны подъ скалой
Отъ разшибаемыхъ валовъ;
Тамъ башня, сторожъ береговъ,
Густымъ одѣтая плющёмъ;
Тамъ холмъ, увѣнчанный селомъ;
Тамъ золото цвѣтущихъ нивъ;
Тамъ зеленѣющій заливъ
Въ тѣни зеленыхъ береговъ;
Тамъ Божій храмъ, среди деревъ
Блестящій яркой бѣлизной.
И островъ наконецъ святой
Съ Кутбертовымъ монастыремъ,
Облитый вечера огнемъ,
Громадою багряныхъ скалъ
Изъ водъ вдали предъ ними всталъ,
И, приближаясь, тихо росъ,
И вдругъ надъ ихъ главой вознёсъ
Свой брегъ крутой со всѣхъ сторонъ.
И островъ, и не островъ онъ;
Два раза въ день морской отливъ,
Песокъ подводный обнаживъ,

Противный брегъ сливаетъ съ нимъ:
Тогда поклонникъ пилигримъ
На богомолье по нескамъ
Пѣшкомъ идетъ въ Кутбертовъ храмъ;
Два раза въ день морской приливъ,
Его отъ тверди отдѣливъ,
Стираетъ силою воды
Съ песка поклонниковъ слѣды. —
Несъ вѣтеръ къ берегу ладью;
На самомъ берега краю
Стоялъ Кутбертовъ древній домъ,
И волны пѣнились кругомъ.

V.

Стоитъ то зданіе давно;
Саксоновъ памятникъ, оно
Межъ скалъ крутыхъ крутой скалой
Восходитъ грозно надъ водой;
Всѣ стѣны страшной толщины
Изъ грубыхъ камней сложены;
Зубцы, какъ горы на стѣнахъ;
На низкихъ тягостныхъ столбахъ
Лежитъ огромный храма сводъ;
Кругомъ идетъ широкій ходъ,
Являя безконечный рядъ
Сплетенныхъ вѣтвями аркадъ;
И крѣпки башни на углахъ
Стоятъ, какъ стражи на часахъ.

Вотще ихъ крѣпость превозмочь
Пыталась вражеская мочь
Жестокихъ нехристей Датчанъ;
Вотще волнами океанъ
Всечасно ихъ разитъ, дробитъ;
Святое зданіе стоитъ
Недвижимо съ давнишнихъ поръ;
Морскихъ разбойниковъ напоръ,
Набѣги хлада, бурь, валовъ,
И силу грозную годовъ
Перетерпѣвъ, какъ встарину,
Оно морскую глубину
Своей громадою гнетётъ;
Лишь кое-гдѣ растреснулъ сводъ,
Да въ нишѣ ликъ разбитъ святой,
Да мохъ растетъ вездѣ сѣдой,
Да стѣнъ углы оточены
Упорнымъ треніемъ волны.

VI.

Въ ладьѣ монáхини плывутъ;
Приближась къ берегу, поютъ
Святую Гильды пѣснь онѣ;
Ихъ голосъ въ поздней тишинѣ,
Какъ бы сходящій съ вышины,
Сліясь съ гармоніей волны,
По небу звонко пробѣжалъ;

И съ брега хоръ имъ отвѣчалъ,
И вышелъ изъ святыхъ воротъ
Съ хоругвями, крестами ходъ
На встрѣчу инокинь честныхъ;
И возвѣстилъ явленье ихъ
Колоколовъ согласный звонъ,
И былъ онъ звучно повторёнъ
Отзывомъ ближнихъ, дальныхъ скалъ,
И весь народъ на брегъ созвалъ.
Съ ладьи Игуменья сошла,
Благословенье всѣмъ дала,
И, подпираясь костылёмъ,
Пошла въ святой Кутбертовъ домъ
Во слѣдъ хоругвей и крестовъ.

VII.

Имъ столъ въ трапезницѣ готовъ;
Садятся ужинать: потомъ
Обширный монастырскій домъ
Толпой осматривать идутъ;
Смѣются, рѣзвятся, поютъ;
Заходятъ въ кельи, въ древній храмъ,
Творятъ поклоны образамъ,
И молятся мощамъ святымъ....
Но вечеръ холодомъ сырымъ
И рѣзкій съ моря вѣтерокъ
Собраться нудятъ всѣхъ въ кружокъ

Къ огню, хозяекъ и гостей;
Жужжатъ, лепечутъ; какъ ручей
Веселый льется разговоръ;
И наконецъ межъ ними споръ
О томъ заходитъ, чей Святой
Своею жизнію земной
И болѣ славы заслужилъ,
И болѣ Небу угодилъ?

VIII.

„Святая Гильда (говорятъ
Монахини изъ Витби) врядъ
Отдастъ ли первенство кому?
Извѣстна жъ болѣ потому
Ея обитель съ давнихъ дней,
Что три барона знатныхъ ей
Служить вассалами должны;
Угодницей осуждены
Когда-то были Брюсъ, Гербертъ
И Перси; судъ сей былъ простертъ
На ихъ потомство до конца
Всего ихъ рода: чернеца
Они дерзнули умертвить.
Съ тѣхъ поръ должны къ намъ приходить
Три старшихъ въ родѣ каждый годъ,
Въ день Вознесенья, и народъ
Тутъ видитъ, какъ Игуменъ ихъ

Становитъ рядомъ у честныхъ
Мощей угодницы святой,
Какъ надъ склоненной ихъ главой
Прочтетъ псаломъ, какъ наконецъ
Съ словами: *все простилъ чернецъ*!
Имъ разрѣшеніе даётъ;
Тогда *аминь*! гласитъ народъ.
Къ намъ повѣсть древняя дошла
О томъ, какъ нѣкогда жила
У насъ Саксонская Княжна,
Какъ наша вся была полна
Округа ядовитыхъ змѣй,
Какъ Гильда, внявъ мольбамъ своей
Любимицы святой Княжны,
Явилась, какъ превращены
Всѣ змѣи въ камень, какъ съ тѣхъ поръ
Находятъ въ нѣдрѣ нашихъ горъ
Окаменѣлыхъ много змѣй.
Еще же древность намъ объ ней
Сказаніе передала:
Какъ разъ во гнѣвѣ прокляла
Она пролетныхъ журавлей,
И какъ съ тѣхъ поръ до нашихъ дней,
Едва на Витби налетитъ
Журавль, застонетъ, закричитъ,
Перевернется, упадетъ,
И чудной смертью отдаетъ
Угодницѣ блаженной честь."

IX.

— А нашъ Кутбертъ? Не перечесть
Его чудесъ. Теперь покой
Нашелъ ужъ гробъ его святой;
Но прежде.... что онъ претерпѣлъ!
Отъ Датскихъ хищниковъ сгорѣлъ
Линдфарнъ, пріютъ съ давнишнихъ дней
Честныхъ угодника мощей;
Монахи гробъ его спасли,
И съ гробомъ странствовать пошли,
Изъ земли въ землю, по полямъ,
Лѣсамъ, болотамъ и горамъ;
Семь лѣтъ въ молитвѣ и трудахъ,
Съ тяжелымъ гробомъ на плечахъ,
Они скиталися; въ Мельросъ
Ихъ напослѣдокъ Богъ принёсъ;
Мельросъ Кутбертъ живой любилъ,
Но мертвый въ немъ не разсудилъ
Онъ для себя избрать пріютъ,
И чудо совершилось тутъ:
Хоть тяжкій гробъ изъ камня былъ,
Но отъ Мельроса вдругъ поплылъ
По Твиду онъ, какъ легкій челнъ.
На югъ теченьемъ быстрыхъ волнъ
Его помчало; миновавъ
Тильмутъ и Риппонъ, въ Вардилавъ,

Препонъ не встрѣтя, наконецъ
Привелъ свой гробъ святой пловецъ;
И выбралъ онъ въ жилище тамъ
Святой, готическій Дургамъ;
Но гдѣ святаго погребли,
Ту тайну знаютъ на земли
Лишь только трое; и когда
Которому изъ нихъ чреда
Разстаться съ жизнію придетъ,
Онъ на духу передаетъ
Ее другому; тотъ молчитъ
Дотоль, пока не разрѣшитъ
Его молчанья смертный часъ.
И мало ль чудесами насъ
Святой угодникъ изумлялъ?
На нашу Англію напалъ
Король Шотландскій, злой тиранъ;
Пришла съ нимъ рать Галвегіанъ,
Неистовыхъ, какъ море ихъ;
Онъ рыцарей привелъ своихъ,
Разбойниковъ залитыхъ въ сталь;
Онъ весь подвигнулъ Тевьотдаль;
Но рать его костьми легла:
Для насъ Кутбертова была
Хоругвь спасеніемъ отъ бѣдъ.
Имъ ободренъ былъ и Альфредъ
На пораженіе Датчанъ;
Предъ нимъ впервой и самъ Норманъ

Завоеватель страхъ узналъ,
И изъ Нортумбріи бѣжалъ. —

X.

Монахини изъ Витби тутъ
Сестрамъ Линдфарнскимъ задаютъ
Съ усмѣшкою вопросъ такой:
„А правда ли, что вашъ святой
По свѣту бродитъ кузнецомъ?
Что онъ огромнымъ молоткомъ
По тяжкой наковальнѣ бьетъ
И имъ жемчужины куетъ?
Что на работу ходитъ онъ,
Туманной рясой облачёнъ?
Что на приморской онъ скалѣ,
Чернѣе мглы, стоитъ во мглѣ?
И что, покуда молотъ бьетъ,
Онъ вѣтеръ на море зоветъ?
И что въ то время рыбаки
Уводятъ въ пристань челноки,
Боясь, чтобъ бурею ночной
Не утопилъ ихъ вашъ святой?“ —
Сестеръ Линдфарнскихъ оскорбилъ
Такой вопросъ; отвѣтъ ихъ былъ:
— Пустаго много бредитъ свѣтъ;
Объ этомъ здѣсь и слуху нѣтъ;
Кутбертъ, блаженный нашъ отецъ,
Честной угодникъ, не кузнецъ. —

XI.

Такъ весело передъ огнёмъ
Шелъ о житейскомъ, о святомъ
Между монахинь разговоръ.
А близко былъ иной соборъ,
И судъ иной происходилъ.
Подъ зданьемъ монастырскимъ былъ
Тайникъ — страшнѣй темницы нѣтъ;
Король Кольвульфъ, покинувъ свѣтъ,
Жилъ произвольнымъ мертвецомъ
Въ глубокомъ подземельѣ томъ.
Сперва въ монастырѣ оно
Смиренья кельей названо;
Потомъ въ ужасной кельѣ той,
Куда ни разу лучъ дневной,
Ни воздухъ Божій не входилъ,
Прелатъ Сексгельмъ опредѣлилъ
Кладбищу осужденныхъ быть;
Но наконецъ тамъ хоронить
Не мертвыхъ стали, а живыхъ:
О бѣдственной судьбинѣ ихъ
Молчалъ невѣдомый тайникъ;
И судъ, и казнь, и жертвы крикъ —
Все жадно поглощалось имъ;
А если случаемъ какимъ
Невнятный стонъ изъ глубины
И доходилъ до вышины,

Никто изъ внемлющихъ не зналъ,
Кто, гдѣ и отъ чего стеналъ;
Шептали только межъ собой,
Что тамъ, глубоко подъ землёй,
Во гробъ мучится мертвецъ,
Свершившій дней своихъ конецъ
Безъ покаянія во злѣ,
И непрощенный на землѣ.

XII.

Хотя въ монастырѣ о томъ
Заклепѣ казни роковомъ
И сохранилася молва,
Но гдѣ онъ былъ? Одинъ иль два
Монаха знали то, да самъ
Отецъ Аббатъ; и къ тѣмъ мѣстамъ
Ему лишь съ ними доступъ былъ;
Съ повязкой на глазахъ входилъ
За жертвой самъ палачъ туда,
Въ часъ совершенія суда.
Тамъ зрѣлся тѣсный, тяжкій сводъ;
Глубоко, ниже внѣшнихъ водъ
Былъ выдолбленъ въ утесѣ онъ;
Весь гробовыми замощёнъ
Плитами полъ неровный былъ;
И рядъ покинутыхъ могилъ
Съ полустертою рѣзьбой,

Полузатоптанныхъ землёй,
Являлся тамъ; отъ мокроты
Скопляясь, капли съ высоты
На камни падали; ихъ звукъ
Однообразно тихъ, какъ стукъ
Ночнаго маятника, былъ;
И блѣдно, трепетно свѣтилъ,
Пуская дымъ, борясь со мглой,
Огонь въ лампадѣ гробовой,
Висѣвшей тяжко на цѣпяхъ;
И тускло на сырыхъ стѣнахъ,
Покрытыхъ плѣснью какъ корой,
Свѣтъ, поглощенный темнотой,
Туманнымъ отблескомъ лежалъ.
Онъ въ подземельѣ озарялъ
Явленье страшное тогда.

XIII.

Три совершителя суда
Сидѣли рядомъ за столомъ;
Предъ ними разложенъ на нёмъ
Уставъ Бенедиктинцевъ былъ;
И, чуть во мглѣ сіяя, лилъ
Мерцанье блѣдное ночникъ
На ихъ со мглой сліянный ликъ.
Товарищъ двумъ другимъ судьямъ,
Игуменья изъ Витби тамъ

Являлась, и была сперва
Ея открыта голова;
Но скоро скорбь втѣснилась ей
Во грудь, и слезы изъ очей
Невольно жалость извлекла,
И покрываломъ облекла
Тогда лице свое она.
Съ ней рядомъ, какъ мертвецъ блѣдна,
Съ суровой строгостью въ чертахъ,
Обрѣтшая въ постѣ, въ мольбахъ
Безстрастье хладное одно,
(Въ душѣ святошествомъ давно
Прямую святость уморя) —
Тильмутскаго монастыря
Пріорша гордая была;
И ряса, черная какъ мгла,
Лежала на ея плечахъ;
И жизни не было въ очахъ,
Черпѣвшихъ мутно безъ лучей
Изъ подъ сѣдыхъ ея бровей.
Аббатъ Кутбертовой святой
Обители, монахъ сѣдой,
Изсохнувшій полумертвецъ
И ужъ съ давнишнихъ поръ слѣпецъ,
Межъ ними сгорбившись сидѣлъ;
Потухшій взоръ его глядѣлъ
Впередъ, ничѣмъ не привлеченъ,
И грозной думой омраченъ,

Ужасенъ блѣдный былъ старикъ,
Какъ каменный надгробный ликъ,
Во храмѣ зримый въ часъ почной,
Нѣмаго праха стражъ нѣмой.
Предъ ними жертва ихъ стоитъ:
На головѣ ея лежитъ
Лице скрывающій покровъ;
Видна на бѣлой рясѣ кровь;
И на столѣ положены
Свидѣтели ея вины:
Лампада, четки и кинжалъ.
По знаку данному, сорвалъ
Монахъ съ лица ея покровъ;
И кудри черныхъ волосовъ
Упали тучей по плечамъ.
Пріорши строгія очамъ
Былъ узницы противенъ видъ;
Съ насмѣшкой злобною глядитъ
Въ лице преступницы она,
И казнь ея ужъ рѣшена.

XIV.

Но кто же узница была?
Сестра Матильда. Лишь сошла
Та роковая полночь, мглой
Окутавшись какъ пеленой,
Тильмутская обитель вся

Вдругъ замолчала; погася
Лампады въ кельяхъ, сестры въ нихъ
Всѣ затворились; пустъ и тихъ
Сталъ монастырь; лишь главный входъ
Святыхъ обители воротъ
Не запертъ и свободенъ былъ.
На колокольнѣ часъ пробилъ.
Лампаду и книжалъ беретъ,
И въ платьѣ мертвеца идетъ
Матильда смѣло въ ворота;
Предъ нею ночь и пустота;
Обитель сномъ глубокимъ спитъ;
Надъ церковью луна стоитъ
И сыплетъ на дорогу свѣтъ;
И видѣнъ на дорогѣ слѣдъ
Въ густой пыли копытъ и ногъ;
И слышенъ ей далекій скокъ.....
Она съ волненьемъ въ даль глядитъ;
Но тамъ ночной туманъ лежитъ;
Все тише, тише слышенъ скокъ;
Лишь по дорогѣ вѣтерокъ
Полночный ходитъ, да луна
Сіяетъ съ неба. Вотъ она
Минуты двѣ подождала;
Потомъ съ молитвою пошла
Впередъ — не встрѣтится ли съ нимъ?
И долго шла путемъ пустымъ;
Но все желанной встрѣчи нѣтъ.

Вотъ наконецъ и дневный свѣтъ,
И на небѣ зажглася заря.....
И вдругъ отъ стѣнъ монастыря
Послышался набатный звонъ;
Всю огласилъ окрестность онъ.
Что ей начать? Куда уйти?
Среди открытаго пути,
Окаменѣвъ, она стоитъ;
И страшно колоколъ гудитъ;
И вотъ за ней погоня вслѣдъ;
И ей нигдѣ пріюта нѣтъ;
И вотъ настигнута она,
И въ монастырь увлечена,
И скрыта заживо подъ спудъ;
И ждетъ ея кровавый судъ.

XV.

Передъ судилищемъ она
Стоитъ, почти умерщвлена
Терзаньемъ близкаго конца;
И блѣдность мертвая лица
Была виднѣй, была страшнѣй
Отъ черноты ея кудрей,
Двойною пышною волной
Обвившихъ ликъ ея младой.
Оцѣпенѣвъ стоитъ она;
Глава на грудь наклонена;

И если бъ мутный лучъ въ глазахъ,
И содроганіе въ грудяхъ
Не измѣняли ей порой,
За ликъ бездушный восковой
Могла бъ быть принята она:
Такъ бездыханна, такъ бѣдна,
Съ такимъ безжизненнымъ лицомъ,
Такимъ безгласнымъ мертвецомъ
Она ждала судьбы своей
Отъ непрощающихъ судей.
И казни страхъ ей весь открытъ:
Въ стѣнѣ, какъ темный гробъ, прорытъ
Глубокій, низкій, тѣсный входъ;
Тому, кто разъ въ тотъ гробъ войдетъ,
Назадъ не выдти никогда;
Коренья, въ черепкѣ вода,
Краюшка хлѣба съ ночникомъ
Уже готовы въ гробѣ томъ;
И съ дымнымъ факеломъ въ рукахъ,
На заступъ опершись, монахъ,
Палачъ подземный, предъ нимъ,
Безгласенъ, мраченъ, недвижимъ,
Съ покровомъ на лицѣ стоитъ;
И грудой на полу лежитъ
Гробокопательный снарядъ:
Кирпичъ, кирка, известка, млатъ.
Слѣпой Игуменъ съ мѣста всталъ,
И руку тощую поднялъ,

И узницу благословилъ.....
И въ землю факелъ свой вонзилъ,
И къ жертвѣ подошелъ монахъ;
И ужъ она въ его рукахъ
Трепещетъ, борется, кричитъ,
И, сладивъ съ ней, уже тащитъ,
Безчувственный на крикъ и плачъ,
Ее живую въ гробъ палачъ.....

XVI.

Сто ступеней на верхъ вели;
Изъ тайника судьи пошли,
И видъ ихъ былъ свирѣпо дикъ;
И глухо жалкій, томный крикъ
Изъ глубины ихъ провожалъ;
И страхъ шаги ихъ ускорялъ;
И глуше становился стонъ;
И наконецъ.... умолкнулъ онъ.
И скоро вольный воздухъ имъ
Своимъ дыханіемъ живымъ
Стѣсненны груди оживилъ.
Ужъ часъ ночнаго бдѣнья былъ,
И въ храмъ пѣли. И во храмъ
Они пошли; но имъ и тамъ
Сквозь набожный поющихъ ликъ,
Все слышался подземный крикъ.
Когда жъ во храмъ хоръ отпѣлъ,

Ударить въ колоколъ велѣлъ
Аббатъ душѣ на упокой.....
Протяжный гласъ въ тиши ночной
Раздался — изъ глубокой мглы
Ему Нортумбріи скалы
Откликнулись; услыша звонъ,
Въ Брамбургѣ селянинъ сквозь сонъ
Съ подушки голову поднялъ,
Молиться объ умершемъ сталъ,
Недомолился и заснулъ;
Имъ пробужденный, помянулъ
Усопшаго святой чернецъ,
Варквортской пустыни жилецъ;
Въ Шевьотскую залегшій сѣнь,
Вскочилъ испуганный олень,
По вѣтру ноздри распустилъ,
И чутко ухомъ шевелилъ,
И поглядѣлъ по сторонамъ
И снова легъ.... и снова тамъ
Все, что смутилъ минутный звонъ,
Въ глубокій погрузилось сонъ.

У ГРОБА

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

ВЪ НОЧИ НАКАНУНѢ ЕЯ ПОГРЕБЕНІЯ.

И такъ Твой гробъ съ мольбой объемлю;
И такъ покинула Ты землю,
Небесно-чистая душа;
Какъ Божій Ангелъ, соверша
Межъ нами путь благотворящій,
Какъ день, безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася отъ насъ.
Неизъяснимый смертный часъ!
Еще досель не постигаемъ,
Что на земль тебя ужъ нѣтъ....
Тобой былъ такъ украшенъ свѣтъ!
Еще такъ тѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ, что въ мірѣ есть
Намъ драгоцѣннаго, святаго;
Еще привычкою обрѣсть
Тебя все мнимъ среди земнаго;
А Ты?.... О! каждому изъ насъ
Часть жизни умерла съ Тобою;
Съ Твоей отшедшею душою
Какой-то сладкій свѣтъ угасъ,

Которымъ сердце ободрялось,
Въ которомъ таинство являлось
Святаго Промысла ему.
Тобою радуясь безпечно,
Мы жизнь твою считали вѣчной....
И вдругъ ко гробу Твоему
Идемъ на вѣчную разлуку.
Твою ль цѣлуемъ мы въ слезахъ,
Досель подательницу благъ,
Теперь безчувственную руку?
Ты ль въ багряницѣ, подъ вѣнцемъ
Съ симъ безотвѣтственнымъ лицемъ
На гласъ любви, на гласъ печали?
Такою ль мы Тебя видали?....
Сей погребальный ѳиміамъ;
Сей ликъ, едва въ немъ зримый намъ;
Сія возвышенная рака,
Среди таинственнаго мрака
Одна стоящая въ лучахъ,
Блистанье гробоваго трона,
Главы лишенная корона,
Порфира падшая на прахъ....
Невыразимое видѣнье!
Трепещетъ здѣсь воображенье
Предъ ужасомъ небытія....
Но здѣсь же умиленно я
Отраднымъ Ангеломъ на землю
Сходящій сладкій голосъ внемлю:

Не возмущайтеся душой! *)
О! это Ты; сей голосъ Твой.
Заутра пышность сей гробницы,
Сей прахъ минувшія Царицы
Землѣ навѣки отдадутъ —
Но что же, что въ ней погребутъ?
Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,
Лишь смерти безъимянный знакъ;
Въ земной, таинственной утробѣ
Отъ глазъ сокроетъ вѣчный мракъ
Одинъ лишь видъ уничтоженья,
Одинъ символъ небытія....
Но жизнь прекрасная Твоя,
Символъ прекрасный Провидѣнья,
Межъ нами будетъ, какъ была,
Всегда жива, чиста, свѣтла,
Воспоминаньемъ благодатна,
И сердцу вѣчно безутратна.

Въ рѣшительный прощанья часъ
Съ любовью, съ горькимъ сокрушеньемъ,
Съ невыразимымъ умиленьемъ,
Я падаю въ послѣдній разъ
Передъ гробницею Твоею....
О! я дерзаю передъ Нею
За всю Россію говорить,
И въ голосъ мой соединить

*) Въ сію ночь было читано Евангеліе: *Да не смущается сердце ваше!*

Всѣ голоса, въ сіе мгновенье
Въ одно сліянные моленье:
„Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь Твою межъ нами!
За тронъ Твой, Царскими дѣлами
И сердцемъ благостнымъ Твоимъ
Украшенный, превознесенный;
За образецъ, Тобой явленный
Божественныя чистоты;
За прелесть кроткой простоты
Среди блистанья Царской славы;
За младость дѣвъ, за жизнь дѣтей,
За чистые, душой Твоей
Полвѣка сохраненны нравы,
За благодать, съ какою Ты
Спѣшила въ душный мракъ больницы,
Въ пріютъ страдающей вдовицы
И къ колыбели сироты....
Съ Тобой часть жизни погребая,
И матерь милую свою
Въ Тебѣ могилѣ уступая,
Въ минуту скорбную сію,
Въ единый плачъ сліясь сердцами,
Всѣ предъ Тобою говоримъ:
Благодаримъ! благодаримъ!
И нѣкогда потомки съ нами
Всѣ повторятъ: *благодаримъ!*

ВИДѢНІЕ.

Блескомъ утра озаренный,
Свѣтоносный, окриленный,
Ангелъ встрѣтился со мной:
Взоръ его былъ грустно-ясенъ,
Ликъ задумчиво-прекрасенъ;
Надъ главою молодой
Кудри легкіе летали,
И короною сіяли
Розы бѣлыя на ней;
Снѣга чистаго бѣлѣй,
На плечахъ была одежда;
Онъ былъ свѣтелъ, какъ надежда,
Какъ покорность небу, тихъ;
И на крыліяхъ живыхъ —
Какъ съ привѣтственнаго брега
Голубь древняго ковчега

Съ вѣткой мира — онъ летѣлъ....
Съ чѣмъ летѣлъ? куда?.... Я знаю!
Добрый путь! благословяю,
Божій Ангелъ, твой удѣлъ.
Ждутъ тебя; твое явленье
Будетъ тамъ, какъ Провидѣнье,
Откровенное очамъ;
Сиротство увидишь тамъ,
Младость плачущую встрѣтишь
И скорбящую любовь,
И для нихъ надеждой вновь
Опустѣлый міръ освѣтишь....
Съ ними былъ твой чистый братъ;
Срокъ земной его свершился,
Онъ съ землей на вѣкъ простился,
Онъ опять на небо взятъ;
Ты имъ данъ за ихъ утрату;
Твой чередъ — благотворить,
И отозванному брату
На землѣ замѣной быть.

СРАЖЕНІЕ СЪ ЗМѢЕМЪ.

ПОВѢСТЬ.

Что за тревога въ Родоссѣ? Всѣ улицы полны народомъ;
Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащутъ
Мертваго змѣя съ кровавой, разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
„Вотъ!“ говорятъ, „посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выдти
Въ бой..... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель;
Слава ему! — И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ

Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый Капитулъ собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престоту Магистера; шумной толпою
Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: „Владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родосса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить.“ — Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій Магистеръ: Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отважность рыцарю честь. Но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, Христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?“ То зрители внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ: первый
Рыцарскій долъ есть покорность. — „И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ, сынъ мой, ты нарушилъ: ты мной запрещенный

Подвигъ дерзнулъ совершить. — „Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего Ордена, честь Христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ;
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнущихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Съ змѣемъ; и все какъ будто бы чудилось мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: *дерзай!* и дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: „ты рыцарь; однихъ ли враговъ Христіанства
„Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое:
„Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
„Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою силой искусство,
„Мужествомъ мудрость ложны управлять.„ И въ такомъ убѣжденьи

Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства,
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило: найдено средство! сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенья, Владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ не медля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою; на короткихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверзтыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовый,
Вдругъ обхвативъ ѣздока и копя, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ, и мнимаго змѣя

Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатой чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной Арабской породы,
Я устремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но наконецъ побѣдило мое постоянство ихъ робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родоссу. О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ и, ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешъ, Владыка, часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ: на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно всходитъ на утесъ и доселѣ сей путь былъ опасенъ.
Тамъ у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью
Дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ;
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой глубокій

Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ Святыхъ причастился: потомъ, сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и, раздавъ приказанья
Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близъ часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ Вездѣсущему Господу Богу
Душу мою, и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:
Блещущимъ свившися клубомъ, вблизи онъ грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть, и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь въ чешуйный,

Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло;
Новый ударъ я спѣшу нанести; по испуганный конь мой
Бѣшено сталъ на дыбы; раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись,
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся
Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной и уже растворилъ онъ огромный
Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки;
Взвылъ онъ отъ боли, и бѣшено началъ кидаться... напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно
На ноги сталъ, и бросился къ нимъ, и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула чернымъ потокомъ
Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грянулся оземь и, тяжкимъ
Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ; глаза открываю:

Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ.“
Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздалися
Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула
Рукоплесканій, и самые рыцари Ордена вмѣстѣ
Съ шумной толпой возгласили: „хвала!“ Но Магистеръ,
Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобъ всѣ замолчали —
Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: „змѣя,
Долго Родоссъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный
Рыцарь; но, Богомъ явяся народу, врагомъ ты явился
Нашему Ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй, отравитель
Воли, съятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недругъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ
Можетъ и врагъ ненавистный Христа, Мамелюкъ; но покорность
Есть однихъ Христіанъ достоянье. Гдѣ Самъ Искупитель,
Богъ Всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ встарину основали отцы нашъ Орденъ священный;
Тамъ, облачася Крестомъ, на себя они возложили
Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: *свою обуздывать волю.*
Суетной славой ты былъ обольщенъ — удались; ты отнынѣ
Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринулъ,

Тотъ и Господнимъ Крестомъ себя украшать недостоинъ.“
Такъ Магистеръ сказалъ, и въ толпѣ предстоявшихъ поднялся
Гро́мкій ропотъ, и рыцари ордена сами Владыку
Стали молить о прощеньи; но юноша, молча, потупивъ
Очи, снялъ епанчу, у Магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
Гнѣвный смягчился судья, и, назадъ осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: „обними меня, мой достойный
Сынъ: ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой.
Снова сей Крестъ возложи: онъ твой, онъ награда смиренью.“

СУДЪ БОЖІЙ.

ПОВѢСТЬ.

Былъ непороченъ душой Фридолинъ; онъ въ страхѣ Господнемъ
Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ Савериской.
Правда, не трудно было служить ей: она добронравна
Свойствомъ, тиха въ обращеньи была; но и тяжкую должность
Съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ бы, покорствуя Богу.
Съ самаго ранняго утра, до поздней ночи, всечасно
Былъ онъ на службѣ ея, ни минуты покоя не зная;
Если жъ случалось сказать ей ему: Фридолинъ, успокойся!
Слезы въ его появлялись глазахъ: за нее и мученье
Было бы сладостно сердцу его, и не службой считалъ онъ
Легкую службу. За то и его отличала графиня;

Вѣчно хвалила, и прочимъ слугамъ въ примѣръ подражанья
Ставила; съ нимъ же самимъ она обходилась, какъ съ сыномъ
Мать, а не такъ, какъ съ слугой госпожа. И было пріятно
Ей любоваться прекраснымъ, невиннымъ лицемъ Фридолина.
То примѣчая, сокольничій Робертъ досадовалъ; зависть
Грызла его свирѣпую душу. Однажды, съ охоты
Съ графомъ вдвоемъ возвращаяся въ замокъ, Робертъ, лукавымъ
Бѣсомъ прельщенный, вотъ что сказалъ господину, стараясь
Въ сердце его заронить подозрѣніе: „счастьемъ завиднымъ
„Богъ наградилъ васъ, Графъ Государь; онъ далъ вамъ въ супругѣ
„Вашей сокровище; нѣтъ ей подобной на свѣтѣ; какъ Ангелъ
„Божій прекрасна, добра, цѣломудренна; сшите спокойно:
„Мыслью никто не посмѣетъ приблизиться къ ней.“ Заблистали
Грозно у графа глаза. Что смѣешь ты бредить? сказалъ онъ,
Женская вѣрность свово пустое; на ней опираться

То же, что строить на зыбкой водѣ; берегися, какъ
хочешь:
Все обольститель отыщетъ дорогу къ женскому сердцу.
Вѣра моя на другомъ твердѣйшемъ стоитъ основаньи:
Кто помыслить дерзнетъ о женѣ Саверискаго графа! —
„Правда, коварно отвѣтствовалъ Робертъ; подобная
дерзость
„Только безумному въ голову можетъ зайти. Лишь
презрѣнья
„Стоитъ жалкій глупецъ, который, воспитанный въ
рабствѣ,
„Смѣетъ глаза подымать на свою госпожу и, служа ей,
„Въ сердцѣ развратномъ желанья таить.“ — Что слы-
шу! воскликнулъ
Графъ, поблѣднѣвши отъ гнѣва. О комъ говоришь
ты? И живъ онъ? —
„Всѣ объ немъ говорятъ, Государь; а я изъ почтенья
„Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно, молчалъ:
что самимъ вамъ
„Въ тайнѣ угодно держать, то должно и для насъ
быть священной
„Тайной.“ — Злодѣй, говори! въ изступленьи ужас-
номъ воскликнулъ
Графъ. Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ правды!
Кто этотъ
Дерзкій? „Пажъ Фридолинъ; онъ молодъ, лицемъ ми-
ловиденъ
„(Такъ шипѣлъ предательски Робертъ, а графа бросало

„Въ холодъ и въ жаръ отъ рѣчей ядовитыхъ). Возможно ль, чтобъ сами
„Вы не видали того, что каждому видно? За нею
„Всюду глазами онъ слѣдуетъ; ей одной, забывая
„Всё, за столомъ онъ служитъ; за стуломъ ея, какъ волшебной
„Скованный силой, стоитъ онъ и рдѣетъ любовью преступной.
„Онъ и стихи написалъ, и въ нихъ передъ ней признается
„Въ нѣжной любви.“ — Признается! — „И даже молить о взаимномъ
„Чувствѣ дерзаетъ. Конечно графиня, по кротости сердца,
„Скрыла отъ васъ, Государь, безумство такое, и самъ я
„Лучше бы сдѣлалъ, когда бъ промолчалъ: чего вамъ страшиться?“
Графъ не отвѣтствовалъ: ярость душила его. Приближались
Въ это время они къ огромной литейной палатѣ:
Тамъ непрестанно огонь, какъ будто въ адской пучинѣ,
Въ горнахъ пылалъ, и желѣзо, какъ лава кипя, клокотало;
День и ночь работники тамъ суетились вкругъ горновъ,
Пламя питая; взвивался вихрями искры; свистали

Страшно мѣхи; колесо подъ водою средь брызжущей пѣны
Тяжко вертѣлось; и молотъ огромный, гремя неумолкно,
Самъ, какъ живой, подымался и падалъ. Графъ, подозвавши
Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ сказалъ: исполните въ точность
Волю мою; того, кто первый придетъ къ вамъ и спроситъ:
Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ? безъ всякой пощады
Бросьте въ огонь, чтобъ его и слѣдовъ не осталось. — Съ свирѣпымъ
Смѣхомъ рабы обѣщались покорствовать графскому слову.
Души ихъ были суровѣй желѣза; рвенье удвоивъ,
Начали снова работать они, и, убійствомъ заранѣ
Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной жертвы.
Къ графу тѣмъ временемъ хитрый наушникъ позвалъ Фридолина.
Графъ, увидя его, говоритъ: ты долженъ, не медля ни мало,
Въ лѣсъ пойти и спросить отъ меня у литейщиковъ: все ли
Сдѣлано то, что я приказалъ? — Исполнено будетъ,
Скромно отвѣтствуетъ пажъ; и готовъ ужъ идти, но подумавъ:

Можетъ быть дастъ ему и она порученье какое —
Онъ приходитъ къ графинѣ и ей говоритъ: господи-
номъ
Посланъ я въ лѣсъ; но вы моя госпожа; не угодно ль
Будетъ и вамъ, чего приказать? — Ему съ благо-
склоннымъ
Взоромъ графиня отвѣтствуетъ: другъ мой, къ обѣднѣ
хотѣлось
Нынѣ сходить мнѣ, но боленъ мой сынъ; сходи, по-
молися
Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ, то покайся.
Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ; и еще изъ
деревни
Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благовѣстъ: колоколъ
звонкимъ
Голосомъ звалъ Христіанъ на молитву. *Отъ встрѣчи
Господней*
Ты уклоняться не долженъ, сказалъ онъ и въ церковь
съ смиреннымъ,
Набожнымъ сердцемъ вступилъ; но въ церкви пусто
и тихо:
Жатва была, и всѣ поселяне работали въ полѣ.
Тамъ стоялъ священникъ одинъ: никто не явился,
Быть на время обѣдни прислужникомъ въ храмѣ. *Го-
споду Богу*
Прежде свой долгъ отдай, потомъ господину. Съ таксю
Мыслью усердно онъ началъ служить: священнику
ризы,

Стóлу и *Сингулумъ* подалъ; потомъ приготовилъ Святыя
Чаши; потомъ, молитвенникъ взявши, сталъ умиленно
Долгъ исправлять министранта: и тамъ и тутъ на колѣни,
Руки сжавъ, становился; звонилъ въ колокольчикъ, какъ скоро
Провозглашаемо было великое *Sanctus;* когда же
Тайну священникъ свершилъ, предстоя алтарю, и возвысилъ
Руку, чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя-Бога въ безкровной
Жертвѣ, онъ звономъ торжественнымъ то возвѣстилъ и смиренно
Палъ на колѣни предъ Господомъ, въ грудь себя поражая,
Тихо молитву творя и крестомъ себя знаменуя.
Такъ до конца литургіи онъ все, что уставлено чиномъ,
Въ храмѣ свершалъ. Напослѣдокъ окончивши службу святую,
Громко священникъ воскликнулъ: *vobiscum Dominus,* вѣрныхъ
Благословилъ; и церковь совсѣмъ опустѣла; тогда онъ,
Все въ порядокъ приведши, и чаши, и ризы, и утварь,
Церковь оставилъ, и къ лѣсу пошелъ, и въ добавокъ дорогой
Pater noster двѣнадцать разъ прочиталъ. Подошедши

Къ лѣсу, онъ видитъ огромный, дымящійся горнъ; передъ горномъ,
Черны отъ дыма, стоялъ два работника. Къ нимъ обратяся,
Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ, онъ спросилъ. И, оскаливъ
Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали на пламень
Горна. Онъ тамъ! (прошепталъ сиповатый ихъ голосъ) какъ должно,
Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ. Съ такимъ ихъ отвѣтомъ обратно
Въ замокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя его издалека,
Графъ не повѣрилъ глазамъ. — Несчастный! откуда идешь ты? —
„Изъ лѣсу прямо.“ — Возможно ль? ты вѣрно промѣшкалъ въ дорогѣ. —
„Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ, Графъ Государь; повелѣнье
„Ваше принявъ, у моей госпожи, по обычному долгу,
„Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ и ея приказанья?
„Выслушать въ церкви обѣдню она приказала. Исполнивъ
„Волю ея, помолился я тамъ и за здравіе ваше.“
Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ. Но скажи мнѣ, спросилъ онъ,
Что отвѣчали тебѣ? — „Непонятенъ отвѣтъ былъ. Со смѣхомъ

„Было на горнъ мнѣ указано. Тамъ онъ! (сказали) какъ должно,
„Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ!“ — А Роберть? спросилъ, леденѣя
Въ ужасѣ, графъ. Ты съ нимъ не встрѣчался? Онъ посланъ былъ мною
Въ лѣсъ. — „Государь, ни въ лѣсу, ни въ полѣ, нигдѣ я не встрѣтилъ
„Роберта.“ — Ну! вскричалъ уничтоженный графъ, опустивши
Въ землю глаза. Самъ Богъ рѣшилъ правосудный! — И, съ кроткой
Ласкою за руку взявъ Фридолина, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ онъ
Прямо къ супругѣ и ей (хотя сокровеннаго смысла
Рѣчи его она не постигла) сказалъ, представляя
Милаго юношу, робко предъ ними склонившаго очи:
Онъ, какъ дитя, непороченъ; нѣтъ ангела на небѣ чище;
Врагъ коваренъ, но съ нимъ Господь и всевышнія Силы.

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА.

СКАЗКА.

Жилъ былъ добрый Царь Матвѣй;
Жилъ съ Царицею своей
Онъ въ согласьи много лѣтъ;
А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ Царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ, глядитъ, ползетъ къ ней ракъ;
Онъ сказалъ Царицѣ такъ:
Мнѣ тебя, Царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесешь ты въ эту ночь:
У тебя родится дочь.
„Благодарствуй, добрый ракъ;
„Не ждала тебя никакъ.....“

Но ужъ ракъ уползъ въ ручей,
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ конечно былъ пророкъ;
Что сказалъ, сбылося въ срокъ:
Дочь Царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни перомъ не описать.
Вотъ Царемъ Матвѣемъ пиръ
Знатный данъ на цѣлый міръ;
И на пиръ веселый тотъ
Царь одиннадцать зовётъ
Чародѣекъ молодыхъ;
Было жъ всѣхъ двѣнадцать ихъ;
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ.
Отъ чего жъ такъ оплошалъ
Нашъ разумный Царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ, но есть причина тутъ:
У Царя двѣнадцать блюдъ
Драгоцѣнныхъ, золотыхъ
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ;
А двѣнадцатаго нѣтъ
(Кѣмъ украдено оно,
Знать объ этомъ не дано).

„Что жъ тутъ дѣлать? Царь сказалъ,
Такъ и быть!“ И не послалъ
Онъ на пиръ старухи звать.
Собрался пировать
Гостьи, званныя Царёмъ;
Пили, ѣли, а потомъ,
Хлѣбосольнаго Царя
За пріёмъ благодаря,
Стали дочь его дарить:
„Будешь въ золотѣ ходить;
„Будешь чудо красоты;
„Будешь всѣмъ на радость ты
„Благонравна и тиха;
„Дамъ красавца жениха
„Я тебѣ, мое дитя;
„Жизнь твоя пройдетъ, шутя,
„Межъ знакомыхъ и родныхъ....“
Словомъ, десять молодыхъ
Чародѣекъ, одаривъ
Такъ дитя наперерывъ,
Удалились; въ свой чередъ
И послѣдняя идетъ;
Но еще она сказать
Не успѣла слова — глядь!
А незваная стоитъ
Надъ Царевной и ворчитъ:
„На пиру я не была,
„Но подарокъ принесла:

„На шестнадцатомъ году
„Повстрѣчаешь ты бѣду;
„Въ этомъ возрастѣ своёмъ
„Руку ты веретеномъ
„Оцарапаешь, мой свѣтъ,
„И умрешь во цвѣтѣ лѣтъ!“
Проворчавши такъ, тотчасъ
Вѣдьма скрылася изъ глазъ;
Но оставшаяся тамъ
Рѣчь домолвила: „не дамъ
„Безъ пути ругаться ей
„Надъ Царевною моей;
„Будетъ то не смерть, а сонъ;
„Триста лѣтъ продлится онъ;
„Срокъ назначенный пройдетъ,
„И Царица оживетъ;
„Будешь долго въ свѣтѣ жить;
„Будутъ внуки веселить
„Вмѣстѣ съ нею мать, отца
„До земнаго ихъ конца.“
Скрылась гостья. Царь груститъ;
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ:
Какъ отъ смерти дочь спасти?
И бѣду чтобъ отвести,
Онъ даетъ такой указъ:
„Запрещается отъ насъ
„Въ нашемъ царствѣ сѣять ленъ,
„Прясть, сучить, чтобъ веретенъ

„Духу не было въ домахъ:
„Чтобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ
„Всѣхъ изъ царства выслать вонъ.“
Царь, издавъ такой законъ,
Началъ пить и ѣсть и спать,
Началъ жить да поживать,
Какъ дотолѣ, безъ заботъ.
Дни проходятъ; дочь растётъ;
Разцвѣла, какъ Майскій цвѣтъ;
Вотъ ужъ ей пятнадцать лѣтъ.....
Что-то, что-то будетъ съ ней!
Разъ съ Царицею своей
Царь отправился гулять;
Но съ собой Царевну взять
Не случилось имъ; она
Вдругъ соскучилась одна
Въ душной горницѣ сидѣть
И на свѣтъ въ окно глядѣть.
Дай, сказала наконецъ,
Осмотрю я нашъ дворецъ.
По дворцу она пошла:
Пышныхъ комнатъ нѣтъ числа;
Всѣмъ любуется она;
Вотъ, глядитъ, отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Всходитъ вверхъ, и видитъ тамъ,

Старушеночка сидитъ;
Гребень подъ носомъ торчитъ;
Старушеночка прядетъ
И за пряжею поетъ:
„Веретенцо, не лѣнись;
„Пряжа тонкая, не рвись;
„Скоро будетъ въ добрый часъ
„Гостья жданая у насъ.“
Гостья жданая вошла;
Пряха, молча, подала
Въ руки ей веретено;
Та взяла и вмигъ оно
Укололо руку ей....
Все изчезло изъ очей;
На нее находитъ сонъ;
Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
Весь огромный царскій домъ;
Все утихнуло кругомъ;
Возвращаясь во дворецъ,
На крыльцѣ ея отецъ
Пошатнулся и зѣвнулъ,
И съ Царицею заснулъ;
Свита вся за ними спитъ;
Стража царская стоитъ
Подъ ружьемъ въ глубокомъ снѣ,
И на спящемъ спитъ конѣ
Передъ ней хорунжій самъ;
Неподвижно по стѣнамъ

Мухи сонныя сидятъ;
У воротъ собаки спятъ;
Въ стойлахъ, головы склонивъ,
Пышны гривы опустивъ,
Кони корму не ѣдятъ,
Кони сномъ глубокимъ спятъ;
Поваръ спитъ передъ огнемъ;
И огонь, объятый сномъ,
Не пылаетъ, не горитъ,
Соннымъ пламенемъ стоитъ;
И не тронется надъ нимъ,
Свившись клубомъ, сонный дымъ;
И окрестность со дворцомъ
Вся объята мертвымъ сномъ;
И покрылъ окрестность боръ;
Изъ терновника заборъ
Дикій боръ тотъ окружилъ;
Онъ навѣкъ загородилъ
Къ дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда слѣда—
И приблизиться бѣда!
Птица тамъ не пролетитъ,
Близко звѣрь не пробѣжитъ,
Даже облака небесъ
На дремучій, темный лѣсъ
Не навѣетъ вѣтерокъ.
Вотъ ужъ полный вѣкъ протёкъ;

Словно не жилъ Царь Матвѣй —
Такъ изъ памяти людей
Онъ изгладился давно;
Знали только то одно,
Что средь бора домъ стоитъ,
Что Царевна въ домѣ спитъ,
Что проспать ей триста лѣтъ,
Что теперь къ ней слѣду нѣтъ.
Много было смѣльчаковъ
(По сказанью стариковъ),
Въ лѣсъ брались они сходить,
Чтобъ Царевну разбудить;
Даже бились объ закладъ,
И ходили — но назадъ
Не пришелъ никто. Съ тѣхъ поръ
Въ неприступный, страшный боръ
Ни старикъ, ни молодой,
За Царевной ни ногой.
Время жъ все текло, текло;
Вотъ и триста лѣтъ прошло.
Что жъ случилося? Въ одинъ
День весенній, царскій сынъ,
Забавляясь ловлей, тамъ
По долинамъ, по полямъ
Съ свитой ловчихъ разъѣзжалъ.
Вотъ отъ свиты онъ отсталъ;
И у бора вдругъ одинъ
Очутился царскій сынъ.

Боръ, онъ видитъ, теменъ, дикъ.
Съ нимъ встрѣчается старикъ.
Съ старикомъ онъ въ разговоръ:
„Разскажи про этотъ боръ
„Мнѣ, старинушка честно́й?“
Покачавши головой,
Все старикъ тутъ разсказалъ,
Что отъ дѣдовъ онъ слыхалъ
О чудесномъ борѣ томъ:
Какъ богатый царскій домъ
Въ немъ давнымъ давно стоитъ,
Какъ Царевна въ домѣ спитъ,
Какъ ея чудесенъ сонъ,
Какъ три вѣка длится онъ,
Какъ во снѣ Царевна ждетъ,
Что спаситель къ ней придетъ;
Какъ опасны въ лѣсъ пути,
Какъ пыталася дойти
До Царевны молодёжь
Какъ со всякимъ то жъ, да то жъ
Приключалось: попадалъ
Въ лѣсъ, да тамъ и погибалъ.
Былъ дѣтина удалой,
Царскій сынъ; отъ сказки той
Вспыхнулъ онъ, какъ отъ огня;
Шпоры втиснулъ онъ въ коня;
Прянулъ конь отъ острыхъ шпоръ,
И стрѣлой помчался въ боръ,

И въ одно мгновенье тамъ.
Что жъ явилося очамъ
Сына царскаго? Заборъ,
Ограждавшій темный боръ,
Не терновникъ ужъ густой,
Но кустарникъ молодой;
Блещутъ розы по кустамъ;
Передъ витяземъ онъ самъ
Разступился, какъ живой;
Въ лѣсъ въѣзжаетъ витязь мой:
Все свѣжо, красно предъ нимъ;
По цвѣточкамъ молодымъ
Пляшутъ, блещутъ мотыльки;
Свѣтлой змѣйкой ручейки
Вьются, пѣнятся, журчатъ;
Птицы прыгаютъ, шумятъ
Въ густотѣ вѣтвей живыхъ;
Лѣсъ душистъ, прохладенъ, тихъ,
И ничто не страшно въ нёмъ.
Ѣдетъ гладкимъ онъ путемъ
Часъ, другой; вотъ наконецъ
Передъ нимъ стоитъ дворецъ,
Зданье — чудо старины;
Ворота отворены;
Въ ворота въѣзжаетъ онъ;
На дворѣ встрѣчаетъ онъ
Тму людей, и каждый спитъ:
Тотъ, какъ вкопанный сидитъ;

Тотъ, не двигаясь, идетъ;
Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ,
Сномъ пресѣкся разговоръ,
И въ устахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
Недокончанная рѣчь;
Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
Собрался, но не успѣлъ:
Сонъ *волшебный* овладѣлъ
Прежде сна *простаго* имъ;
И три вѣка недвижимъ,
Не стоитъ онъ, не лежитъ,
И упасть готовый, спитъ.
Изумлёнъ и поражёнъ
Царскій сынъ. Проходитъ онъ
Между сонными къ дворцу;
Приближается къ крыльцу;
По широкимъ ступенямъ
Хочетъ вверхъ итти; но тамъ
На ступеняхъ Царь лежитъ
И съ Царицей вмѣстѣ спитъ.
Путь на верхъ загорожёнъ.
Какъ же быть? подумалъ онъ,
Гдѣ пробраться во дворецъ?
Но рѣшился наконецъ,
И, молитву сотворя,
Онъ шагнулъ черезъ Царя.
Весь дворецъ обходитъ онъ;
Пышно всё, но всюду сонъ,

Гробовая тишина.
Вдругъ глядитъ: отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Онъ взошелъ. И что же тамъ?
Вся душа его кипитъ,
Передъ нимъ Царевна спитъ.
Какъ дитя лежитъ она,
Распылалася отъ сна;
Молодъ цвѣтъ ея ланитъ;
Межъ рѣсницами блеститъ
Пламя сонное очей;
Ночи темныя темнѣй,
Заплетенные косой
Кудри черной полосой
Обвились кругомъ чела;
Грудь, какъ свѣжій снѣгъ бѣла;
На воздушный, тонкій станъ
Брошенъ легкій сарафанъ;
Губки алыя горятъ;
Руки бѣлыя лежатъ
На трепещущихъ грудяхъ;
Сжаты въ легкихъ сапожкахъ
Ножки чудо красотой.
Видомъ прелести такой
Отуманенъ, распалёнъ,
Неподвижно смотритъ онъ;

Неподвижно спитъ она.
Что жъ разрушитъ силу сна?
Вотъ, чтобъ душу насладить,
Чтобъ хоть мало утолить
Жадность пламенныхъ очей,
На колѣни ставши, къ ней
Онъ приблизился лицемъ:
Распалительнымъ огнемъ
Жарко рдѣющихъ ланитъ
И дыханьемъ устъ облитъ,
Онъ души не удержалъ
И ее поцѣловалъ.
Вмигъ проснулася она;
И за нею вмигъ отъ сна
Поднялося все кругомъ;
Царь, Царица, царскій домъ;
Снова говоръ, крикъ, возня;
Все, какъ было; словно дня
Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
Все тотъ край былъ погружёнъ.
Царь на лѣстницу идетъ;
Нагулявшися ведетъ
Онъ Царицу въ ихъ покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучатъ;
Мухи стаями летятъ;
Приворотный лаетъ пёсъ;
На конюшнѣ свой овёсъ

Доѣдаетъ добрый конь;
Поваръ дуетъ на огонь,
И треща огонь горитъ,
И струёю дымъ бѣжитъ;
Все бывалое: одинъ
Небывалый царскій сынъ.
Онъ съ Царевной наконецъ
Сходитъ съ верху; мать, отецъ
Принялись ихъ обнимать.
Что жъ осталось досказать?
Свадьба, пиръ, и я тамъ былъ,
И вино на свадьбѣ пилъ;
По усамъ вино бѣжало,
Въ ротъ же капли не попало.

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

СКАЗКА.

(ОТРЫВОКЪ.)

Слушайте; я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изъ подлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да высиживать скуку.

Было прекрасное Майское утро. Квакупъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей

Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались
на пригорокъ,
Сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей, вызвать бойцевъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы; началося; ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито;
Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита
Въ слѣдъ за Его Величествомъ; солнце взошло ужъ
на полдень.
Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ, какъ стрѣлка, на
тоненькихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ же, но
въ шубахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцей они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ, и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть, и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усастаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ изъ
мутной
Лужи напившись, сказалъ: я не знаю вкуснѣе напитка!

Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю: изъ лѣса де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами Турецкими, уши
Длинныя, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ
Пьютъ. А кто и откуда они, неизвѣстно. Съ десяткомъ
Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку, провѣдать,
Кто незваные гости; когда непріятели, взять ихъ,
Если дадутся, когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши
Пышка съ холма и увидя тостей, въ минуту узналъ ихъ:
Это мыши; неважное дѣло! Но мнѣ не случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ чудно. Смотрите жъ,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого не обидѣть. Я съ ними
Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что скажетъ мнѣ бѣлый.
Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,

Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ; и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился: здравствуй, почтенный
Воинъ, сказалъ онъ ему; прошу не взыскать, что безъ спросу
Вашей воды напился я; мы всѣ отъ охоты устали;
Въ это же время здѣсь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ; и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ. Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка: милости просимъ
Къ намъ, благородные гости; нашъ царь, о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ,
Кто вы, и какъ васъ зовутъ. Я посланъ сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ показалась
Наша по вкусу вода: а платы не требуемъ; воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ воздухъ и солнце.
Бѣлая шубка учтиво отвѣтствовалъ: царская воля
Будетъ исполнена; радъ я къ Его Величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою;

Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ
Царства мышинаго. Въ это мгновенье, спустившись съ пригорка,
Царь Квакупъ со свитой своей приближался. Царевичъ
Бѣлая шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ: ибо не вѣдалъ, доброе ль, злое ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлёпалъ. Царевичъ Бѣлая шубка,
Вспомнивши кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты изъ дальняго, вѣрно,
Края: ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось.
Бѣлая шубка, царю поклонясь опять, на зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ: разскажи намъ
Кто ты? кто твой отецъ? кто мать? и откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда не таясь
Правду всю скажешь: я царь и много имѣю богатства;
Будетъ намъ сладко почтить дорогаго гостя дарами.
„Нѣтъ никакой мнѣ причины, отвѣтствовалъ Бѣлая шубка,
Царь-Государь, утаивать истину. Самъ я породы

Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой изъ дома
Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвостъ Иринарій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою онъ самъ разширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ, и двѣ трети ветчинни
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Писькунью бѣлую шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ свѣтѣ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію *Хватъ*. Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой.
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи; вскребаюсь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю въ запуски; я, какъ шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной

Гривъ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка.
Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ-подъ лапы;
Левъ-Государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровенъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: ты, вижу, забавникъ.
Льву услужить ты задумалъ — добро, мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ? Ступай. Тогда онъ раздвинулъ
Лапу; а я давай Богъ ноги; но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури,
Вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь Левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налились;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно; лишь болѣ себя онъ запутывалъ. Видишь,

Левъ-Государь, сказалъ я ему, что и я пригодился.
Будь спокоенъ; въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ; узлы перегрызли тенетъ, и левъ распутлялся.
Важно кивнувъ головою косматой и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ вмигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я *Хватомъ*, и славу свою поддержать я стараюсь;
Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ травою Овца, съ Овцею голодный
Волкъ, Собака съ Волкомъ, съ Собакой Медвѣдь, а съ Медвѣдемъ
Левъ; Человѣкъ же и Льва, и Медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ Мышей, есть много опасныхъ
Сильныхъ гонителей: Совы, Ласточки, Кошки, а всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія. И тяжко подъ часъ намъ приходитъ.
Я однако спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ

Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды пасъ смиренью
Учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ несчастьи не
хмурюсь.
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долго-
хвоста.
Гость дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая, въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши
мнѣ
То, что случалось когда съ мышинымъ вашимъ на-
родомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воева-
вали. —
Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй, Человѣкъ.
Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и
съ Мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не изчислить всѣхъ выдумокъ хи-
трыхъ, какими
Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вогъ напри-
мѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ под-
полье.

Намъ же съ дуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостиницу.
Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣ-
лый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались: въ домикъ забраться,
безъ платы
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они, но только что начали дружно висячій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ
превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тотъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ.
Было пѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и расклалъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ
нашъ
Оченъ довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки; бросилась
жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ
этомъ
Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ
подполье
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто
шальные
Съ пиру пришли удальцы: глаза на выкатъ, разинувъ

Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лице; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился
Намъ ко вреду съ Сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ
Хитрый Котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но Мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко накрѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома сѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Вытти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усастый, сизая шкурка,
Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой

Началъ усастое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое и я ужъ сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться.
Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Ка-
кой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые
Съ острыми шпорами были на пихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и
какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы
перегнувшись,
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья,
Разнаго цвѣта, торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память притти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись
у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не
помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со
мною,
Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ;
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ
кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый

Сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулися наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка: хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ: тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своею; будь же впередъ остороженъ.
Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска—
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ Царицей, и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный

Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ какъ маятникъ стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду
Котъ Мурлыка въ ветчинѣ виситъ на бревнѣ, и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
Вытянутъ весь; и спина и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынѣче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались
Въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ,

Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ да и
только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать
понемногу
Начали; кто посмѣлье, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ
подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ,
Котъ ни съ мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ
сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и на силу
Какъ-то она отъ него уплела), берегитесь: Мурлыка
Старый пошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ не добрый; и шкурка цѣла у него. То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ послѣ
не плакать,
Мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ
Вамъ. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, по-
уставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его и
поэтъ нашъ
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино
пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,

Мы же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ:

„Жилъ Мурлыка; былъ Мурлыка котъ Сибирскій,
„Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у Турка;
„Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ,
„Радуйся, наше подполье!“... Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки .мотались какъ тряпки; Царицу Прасковью
Чуть успѣли въ пору уволочь за заднія лапки;
Царь Ириварій спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

. . . . . .

СКАЗКА

О ЦАРѢ БЕРЕНДЕѢ,

О СЫНѢ ЕГО ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ,

О ХИТРОСТЯХЪ КОЩЕЯ БЕЗСМЕРТНАГО

И

О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ ЦАРЕВНЫ, КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ.

Жилъ былъ Царь Берендей *до колѣнъ борода.* Ужъ три года
Былъ онъ женатъ, и жилъ въ согласьи съ женою; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было Царю то прискорбно.
Нужда случилась Царю осмотрѣть свое государство;
Онъ простился съ Царицей и восемь мѣсяцевъ ровно
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣсяцъ въ исходѣ, когда онъ,
Къ царской столицѣ своей подъѣзжая, на полѣ чистомъ
Въ знойный день отдохнуть разсудилъ; разбили палатку;
Душно стало Царю подъ палаткой, и смерть захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно.....
Какъ быть, что дѣлать? А плохо приходитъ; вотъ онъ рѣшился
Самъ объѣхать все поле: авось попадется на счастье

Гдѣ нибудь ключъ. Поѣхалъ и видитъ колодезь. Поспѣшно
Спрянувъ съ коня, загляпулъ онъ въ него: онъ полонъ водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на поверхности ковшикъ
Плаваетъ. Царь Берендей поспѣшно за ковшикъ — не тутъ-то
Было; ковшикъ прочь отъ руки. За янтарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ, то правой рукою, то лѣвой хватаетъ
Ковшикъ; но ручка, проворно впляя и вправо и влѣво,
Только что дразнитъ Царя и никакъ не дается.
Что за причина? Вотъ онъ, выждавши время, чтобъ ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хвать его разомъ справа и слѣва —
Какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши, какъ рыбка, нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца, и снова потомъ на поверхность
Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Постой же! (подумалъ
Царь Берендей) я напьюсь безъ тебя, и, недолго сбираясь,
Жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и струю ключевую
Началъ тянуть, не заботясь о томъ, что въ водѣ утонула
Вся его борода. Напившися вдоволь, поднять онъ
Голову хочетъ..... анъ нѣтъ, погоди! не пускаютъ; и кто-то

Царскую бороду держитъ. Упершись въ ограду колодца,
Силится онъ оторваться, трясетъ, вертитъ головою —
Держатъ его да и только. „Кто тамъ? пустите!“ кричитъ онъ.
Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со дна образина:
Два огромные глаза горятъ, какъ два изумруда;
Ротъ, разинутый, чуднымъ смѣхомъ смѣется; два ряда
Крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ, и языкъ, межъ зубами
Выставясь, дразнитъ Царя; а въ бороду впутались крѣпко
Вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ наконецъ сиповатый
Голосъ сказалъ изъ воды: „не трудися, Царь, попапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,
Дай мнѣ то, что есть у тебя, и чего ты не знаешь.“
Царь подумалъ: чего жъ я не знаю? я, кажется, знаю
Всё! И онъ отвѣчалъ образинѣ: изволь, я согласенъ.
„Ладно!“ опять сиповатый послышался голосъ, „смотри же,
Слово сдержи, чтобъ себѣ не нажить ни попрека, ни худа.“
Съ этимъ словомъ изчезли клешни; образина пропала.
Честную выручивъ бороду, Царь отряхнулся, какъ гоголь,
Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ и всѣ Царю поклонились.
Сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ; и долго ли, мало ли ѣхалъ,

Только ужъ вотъ онъ близко столицы; на встрѣчу толпами
Сыплетъ народъ, и пушки палятъ, и на всѣхъ колокольняхъ
Звонъ. И Царь подъѣзжаетъ къ своимъ златоверхимъ палатамъ —
Тамъ Царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ; и съ Царицей
Рядомъ первый министръ; на рукахъ онъ своихъ парчевую
Держитъ подушку; на ней же младенецъ, прекрасный какъ свѣтлый
Мѣсяцъ, въ пеленкахъ копышется. Царь догадался и ахнулъ.
„Вотъ оно то, чего я не зналъ! Уморилъ ты, проклятый
Демонъ, меня!“ Такъ онъ подумалъ и горько, горько заплакалъ;
Всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ. Младенца
На руки взявши, Царь Берендей любовался имъ долго,
Самъ его взнесъ на крыльце, положилъ въ колыбельку, и, горе
Скрывъ про себя, по-прежнему царствовать началъ. О тайнѣ
Царской никто не узналъ; но всѣ примѣчали, что крѣпко
Царь былъ печаленъ — онъ все дожидался: вотъ придутъ за сыномъ;
Днемъ онъ покоя не зналъ, и сна не вѣдалъ онъ ночью.
Время однако текло, а никто не являлся. Царевичъ

Росъ не по днямъ — по часамъ; и сдѣлался чудо-красавецъ.
Вотъ наконецъ и Царь Берендей о томъ, что случилось,
Вовсе забылъ..... по другіе не такъ забывчивы были.
Разъ Царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ густую
Чащу завхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико; поляна;
Черныя сосны кругомъ; на полянѣ дуплистая липа.
Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ; вылѣзаетъ оттуда
Чудный какой-то старикъ, съ бородою зеленой, съ глазами
Также зелеными. „Здравствуй, Иванъ Царевичъ,“ сказалъ онъ,
„Долго тебя дожидался мы; пора бы насъ вспомнить.“
Кто ты? Царевичъ спросилъ. — „Объ этомъ послѣ; теперь же
Вотъ что ты сдѣлай: отцу своему, Царю Берендею
Мой поклонъ отнеси, да скажи отъ меня: не пора ли,
Царь Берендей, долженъ заплатить? Ужъ давно миновалось
Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья.“— И съ этимъ
Словомъ изчезъ бородатый старикъ. Иванъ же Царевичъ
Въ крѣпкой думѣ поѣхалъ обратно изъ темнаго лѣса.
Вотъ онъ къ отцу своему, Царю Берендею приходитъ.
Батюшка Царь-Государь, говоритъ онъ; со мною случилось

Чудо. И онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ.
Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. „Бѣда, мой сердечный
Другъ, Иванъ Царевичъ!“ воскликнулъ онъ, горько заплакавъ.
„Видно, пришло намъ разстаться!..“ И страшную тайну о данной
Клятвѣ сыну открылъ онъ. Не плачь, не крушися, родитель,
Такъ отвѣчалъ Иванъ Царевичъ; бѣда не велика.
Дай мнѣ коня; я поѣду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь никто не провѣдалъ,
Даже сама Государыня матушка. Если жъ назадъ я
Къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду, тогда ужъ
Знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня. — Снарядили, какъ должно,
Въ путь Ивана Царевича. Далъ ему Царь золотыя
Латы, мечъ и коня воронаго; Царица съ мощами
Крестъ на шею надѣла ему; отпѣли молебенъ;
Нѣжно потомъ обнялися, поплакали..... съ Богомъ Поѣхалъ
Въ путь Иванъ Царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ? Ужъ ѣдетъ
День онъ, другой и третій; въ исходѣ четвертаго — солнце
Только успѣло зайти — подъѣзжаетъ онъ къ озеру; гладко

Озеро то, какъ стекло; вода наровнѣ съ берегами;
Все въ окрестности пусто; румянымъ вечернимъ сіяньемъ
Воды покрытыя гаснутъ, и въ нихъ отразился зеленый
Берегъ и частый тростникъ — и все какъ будто бы дремлетъ;
Воздухъ не вѣетъ; тростинка не тронется; шороха въ струйкахъ
Свѣтлыхъ не слышно. Иванъ Царевичъ смотритъ, и что же
Видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ, сѣренькихъ уточекъ подлѣ
Берега плаваютъ; рядомъ тридцать бѣлыхъ сорочекъ
Подлѣ воды на травкѣ лежатъ. Осторожно поодаль
Слѣзъ Иванъ Царевичъ съ коня; высокой травою
Скрытый, подползъ, и одну изъ бѣлыхъ сорочекъ тихонько
Взялъ; потомъ угнѣздился въ кустѣ дожидаться, что будетъ.
Уточки плаваютъ, плещутся въ струйкахъ, играютъ, ныряютъ.....
Вотъ наконецъ, поигравъ, понырявъ, поплескавшись, подплыли
Къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, побѣжавъ съ перевалкой
Къ бѣлымъ сорочкамъ, оземь ударились, всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и разомъ изчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ вытти не смѣя,

Взадъ и впередъ одна одинешенька съ жалобнымъ крикомъ
Около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку,
Смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова присядетъ.....
Жалко стало Ивану Царевичу. Вотъ онъ выходитъ
Къ ней изъ-за кустика; глядь, а она ему человѣчьимъ
Голосомъ вслухъ говоритъ: Иванъ Царевичъ, отдай мнѣ
Платье мое, я сама тебѣ пригожуся. Онъ съ нею
Спорить не сталъ, положилъ на травку сорочку, и скромно
Прочь отошедши, сталъ за кустомъ. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдругъ видитъ Иванъ Царевичъ? Дѣвица
Въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ нимъ, молода и прекрасна
Такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, и, краснѣя,
Руку ему подаетъ и, потупивъ стыдливыя очи,
Голосомъ звонкимъ, какъ струны, ему говоритъ: благодарствуй,
Добрый Иванъ Царевичъ, за то, что меня ты послушалъ;
Тѣмъ ты себѣ самому услужилъ, но и мною доволенъ
Будешь: я дочь Кощея безсмертнаго, Марья Царевна;
Тридцать насъ у него дочерей молодыхъ. Подземельнымъ

Царствомъ владѣетъ Кощей. Онъ давно ужъ тебя поджидаетъ
Въ гости и очень сердитъ; но ты не пекись, не заботься,
Сдѣлай лишь то, что я тебѣ присовѣтую. Слушай:
Только завидишь Кощея Царя, упади на колѣна,
Прямо къ нему поползи; затопаетъ онъ — не пугайся;
Станетъ ругаться — не слушай; ползи да и только; что послѣ
Будетъ, увидишь; теперь пора намъ. — И Марья Царевна
Въ землю ударила маленькой ножкой своей; разступилась
Тотчасъ земля, и они вмѣстѣ въ подземное царство спустились.
Видятъ дворецъ Кощея безсмертнаго; высѣченъ былъ онъ
Весь изъ карбункула камня, и ярче небеснаго солнца
Все подъ землей освѣщалъ. Иванъ Царевичъ отважно
Входитъ: Кощей сидитъ на престолѣ въ свѣтлой коронѣ;
Блещутъ глаза какъ два изумруда; руки съ клешнями.
Только завидѣлъ его вдалекѣ, тотчасъ на колѣни
Сталъ Иванъ Царевичъ. Кощей же затопалъ; сверкнуло
Страшно въ зеленыхъ глазахъ, и такъ закричалъ онъ, что своды
Царства подземнаго дрогнули. Слово Марьи Царевны
Вспомня, поползъ на корачкахъ Иванъ Царевичъ къ престолу;

Царь шумитъ, а Царевичъ ползетъ да ползетъ. Напо-
слѣдокъ
Стало Царю и смѣшно: „добро ты, проказникъ, ска-
залъ онъ,
Если тебѣ удалося меня разсмѣшить, то съ тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просимъ
Къ намъ въ подземельное царство; по знай, за твое
ослушанье
Долженъ ты намъ отслужить три службы; сочтемся
мы завтра;
Нынѣ уже поздно; поди.“ Тутъ два придворныхъ про-
ворно
Подъ руки взали Ивана Царевича очень учтиво,
Съ нимъ пошли въ покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились Царевичу въ поясъ, ушли, и остался
Тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на постелю, и
скоро
Сномъ глубокимъ заснулъ. На другой день рано по утру
Царь Кощей къ себѣ Ивана Царевича кликнулъ:
„Ну, Иванъ Царевичъ, сказалъ онъ, теперь мы по-
смотримъ,
Что-то искусенъ ты дѣлать? Изволь, напримѣръ, намъ
построить
Нынѣшней ночью дворецъ: чтобъ кровля была золотая,
Стѣны изъ мрамора, окна хрустальныя, вкругъ регу-
лярный
Садъ и въ саду пруды съ карасями; если построишь
Этотъ дворецъ, то нашу царскую милость заслужишь;

Если же нѣтъ, то прошу не пенять..... головы не
удержишь!“ —
Ахъ ты, Кощей окаянный, Иванъ Царевичъ подумалъ,
Вотъ что затѣялъ, смотри пожалуй! Съ тяжелой кру-
чиной
Онъ возвратился къ себѣ, и сидитъ пригорюнясь; ужъ
вечеръ;
Вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла окошку,
Бьется объ стекла — и слышитъ онъ голосъ: впусти!
Отворилъ онъ
Дверку окошка, пчелка влетѣла и вдругъ обернулась
Марьей Царевной. Здравствуй, Иванъ Царевичъ; о чемъ
ты
Такъ призадумался? — „Нехотя будешь задумчивъ,
сказалъ онъ:
Батюшка твой до моей головы добирается.“ — Что же
Сдѣлать рѣшился ты? — „Что? Ничего. Пускай его
сниметъ
Голову; двухъ смертей не видать, одной не минуешь.“—
Нѣтъ, мой милый Иванъ Царевичъ, не должно терять намъ
Бодрости. То ли бѣда? Бѣда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты самъ, мудренѣе: ложися
Спать; а завтра поранѣе встать; ужъ дворецъ твой
построенъ
Будетъ; ты жъ только ходи съ молоткомъ, да посту-
кивай въ стѣну.
Такъ все и сдѣлалось. Утромъ, ни свѣтъ ни заря, изъ
каморки

Вышелъ Иванъ Царевичъ..... глядитъ, а дворецъ ужъ
построенъ,
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изу-
мился;
Върить не хочетъ глазамъ. „Да ты хитрецъ не на
шутку,
Такъ онъ сказалъ Ивану Царевичу; вижу, ты ловокъ
На руку; вотъ мы посмотримъ, такъ же ли будешь
догадливъ.
Тридцать естъ у меня дочерей, прекрасныхъ царевенъ.
Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю, и долженъ ты
будешь
Три раза мимо пройти, и въ третій мнѣ разъ безъ
ошибки
Младшую дочь мою, Марью Царевну, узнать; не у-
знаешь —
Съ плечъ голова; Поди.“ — Ужъ выдумалъ, чучела,
мудрость,
Думалъ Иванъ Царевичъ, сидя подъ окномъ. Не у-
знать мнѣ
Марью Царевну... какая жъ тутъ трудность? — А
трудность такая,
Молвила Марья Царевна, пчелкой влетѣвши, что если
Я не вступлюся, то быть бѣдѣ неминуемой. Всѣхъ
насъ
Тридцать сестёръ, и всѣ на одно мы лице; и такое
Сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ только
по платью

Можетъ насъ различать. — „Ну что же мнѣ дѣлать?“ —
А вотъ что:
Буду я та, у которой на правой щекѣ ты замѣтишь
Мошку. Смотри же, будь остороженъ, вглядись хорошенько,
Сдѣлать ошибку легко. До свиданья. — И пчелка
изчезла.
Вотъ на другой день опять Ивана Царевича кличетъ
Царь Кощей. Царевны ужъ тутъ, и всѣ въ одинакомъ
Платьѣ рядомъ стоятъ, потупивъ глаза. Ну, искуспикъ,
Молвилъ Кощей, изволь-ка пройтиться три раза мимо
Этихъ красавицъ, да въ третій разъ потрудись указать намъ
Марью Царевну. Пошелъ Иванъ Царевичъ; глядитъ
онъ
Въ оба глаза: ужъ подлинно сходство! И вотъ онъ
проходитъ
Въ первый разъ — мошки нѣтъ; проходитъ въ другой
разъ — все мошки
Нѣтъ; проходитъ въ третій, и видитъ — крадется
мошка,
Чуть замѣтно, по свѣжей щекѣ, а щека-та подъ нею
Такъ и горитъ; загорѣлось и въ немъ, и съ трепещущимъ сердцемъ:
„Вотъ она, Марья Царевна! сказалъ онъ Кощею, подавши
Руку красавицѣ съ мошкой.“ — Э! Э! да тутъ, примѣчаю,

Что-то нечисто, Кощей проворчалъ, на Царевича съ сердцемъ
Выпучивъ оба зеленые глаза. Правда, узналъ ты
Марью Царевну: но какъ узналъ? Вотъ тутъ-то и хитрость;
Вѣрно съ грѣхомъ пополамъ. Погоди же, теперь доберуся
Я до тебя. Часа черезъ три ты опять къ намъ пожалуй;
Рады мы гостю, а ты намъ свою премудрость на дѣлѣ
Здѣсь покажи: зажгу я соломенку; ты же, покуда
Будетъ горѣть та соломенка, здѣсь, не трогаясь съ мѣста,
Сшей мнѣ пару сапогъ съ оторочкой; не диво; да только
Знай напередъ: не сошьешь — долой голова; до свиданья.
Золъ возвратился къ себѣ Иванъ Царевичъ, а пчелка
Марья Царевна ужъ тамъ. — Отъ чего опять такъ задумчивъ,
Милый Иванъ Царевичъ? спросила она. — „По неволѣ
Будешь задумчивъ, онъ ей отвѣчалъ. Отецъ твой затѣялъ
Новую шутку; шей я ему сапоги съ оторочкой;
Развѣ какой я сапожникъ? Я Царскій сынъ; я не хуже
Родомъ его. Кощей онъ безсмертный! видали мы много
Этихъ безсмертныхъ.“ Иванъ Царевичъ, да что же ты будешь

Дѣлать? — „Что мнѣ тутъ дѣлать? Шить сапоговъ я не стану.
Сниметъ онъ голову — чортъ съ нимъ съ собакой! какая мнѣ нужда!“
— Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы, теперь женихъ и невѣста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вмѣстѣ спасемся,
Или вмѣстѣ погибнемъ. Намъ должно бѣжать: ужъ другаго
Способа нѣтъ. — Такъ сказавъ, на окошко Марья Царевна
Плюнула; слюнки въ минуту примерзли къ стеклу; изъ каморки
Вышла она потомъ съ Иваномъ Царевичемъ вмѣстѣ,
Двери ключемъ заперла, и ключъ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потомъ, они поднялися и мигомъ
Тамъ очутились, откуда сошли въ подземельное царство:
То же озеро, низкій берегъ, муравчатый, свѣжій
Лугъ, и, видятъ, по лугу свѣжему бодро гуляетъ
Конь Ивана Царевича. Только почуялъ могучій
Конь сѣдока своего, какъ заржалъ, заплясалъ и помчался
Прямо къ нему, и примчавшись, какъ вкопанный въ землю,
Сталъ передъ нимъ. Иванъ Царевичъ, не думая долго,
Сѣлъ на коня, Царевна за нимъ и пустились стрѣлою.
Царь Кощей въ назначенный часъ посылаетъ придворныхъ

Слугъ доложить Ивану Царевичу: что-де такъ долго
Мѣшкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходятъ;
Заперты двери. Стукъ! стукъ! и вотъ изъ-за двери имъ слюнки,
Словно какъ самъ Иванъ Царевичъ, отвѣтствуютъ: *буду*.
Этотъ отвѣтъ придворные слуги относятъ къ Кощею;
Ждать подождать, Царевичъ нейдетъ; посылаетъ въ другой разъ
Тѣхъ же пословъ разсержённый Кощей, и та же все пѣсня:
Буду; а нѣтъ никого. — Взбѣсился Кощей. „Насмѣхаться
Что ли онъ вздумалъ? Бѣгите же; дверь разломать и въ минуту
За воротъ къ намъ притащить неучтивца!“ — Бросились слуги.....
Двери разломаны..... вотъ тебѣ разъ; никого тамъ, а слюнки
Такъ и хохочутъ. Кощей едва отъ злости не лопнулъ.
Ахъ! онъ воръ окаянный! люди! люди! скорѣе
Всѣ въ погоню за нимъ!.... я всѣхъ перевѣшаю, если
Онъ убѣжитъ!... Помчалась погоня..... Мнѣ слышится топотъ,
Шепчетъ Ивану Царевичу Марья Царевна, прижавшись
Жаркою грудью къ нему. Онъ слѣзаетъ съ коня и, припавши
Ухомъ къ землѣ, говоритъ ей: скачутъ и близко. — Такъ медлить

Нечего, Марья Царевна сказала, и въ ту же минуту
Сдѣлалась ручкой сама, Иванъ Царевичъ желѣзнымъ
Мостикомъ, чернымъ ворономъ конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостикомъ. Быстро погоня
Скачетъ по свѣжему слѣду; но къ ручкѣ примчавшися, стали
Въ пень Кощеевы слуги: слѣдъ до мостика видѣнъ;
Далѣ жъ и слѣдъ пропадаетъ, и дѣлится на три дорога.
Нечего дѣлать, назадъ! Воротились разумники. Срашно
Царь Кощей разозлился, о ихъ неудачѣ услышавъ.
„Черти! вѣдь мостикъ и ручка были они! догадаться
Можно бы вамъ, дуралеямъ! Назадъ! чтобъ былъ непремѣнно
Здѣсь онъ!“... Опять помчалась погоня.... Мнѣ слышится топотъ,
Шепечетъ опять Ивану Царевичу Марья Царевна.
Слѣзъ онъ съ сѣдла и, припавши ухомъ къ землѣ, говоритъ ей:
Скачутъ и близко. — И въ ту же минуту Марья Царевна
Вмѣстѣ съ Иваномъ Царевичемъ, съ ними и конь ихъ, дремучимъ
Сдѣлались лѣсомъ; въ лѣсу томъ дорожекъ, тропинокъ числа нѣтъ;
По лѣсу жъ, кажется, конь съ двумя сѣдоками несется.
Вотъ по свѣжему слѣду гонцы примчалися къ лѣсу;
Видятъ въ лѣсу скакуновъ и пустились въ догонку за ними.

Лѣсъ же раскинулся вплотъ до входа въ Кощеево царство.
Мчатся гонцы, а конь передъ ними скачетъ, да скачетъ;
Кажется, близко; ну только бъ схватить; анъ нѣтъ,
не дается.
Глядь! очутились они у входа въ Кощеево царство,
Въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пустились въ погоню;
и скрылось
Все: ни коня, ни дремучаго лѣсу. Съ пустыми руками
Снова явились къ Кощею они. Какъ цѣпная собака,
Началъ метаться Кощей. — „Вотъ я жъ его плута!
коня мнѣ!
Самъ поѣду, увидимъ мы, какъ отъ меня отвертится!“
Снова Ивану Царевичу Марья Царевна тихонько
Шепчетъ: мнѣ слышится топотъ; и снова онъ ей от-
вѣчаетъ:
Скачутъ и близко. — Бѣда намъ! вѣдь это Кощей
мой родитель
Самъ; но у первой церкви граница его государства;
Далѣе жъ церкви скакать онъ никакъ не посмѣетъ.
Подай мнѣ
Крестъ твой съ мощами. — Послушавшись Марьи Ца-
ревны, снимаетъ
Съ шеи своей крестъ золотой Иванъ Царевичъ, и въ руки
Ей подаетъ, и въ минуту она обратилася въ церковь,
Онъ въ монаха, а конь въ колокольню — и въ ту же
минуту
Съ свитою къ церкви Кощей прискакалъ. Не видалъ
ли проѣзжихъ,

Старецъ честной? онъ спросилъ у монаха. — Сей часъ проѣзжали
Здѣсь Иванъ Царевичъ съ Марьей Царевной; входили
Въ церковь они — Святымъ помолились, да мнѣ приказали
Свѣчку поставить за здравье твое и тебѣ поклониться,
Если ко мнѣ ты заѣдешь. — Чтобъ шею сломить имъ проклятымъ!
Крикнулъ Кощей, и, коня повернувъ, какъ безумный, помчался
Съ свитой назадъ, а примчавшись домой, пересѣкъ безпощадно
Всѣхъ до единаго слугъ. Иванъ же Царевичъ съ своею
Марьей Царевной поѣхали далѣ, уже не бояся
Болѣ погони. Вотъ они ѣдутъ шажкомъ; ужъ склонялось
Солнце къ закату, и вдругъ въ вечернихъ лучахъ передъ ними
Городъ прекрасный. Ивану Царевичу смерть захотѣлось
Въ этотъ городъ заѣхать. Иванъ Царевичъ, сказала
Марья Царевна, не ѣзди; не даромъ вѣщее сердце
Ноетъ во мнѣ: бѣда приключится. — „Чего ты боишься,
Марья Царевна? Заѣдемъ туда на минуту; посмотримъ
Городъ, потомъ и назадъ.“ — Заѣхать нетрудно; да трудно
Выѣхать будетъ. Но быть такъ! ступай, а я здѣсь останусь

Бѣлымъ камнемъ лежать у дороги; смотри же, мой милый,
Будь остороженъ: Царь и Царица и дочь ихъ Царевна
Выдутъ на встрѣчу тебѣ и съ ними прекрасный младенецъ
Будетъ; младенца того не цѣлуй: поцѣлуешь, забудешь
Тотчасъ меня; тогда и я не останусь на свѣтѣ,
Съ горя умру, и умру отъ тебя. Вотъ здѣсь у дороги
Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третій
День не придешь ... но прости, поѣзжай. — И въ городъ поѣхалъ,
Съ нею простяся, Иванъ Царевичъ одинъ. У дороги
Бѣлымъ камнемъ осталася Марья Царевна. Проходитъ
День, проходитъ другой, напослѣдокъ проходитъ и третій —
Нѣтъ Ивана Царевича. Бѣдная Марья Царевна!
Онъ не исполнилъ ея наставленья: въ городѣ вышли
Встрѣтить его и Царь, и Царица, и дочь ихъ Царевна;
Выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ, мальчикъ-кудряшка,
Живчикъ, глазенки, какъ ясныя звѣзды; и бросился прямо
Въ руки Ивану Царевичу; онъ же его красотою
Такъ былъ плѣненъ, что, умъ потерявши, въ горячія щеки
Началъ его цѣловать; и въ эту минуту затмилась
Память его, и онъ позабылъ о Марьѣ Царевнѣ.
Горе взяло ее. „Ты покинулъ меня, такъ и жить мнѣ

Не зачѣмъ болѣ.“ И въ то же мгновенье изъ бѣлаго камня
Марья Царевна въ лазоревый цвѣтъ полевой превратилась.
Здѣсь у дороги останусь, авось мимоходомъ затопчетъ
Кто нибудь въ землю меня, сказала она, и росинки
Слезъ на листкахъ голубыхъ заблистали. Дорогой въ то время
Шелъ старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у дороги увидѣлъ;
Нѣжной его красотою плѣнясь, осторожно онъ вырылъ
Съ корнемъ его, и въ избушку свою перенесъ, и въ корытце
Тамъ посадилъ и полилъ водой, и за милымъ цвѣточкомъ
Началъ ухаживать. Что же случилось? Съ той самой минуты
Все не по-старому стало въ избушкѣ; чудесное что-то
Начало дѣяться въ ней: проснется старикъ — а въ избушкѣ
Все ужъ, какъ надобно, прибрано; нѣтъ нигдѣ ни пылинки.
Въ полдень придетъ онъ домой — а обѣдъ ужъ состряпанъ и чистой
Скатертью столъ ужъ накрытъ: садися, и ѣшь на здоровье.
Онъ дивился, не зналъ, что подумать; ему напослѣдокъ
Стало и страшно, и онъ у одной ворожейки старушки

Началъ совѣта просить, что дѣлать. А вотъ что ты сдѣлай,
Такъ отвѣчала ему ворожейка: встань ты до первой
Ранней зари, пока пѣтухи не пропѣли, и въ оба
Глаза гляди: что начнетъ въ избушкѣ твоей шевелиться,
То ты вотъ этимъ платкомъ и накрой. Что будетъ, увидишь.
Цѣлую ночь на пролетъ старикъ пролежалъ на постелѣ,
Глазъ не смыкая. Заря занялася и стало въ избушкѣ
Видно, и видитъ онъ вдругъ, что цвѣтокъ голубой встрепенулся,
Съ топкаго стебля спорхнулъ, и началъ летать по избушкѣ;
Все между тѣмъ по мѣстамъ становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался въ печуркѣ. Проворно съ постели
Прянулъ старикъ и накрылъ цвѣточекъ платкомъ, и явилась
Вдругъ предъ глазами его красавица Марья Царевна.
— Что ты сдѣлалъ? сказала она: зачѣмъ возвратилъ ты
Жизнь мнѣ мою? Женихъ мой, Иванъ Царевичъ прекрасный
Бросилъ меня, и я имъ забыта. — „Иванъ твой Царевичъ
Женится нынѣче. Ужъ свадебный пиръ приготовленъ, и гости

Съѣхались всѣ.“ — Заплакала горько Марья Царевна;
Слезы потомъ отерла; потомъ, въ сарафанъ наряд-
дившись,
Въ городъ крестьянкой пошла. Приходитъ на цар-
скую кухню;
Бѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и фартукахъ бѣ-
лыхъ;
Шумъ, возня, стукотня. Вотъ Марья Царевна, при-
ближась
Къ старшему повару, съ видомъ умильнымъ и сладкимъ,
какъ флейта,
Голосомъ молвила: поваръ, голубчикъ, послушай, поз-
воль мнѣ
Свадебный спечь пирогъ для Ивана Царевича. — По-
варъ,
Занятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ огрызнуться; но
слово
Замерло вдругъ у него на губахъ, когда онъ увидѣлъ
Марью Царевну; и ей отвѣчалъ онъ съ привѣтливымъ
взглядомъ:
Въ добрый часъ, дѣвица красавица; все, что угодно,
Дѣлай; Ивану Царевичу самъ поднесу я пирогъ твой.
Вотъ пирогъ испеченъ; а званые гости, какъ должно,
Всѣ ужъ сидятъ за столомъ и пируютъ. Услужливый
поваръ
Важно огромный пирогъ на узорномъ серебряномъ блюдѣ
Ставитъ на столъ передъ самымъ Иваномъ Царевичемъ; гости

Всѣ удивились, увидя пирогъ. Но лишь только верхушку
Срѣзалъ съ него Иванъ Царевичъ — новое чудо!
Сизый голубь съ бѣлой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по́ столу ходитъ; голубка за нимъ, и воркуетъ:
Голубь, мой голубь, постой, не бѣги; обо мнѣ ты забудешь
Такъ, какъ Иванъ Царевичъ забылъ о Марьѣ Царевнѣ!
Ахнулъ Иванъ Царевичъ, то слово голубки услышавъ;
Онъ вскочилъ, какъ безумный, и кинулся въ дверь, а за дверью
Марья Царевна стоитъ ужъ и ждетъ. У крыльца же
Конь вороной съ нетерпѣнья, осѣдланный, взнузданный, пляшетъ.
Нечего медлить; поѣхалъ Иванъ Царевичъ съ своею
Марьей Царевной; ѣдутъ, да ѣдутъ, и вотъ пріѣзжаютъ
Въ царство Царя Берендея они. И Царь и Царица
Приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что такого веселья
Видомъ не видано, слыхомъ не слыхано. Долго не стали
Думать, честнымъ пиркомъ, да за свадебку; съѣхались гости,
Свадьбу сыграли; я тамъ былъ, тамъ медъ я и пиво
Пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало. И все тутъ.

РУССКАЯ СЛАВА.

Святая Русь, Славянъ могучій родъ,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Какимъ путемъ пробился твой народъ!
Въ какихъ бояхъ твоя созрѣла слава!
Призвалъ Варяга Славянинъ;
Пошли гулять ихъ буйны рати;
Кругомъ руля полночныхъ братій
Взревѣлъ испуганный Эвксинъ.....
Но вышелъ Святославовъ сынъ,
И поднялъ знамя Благодати.

Была пора: губительный Раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвію кровавой;
За нимъ во слѣдъ бѣжали Гладъ и Моръ;
Разбой, грабежъ и мщенье были славой;
Отъ Русскихъ Русскихъ кровь текла;
Губилъ Половчанинъ безъ страха;
Лежали грады кучей праха;
И Русь бѣдою поросла.....
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
Душей великой Мономаха.

Была пора: Татаринъ злой шагнулъ
Черезъ рубежъ хранительныя Волги;
Погибло все; народъ, терпя, согнулъ
Главу подъ стыдъ мучительный и долгій!
Безчестнымъ Русь давя ярмомъ,
Баскакъ носился въ край изъ края;
Катилась въ прахъ глава святая
Князей подъ Ханскимъ топоромъ....
Но встала Русь передъ врагомъ,
И битва гряпула Донская.

Была пора: коварный, вражій Ляхъ
На Русскій тронъ накликалъ Самозванца;
Заграбилъ все; и Русь въ его цѣпяхъ,
Въ Цари позвать дерзнула чужестранца;
Зачахла Русская земля;
Ей Ляхъ напомнилъ плѣнъ Татарскій;
И брошенъ былъ вѣнецъ нашъ Царскій
Къ ногамъ презрѣннымъ Короля.....
Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
Ихъ опрокинулъ Князь Пожарскій.

Была пора: привелъ къ намъ рати Шведъ;
Предъ горстью ихъ бѣжали мы толпами;
Жестка далась наука намъ побѣдъ;
Купили ихъ мы нашими костями;
То трудная была пора:
Пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
Хвалились вырвать знамя славы
Изъ рукъ могучаго Петра.....
Но дало Русское ура!
Отвѣтъ имъ съ пушками Полтавы.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ.
Въ немъ ожила вся древней Руси слава,
Тѣ дни, когда громилъ Царьградъ Олегъ,
И вылъ Дунай подъ лодкой Святослава.
Рымникъ, Чесма, Кагульскій бой,
Орлы во градѣ Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой,
И въ Прагѣ, кровью залитóй,
Москвы отмщенная обида.

Была пора: была святая брань;
Отъ Запада узрѣли мы Батыя;
Народовъ тмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родныя;
Дошли къ намъ Царскія слова,
И стала Русь стѣною трона;
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права.....
Но загорѣлася Москва,
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона.

Пришла пора: чудясь, узрѣли насъ
И Арараты, и Тавра великаны;
И близокъ былъ Стамбула смертный часъ:
Нашъ богатырь шагнулъ черезъ Балканы.

Знамена развернулъ мятежъ;
Насъ позвалъ Ляхъ на пиръ кровавый;
Но пиръ былъ данъ на полѣ славы,
Гдѣ слѣдъ нашъ памятенъ и свѣжъ.....
И гости пира были тѣ жъ;
И та жъ была судьба Варшавы.

Трудна пора: Война и грозный Моръ
Царя и Русь отвсюду осадили;
Народъ въ бѣдѣ ударилъ къ бунту сборъ;
Мятежники знамена посрамили;

Явился ЦАРЬ: ихъ облилъ страхъ;
Губители оцѣпенѣли.
Но гдѣ жъ ОНЪ самъ, предъ кѣмъ не смѣли
Они возрѣть и пали въ прахъ?.....
Новорожденный сынъ въ рукахъ!
Его несетъ ОНЪ къ колыбели.

Покойся въ ней, прекрасное дитя,
Хранимое святыней колыбели;
Ты Божій даръ: Судьбину укротя,
Въ тебѣ съ небесъ къ намъ Ангелы слетѣли.

Подъ грознымъ шумомъ бурныхъ дней
Сномъ непорочности почія,
Намъ времена являй иныя
Святою прелестью своей:
ОТЕЦЪ Твой будетъ честь Царей;
Возблагоденствуетъ Россія.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЕ

КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ.

Прекрасная лунная ночь въ Павловскѣ подала поводъ написать это посланіе. Государынѣ Императрицѣ угодно было дать замѣтить поэту красоту этой ночи, и онъ, изчисливъ разныя прежде имъ сдѣланныя описанія луны, признается въ стихахъ своихъ, что ни которая изъ этихъ описанныхъ лунъ не была столь прелестна, какъ та, которая въ ту ночь освѣщала Павловскія рощи и воды.